801-18
2539
13168
Б
М 141
1111
ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА имени В. И. Ленина
Ф. 5629-34

# РУССКІЕ ИНОРОДЦЫ.

## I.

### Литовское племя и отношенія его къ русской исторіи.

(Изъ лекцій русской исторіи, читанныхъ въ Императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ въ 1860 году.)

### I.

Въ краѣ, прилегающемъ къ южному берегу балтійскаго моря, издревле обитало литовское или летское племя, котораго остатки и до-сихъ-поръ уцѣлѣли отъ губительнаго вліянія враждебнаго нѣмецкаго элемента, много вѣковъ систематически истреблявшаго порабощенное имъ племя. Въ древности оно граничило на западѣ съ славянами, на востокѣ съ чудскими народами. Никогда исторія не знала этого племени подъ собирательнымъ для него всего туземнымъ названіемъ. На сколько простираются наши свѣдѣнія въ глубину доисторическаго мрака, всегда оно являлось раздѣленнымъ на единоплеменные народцы, болѣе или менѣе сохранившіе между собою духовную связь языка, вѣрованій, обычаевъ и образа жизни. Первые составители нашихъ лѣтописей перечислили народы литовскаго племени такимъ образомъ: пруссы, корсь, земѣгала, летгола, литва, русь, подъ которой вѣроятно разумѣлась не часть жмуди, но вся вообще жмудь.

Трудно съ точностію опредѣлить географическіе предѣлы жилищъ всѣхъ этихъ частей литовскаго племени, и приходится довольствоваться приблизительными указаніями. Корсь обитала по берегу моря на полуостровѣ въ нынѣшней Курляндіи, удержавшей отъ нея и свое названіе, ибо народъ, называемый въ нашихъ лѣтописяхъ корсью, на западѣ называемъ былъ куронами. Различнымъ образомъ производили это наименованіе; одни искали корня его въ словѣ *каурось*, которое будто бы означаетъ низменную землю, другіе, какъ Богушъ, искали его въ корнѣ «Karas» война, «Kareiwis» также «Korionis» значитъ воинъ; и тогда «куронъ» — названіе, подъ которымъ эта часть литовскаго племени была извѣстна у иноземцевъ, будетъ довольно-близко перенятое у туземцевъ слово; Риттеръ же искалъ въ наименованіи *корсь* единства съ миоологическимъ наименованіемъ солнца у восточныхъ народовъ. Зимѣгола было названіе народа и страны, имъ обитаемой, на востокѣ отъ Корси или Куроніи, прилегавшей къ Двинѣ. Производство этого слова удачнѣе, чѣмъ предъидущаго: Зимѣгола (правильнѣе Жемгала) значитъ земли конецъ, отъ Zeme—земля и Galas—конецъ; это объясненіе придумано Шлецеромъ; Богушъ раздѣлялъ его. По другую сторону Двины на востокъ отъ жемгалы, жилъ литовскій народъ летгала, иначе летгола, или лотыгола (латыши); въ происхожденіи его названія очевидно тоже слово «Galas», означающее конецъ, и кажется оно значитъ «конецъ литовцевъ»; корня же названія литовскаго племени можно равно искать въ словахъ «Lytus» дождь и «Lyta» образъ (глаголъ lytu, lyteju касаюсь). Какъ далеко простирались предѣлы летгалы на востокъ — невозможно опредѣлить; здѣсь литовское племя соприкасалось съ чудскимъ (финскимъ) и находилось съ нимъ въ вѣковой непримиримой враждѣ. Вѣроятно эта-то древняя закоренѣлая вражда измѣнила судьбу и мѣсто жительства враждебныхъ народовъ, и произвела то, что имя эстовъ, первоначально принадлежавшее литовцамъ, перешло къ финнамъ, отнявшимъ у первыхъ ихъ землю, хотя, впрочемъ, перенесеніе этого нѣмецкаго названія съ одного чуждаго народа на другой могло совершиться втеченіе вѣковъ безъ отношенія къ исторіи этихъ народовъ по мѣрѣ бо̀льшаго знакомства съ восто-

М 141/1111



комъ; тогда, такимъ образомъ, имя, означавшее неопредѣленное названіе народовъ, жившихъ въ извѣстной сторонѣ, замѣнилось на прежнемъ мѣстѣ другимъ туземнымъ и перешло на народъ, менѣе знакомый и болѣе отдаленный. Вникая въ составъ языка латышей и въ особенности ихъ правовъ, по отличію и по сходству съ прочими литовцами, оказывается, что эта вражда истекаетъ изъ обстоятельствъ древнѣйшаго времени, теперь уже неизвѣстныхъ, когда оба разноплеменные народа — латыши и нынѣшніе эсты находились между собою въ такомъ столкновеніи, которое производило измѣненія въ признакахъ народности, посредствомъ вліянія одной на другую: въ латышскомъ языкѣ много финскихъ корней, которыхъ нѣтъ у ихъ единоплеменниковъ. На западъ отъ жемгалы была жмудь — жемонть (отъ слова «Zeme» — земля), а на югъ по теченію Нѣмана и Вислы собственно такъ называемая литва. Къ литовскому племени надобно причислить ятвяговъ или ятвинговъ; Шаффарикъ считалъ ихъ остатками савроматовъ, которыхъ признавалъ за одноплеменниковъ древнихъ мидянъ; но свидѣтельства современныхъ ихъ существованію писателей, равномѣрно остатки ихъ именъ и названій заставляютъ признать, что это былъ народъ литовскаго племени, однако въ древнѣйшія времена оторванный отъ соплеменниковъ, принявшій слишкомъ много чуждой примѣси и вообще усвоившій признаки своеобразнаго этнографическаго вида. Народъ этотъ, какъ извѣстно, жилъ въ нынѣшней гродненской губерніи и совершенно исчезъ, оставивъ по себѣ дурное воспоминаніе какъ о дикомъ и разбойническомъ народѣ. На западъ отъ жмуди простирались пруссы. Очень удачнымъ кажется древнее объясненіе этого слова; названіе пруссы есть славянское, оно дано имъ сосѣдями — славянами по рѣкѣ Руси, къ которой они прилегали. Такимъ образомъ

Книга имеет:

| Печатных листов | Выпуск | В переплетн. един. соедин. №№ вып. | Таблиц | Карт | Иллюстр. | Служебн. № | Наклад и тираж |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 7 | | | | | | | 113 |

Трудно съ точностію опредѣлить географическіе предѣлы жилищъ всѣхъ этихъ частей литовскаго племени, и приходится довольствоваться приблизительными указаніями. Корсь обитала по берегу моря на полуостровѣ въ нынѣшней Курляндіи, удержавшей отъ нея и свое названіе, ибо народъ, называемый въ нашихъ лѣтописяхъ корсью, на западѣ называемъ былъ куронами. Различнымъ образомъ производили это наименованіе; одни искали корня его въ словѣ *каурось*, которое будто бы означаетъ низменную землю, другіе, какъ Богушъ, искали его въ корнѣ «Karas» война, «Kareiwis» также «Korionis» значитъ воинъ; и тогда «куронъ» — названіе, подъ которымъ эта часть литовскаго племени была извѣстна у иноземцевъ, будетъ довольно-близко перенятое у туземцевъ слово; Риттеръ же искалъ въ наименованіи *корсь* единства съ миоологическимъ наименованіемъ солнца у восточныхъ народовъ. Земѣгола было названіе народа и страны, имъ обитаемой, на востокѣ отъ Корси или Куроніи, прилегавшей къ Двинѣ. Производство этого слова удачнѣе, чѣмъ предъидущаго: Земѣгола (правильнѣе Жемгала) значитъ земли конецъ, отъ Zeme — земля и Galas — конецъ; это объясненіе придумано Шлецеромъ; Богушъ раздѣлялъ его. По другую сторону Двины на востокъ отъ жемгалы, жилъ литовскій народъ летгала, иначе летгола, или лотыгола (латыши); въ происхожденіи его названія очевидно тоже слово «Galas», означающее конецъ, и кажется оно значитъ «конецъ литовцевъ»; корня же названія литовскаго племени можно равно искать въ словахъ «Lytus» дождь и «Lyta» образъ (глаголъ lytu, lyteju касаюсь). Какъ далеко простирались предѣлы летгалы на востокъ — невозможно опредѣлить; здѣсь литовское племя соприкасалось съ чудскимъ (финскимъ) и находилось съ нимъ въ вѣковой непримиримой враждѣ. Вѣроятно эта-то древняя закоренѣлая вражда измѣнила судьбу и мѣсто жительства враждебныхъ

М 141/1111



комъ; тогда, такимъ образомъ, имя, означавшее неопредѣленное названіе народовъ, жившихъ въ извѣстной сторонѣ, замѣнилось на прежнемъ мѣстѣ другимъ туземнымъ и перешло на народъ, менѣе знакомый и болѣе отдаленный. Вникая въ составъ языка латышей и въ особенности ихъ правовъ, по отличію и по сходству съ прочими литовцами, оказывается, что эта вражда истекаетъ изъ обстоятельствъ древнѣйшаго времени, теперь уже неизвѣстныхъ, когда оба разноплеменные народа — латыши и нынѣшніе эсты находились между собою въ такомъ столкновеніи, которое производило измѣненія въ признакахъ народности, посредствомъ вліянія одной на другую: въ латышскомъ языкѣ много финскихъ корней, которыхъ нѣтъ у ихъ единоплеменниковъ. На западъ отъ жемгалы была жмудь — жемоить (отъ слова «Zeme» — земля), а на югъ по теченію Нѣмана и Вислы собственно такъ называемая литва. Къ литовскому племени надобно причислить ятвяговъ или ятвинговъ; Шаффарикъ считалъ ихъ остатками савроматовъ, которыхъ признавалъ за одноплеменниковъ древнихъ мидянъ; но свидѣтельства современныхъ ихъ существованію писателей, равномѣрно остатки ихъ именъ и названій заставляютъ признать, что это былъ народъ литовскаго племени, однако въ древнѣйшія времена оторванный отъ соплеменниковъ, принявшій слишкомъ много чуждой примѣси и вообще усвоившій признаки своеобразнаго этнографическаго вида. Народъ этотъ, какъ извѣстно, жилъ въ нынѣшней гродненской губерніи и совершенно исчезъ, оставивъ по себѣ дурное воспоминаніе какъ о дикомъ и разбойническомъ народѣ. На западъ отъ жмуди простирались пруссы. Очень удачнымъ кажется древнее объясненіе этого слова; названіе пруссы есть славянское, оно дано имъ сосѣдями — славянами по рѣкѣ Руси, къ которой они прилегали. Такимъ образомъ пруссы есть сокращенное слово поруссы, какъ полабы (живущіе по рѣкѣ Лабѣ). Названіе пруссы было для литовскаго племени древнѣйшимъ славянскимъ названіемъ, какъ нѣмецкимъ — эсты. На югъ, по всему протяженію своихъ жилищъ, литовское племя граничило съ славянами; древнихъ предѣловъ между этими двумя племенами нельзя опредѣлить, тѣмъ болѣе, что литовское

племя постоянно принимало славянскій языкъ и славянскую народность. Такой отрывокъ литовскаго племени обиталъ подъ именемъ голяди на берегахъ Протвы, — и окруженный со всѣхъ сторонъ славянскимъ элементомъ исчезъ безъ слѣда. Нѣкоторыя мѣстныя названія въ древней землѣ новогородской обличаютъ литовское происхожденіе (напримѣръ Тверь отъ tweriu, twerti, устроивать, огораживать twieraz ограда, Валдай отъ Waldyti владѣти) и быть можетъ есть остатки древняго литовскаго заселенія этихъ странъ, если только эти названія не занесены литовскимъ элементомъ, прихлынувшимъ туда послѣ призванія Рюрика съ братьями.

Раздробленіе литовскаго племени этимъ неограничивается. Каждый литовскій народъ въ свою очередь дробился на второстепенные народцы. Такимъ образомъ въ Пруссіи насчитывались судовиты, натанги, самбиты, погезаны, падравиты, галинды, скаловиты. Небольшая жмудь въ свою очередь раздѣлялась на народные отдѣлы.

Нѣкоторые ученые (см. Hartknoch de ling. weter. Pruss. 92) производили литовское племя отъ римлянъ. Это совершенно неосновательное мнѣніе опиралось единственно на сходствѣ нѣкоторыхъ словъ литовскихъ съ латинскими и на окончаніяхъ на *s*, свойственныхъ литовскому и классическимъ языкамъ. Съ бо̀льшимъ правдоподобіемъ видѣли въ литовцахъ древнихъ геруловъ; это мнѣніе раздѣляли Богушъ и Лелевель. Поближе присмотрѣвшись къ ихъ языку, открывается близкое родовое сродство съ славянскимъ. Это произвело предположеніе, что литовское племя есть смѣсь славянъ съ готѳами и отчасти съ финнами. Еще въ 1783 году ученый Готлибъ Антонъ называлъ ихъ полуславянами, придавая такое же имя и валахамъ, гдѣ очевидна смѣсь славянскаго съ латинскимъ. Ученые Циммерманъ и Арндтъ въ 1812 и въ 1818 году выводили, что во времена великаго переселенія народовъ и всеобщаго передвиженія племенъ, славяне смѣшались съ готѳами и образовали литовское племя; впослѣдствіи, по близости жительства, подмѣшалась сюда чудская народность. Точно также пасторъ Ватсонъ, знавшій хорошо латышское нарѣчіе литовскаго языка, раздѣлялъ это мнѣніе. Онъ объяснялъ такое смѣшеніе племенъ тѣмъ, что славяне



оттѣснили готѳовъ къ востоку, а финновъ къ сѣверу, и смѣшались съ ихъ остатками, и оттого-то литовцы до-сихъ-поръ называютъ русскихъ, живущихъ отъ нихъ на юговостокъ, *гуддась*, постарой памяти, что когда-то въ ту сторону отъ нихъ жили готѳы. Въ нарѣчіяхъ литовскаго племени находили опредѣленное количество славянскихъ, готскихъ и финскихъ. При ближайшемъ изученіи посредствомъ сравнительнаго языкознанія оказалось, что литовскій языкъ самый ближайшій къ санскритскому. Его корни имѣютъ близкое сродство съ языкомъ осетинцевъ на Кавказѣ. Такимъ образомъ прежніе выводы о происхожденіи литовцевъ посредствомъ смѣшенія славянъ съ другими племенами не возбуждаютъ болѣе довѣрія, особенно послѣ глубокаго изслѣдованія надъ литовскимъ языкомъ знаменитаго берлинскаго филолога Шлейхера. Опредѣляя филологическимъ путемъ мѣсто для литовской рѣчи въ ряду съ другими въ семьѣ индоевропейской вѣтви человѣчества, онъ доказываетъ, что близости литовскаго племени съ славянскимъ надобно искать не въ позднѣйшихъ взаимно-дѣйствіяхъ этихъ племенъ одно на другое, но въ томъ племенномъ единствѣ, которое по своей сѣдой древности недоступно историческому изслѣдованію надъ событіями въ судьбахъ народовъ, безъ содѣйствія историческаго анализа какъ состава, такъ и временныхъ видоизмѣненій языковъ. Выводы Шлейхера приводятъ къ тому результату, что прежде чѣмъ индоевропейская вѣтвь явилась на исторической почвѣ сѣвера Европы въ разнообразіи племенъ, она составляла одно племя, такое, въ которомъ находились зародыши и германскаго, и литовскаго, и славянскаго, послѣ отдѣленія отъ него и самообразованія германскаго элемента, осталось и существовало племя славяно-литовское, и оно-то въ свою очередь распалось на два отдѣла — литовцевъ и славянъ, и каждый изъ этихъ отдѣловъ въ свою очередь разбился на второстепенныя и третьестепенныя народности, и такъ началась историческая жизнь племенъ и народовъ.

Литовское племя представляетъ въ себѣ картину древней первобытной цивилизаціи. Вслѣдствіе обстоятельствъ у этого племени, оно остановилось и не подвергалось даль-

нѣйшимъ измѣненіямъ. Эту цивилизацію прилично назвать деревенскою, такъ какъ цивилизація, съ которою вступили въ исторію славяне, правильно можетъ назваться сельскою, цивилизація германцевъ — замковою, а древняя грековъ и римлянъ городскою. У славянъ даже самые города имѣли характеръ большихъ селъ, какъ у германцевъ — характеръ вооруженныхъ и укрѣпленныхъ замковъ. Всѣ народы начинали общественный строй жизни съ деревни, но иные оставались въ этомъ строѣ долѣе, другіе же подъ его вліяніемъ не успѣвали развить въ себѣ историческихъ началъ и подвергались процессу такого развитія уже въ высшемъ періодѣ цивилизаціи — сельскомъ или городскомъ. Уединенные въ своемъ прибрежномъ углу, литовцы долѣе другихъ племенъ удержали начатки глубокой старины и позже другихъ вошли въ колею, опредѣленную человѣческому развитію христіанствомъ. По этому ни у кого въ Европѣ не сохранилось столько стараго, первобытнаго, деревенскаго. Съ этой точки зрѣнія разработка литовской старины и существующей до-сихъ-поръ ихъ народной поэзіи и обычаевъ ихъ быта чрезвычайно интересна и важна для науки. Близость этого племени къ нашему славянскому дѣлаетъ необходимымъ изученіе явленій старой литовской жизни. Пока надлежащимъ образомъ не будетъ изслѣдована и приведена въ ясность дѣтская цивилизація литовцевъ со всѣми ихъ преданіями, вѣрованіями и народнымъ взглядомъ, до-тѣхъ-поръ неполно будетъ изученіе славянскихъ древностей.

Никто другой изъ народовъ славянской семьи не поставленъ былъ исторіею въ связи съ листовскимъ міромъ, какъ нашъ русскій. Для насъ, русскихъ, литовская жизнь имѣетъ самый ближайшій интересъ. Литовцамъ суждено было два раза стать орудіемъ великихъ переворотовъ, двигавшихъ судьбу нашу, первый—когда случилось призваніе русско-жмудскихъ князей; второй — когда совершилось подчиненіе западныхъ и южныхъ русскихъ областей силѣ литовскихъ государей въ XIV вѣкѣ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ литовскій элементъ являлся въ нашей жизни, чтобы опредѣлить на нѣсколько вѣковъ впередъ ея историческое движеніе. Въ IX вѣкѣ явились русско-литовскіе князья и дали на многіе вѣка русскимъ



славянамъ одинъ княжескій родъ, послужившій цѣпью соединенья славянскихъ частей, имѣвшихъ каждая достаточныхъ залоговъ своего отдѣльнаго самоуставленія слишкомъ много для того, чтобъ не нуждаться для связи съ другими въ видимой осязательной институціи; этой институціей сдѣлался для восточныхъ славянъ литовскій княжескій родъ; съ нимъ вмѣстѣ перешло на неизмѣримое пространство нашего отечества, занесенное изъ маленькой болотистой отчизны предковъ нашихъ князей, названіе Руси. Если вліянія чужеплеменниковъ не допустили народъ до болѣе счастливыхъ условій политическаго быта; то несомнѣнно однако, что единство княжескаго рода, не забываемое членами его даже при самомъ мелчайшемъ развѣтвленіи, при самомъ крайнемъ несогласіи, способствовало поддержкѣ и въ народѣ чувства собственнаго единства. Когда, наконецъ, чужеземное завоеваніе бросило въ жизнь нашу еще болѣе началъ разрушительныхъ для удѣльной цѣли, тогда на востокѣ нашей Руси начало возникать новое единеніе на средне-азіятскихъ основахъ; въ западную часть славянско-русскаго міра снова вступилъ литовскій элементъ съ лозунгомъ единства и опять разрозненныя, лишенныя всякой матеріальной призначной связи части прильнули другъ къ другу. На этотъ разъ роль литовской силы и ограничилась только половиною Руси. Въ этой половинѣ повторилось въ XIV вѣкѣ то, что случилось со всею Русью въ IX вѣкѣ, даже произошла подобная судьба съ собственнымъ именемъ, принесеннымъ къ славянамъ изъ Литвы въ этомъ новомъ переворотѣ. Въ IX вѣкѣ славяне прозвались Русью, въ XIV вѣкѣ Русь славянская прозвалась Литвою. Соединеніе это, — литовскій элементъ, собравши разрозненныя части Руси, служилъ и орудіемъ соединенія русскаго и польскаго народовъ. Это соединеніе происходило медленно, какъ будто этой самой медленностію обѣщало что-то громадное въ будущемъ. Дѣйствительно, образованіе свободной Рѣчи Посполитой — союза самобытныхъ вольныхъ съ вольными, равныхъ съ равными двухъ народовъ, — русскаго и польскаго, казалось было первымъ шагомъ къ тому, чтобъ начать новую судьбу всего славянскаго міра, чтобы вмѣсто двухъ народовъ явилось три, че-

тыре въ единомъ союзѣ и такъ далѣе, и обстоятельства вели къ этому могучую Рѣчь-Посполитую, устроенную посредствомъ литовскаго вмѣшательства въ жизнь славянъ. Но ожиданіе не сбылось. Напрасно, какъ бы инстинктивно сознавая свое великое призваніе, указываемое судьбою, Польша хотѣла присоединить къ этому союзу восточную Русь, — деморализированная іезуитами внутри, она должна была сойдти съ своей исторической дороги.

Такую-то роль орудія въ двухъ эпохахъ русской исторіи, опредѣлявшихъ ея обороты на столѣтія впередъ, принимало на себя литовское племя, и между тѣмъ въ обоихъ случаяхъ осталось безъ ощутительно-плодотворнаго нравственнаго вліянія на насъ, да и само не заимствовало отъ насъ силъ для сохраненія себя и для поступности своей въ исторіи человѣчества. Два раза давши толчекъ славянскому міру, оно возвращалось въ тѣсный кругъ своего недвижнаго быта. Въ то время, когда литовская кровь текла въ жилахъ Ярослава I, изъ Кіева управлявшаго неизмѣримымъ пространствомъ, усѣяннымъ разнородными племенами, отношеніе его къ народу, откуда вышли его дѣды, ограничилось, повидимому, тѣмъ, что часть этого народа платила ему дань вѣниками по своей бѣдности. И чѣмъ выказалась жизнь собственной Литвы послѣ Ольгерда и Ягелла, послѣ того, какъ имя Литвы перешло на западную и южную часть славяно-русской земли? Эта жизнь, по примѣру прежнихъ вѣковъ, и можетъ быть тысячелѣтій, начала протекать среди родныхъ лѣсовъ и болотъ въ скромной, ограниченной деревенской сферѣ, по бѣдной колеѣ рабства и духовнаго невѣдѣнія. Все, что изъ этого народа передъ тѣмъ стояло на челѣ общества, теперь приняло чуждую народность и стало чужеземной тяготой для своей. — Многимъ народностямъ суждено было вселиться въ славянскій элементъ въ Россіи; но ни одна не представляетъ такого своеобразнаго, такого, можно сказать, страннаго къ намъ отношенія. Финскіе народы только вливались въ славянскій элементъ на русской почвѣ; ихъ воздѣйствіе на насъ не управляло историческими судьбами нашими; литовская стихія дважды измѣняла нашъ государственный строй, дважды выводила насъ на историческую



дорогу, дважды пробуждала въ насъ утомленныя силы. Наши съ нею взаимныя отношенія напоминаютъ въ народной пѣснѣ дѣвушку, которая будитъ уснувшаго богатыря и приноситъ ему мечь, чтобъ онъ оборонялся имъ отъ внезапно нападающихъ на него враговъ. Ужъ не по старому ли инстинкту русскій народъ въ послѣднее время откликнулся на порывы трезвости, показанные въ началѣ жмудскими жителями ковенской губерніи?

Въ характерѣ литовскаго племени есть много самозаключенности, много заронившагося въ глубину души и тамъ заснувшаго, много таинственнаго, если можно такъ выразиться; не даромъ въ западной Руси литвинъ — синонимъ колдуна. Это своенародная самозаключенность держала литовцевъ въ сторонѣ отъ треволненій исторіи; они по характеру своему непредпріимчивый и невоинственный народъ; у нихъ девизъ жизни: не трогай насъ! Но кольскоро мѣшали имъ жить въ своемъ углу, литвины чувствовали въ себѣ силы и развертывали ихъ, и являлись на историческомъ полѣ, на короткое время, за то съ блескомъ, съ грохотомъ, и съ послѣдствіями не для себя, а для другихъ. Еще въ IX вѣкѣ, предъ пришествіемъ князей къ намъ, литовское племя было поднято нашествіемъ норманновъ; оно стряхнуло съ себя чужеземное иго и, по поводу взаимнаго дѣла, столкнулось съ славянскимъ племенемъ, пробудило въ немъ спящія основы государственной жизни, которыхъ въ себѣ никогда не развило, и снова обратилось въ свой деревенскій сонъ, или тратило силы на мелкія кулачныя драки съ финнами. Такъ было до-тѣхъ-поръ, когда разбудили ихъ съ одной стороны раздвигавшаяся на безпредѣльность къ сѣверу русская стихія, а съ другой явились незваные гости нѣмцы, рыцари креста и цивилизаціи, попиравшіе все священное и драгоцѣнное человѣку; тогда опять встрепенулось литовское племя. Упорно билось оно за свою спокойную, недвижную старину и вмѣстѣ за нераздѣльное съ нею народное свое бытіе — и на этотъ разъ не устояло. Изъ укромнаго, кроткаго народа на полвѣка образовался воинственный, наѣздническій, но его первобытная, языческая, деревенская цивилизація покорилась болѣе высшей сельской,

славянской и уже христіанской. Вошедши въ славянскую жизнь, литовскій элементъ обновилъ ее свѣжими силами, но самъ не могъ расти въ непривычномъ воздухѣ; свѣтлый путь прогрессивнаго жизнетеченія былъ для этой старой народности слишкомъ ярокъ; какъ поросль своихъ лѣсныхъ болотъ, онъ не вынесъ большой теплоты — и остался прозябать на старой непитательной почвѣ, безъ новыхъ соковъ, безъ надеждъ на дальнѣйшій ростъ.

## II.

Остаткамъ литовскаго племени суждено было позже всѣхъ европейскихъ племенъ принять христіанство, неиначе какъ послѣ долгой упорной борьбы противъ него цѣлымъ племенемъ, борьбы, въ которой оно оставило по себѣ неотрадную память косности и застоя. Когда у сосѣдей литовцевъ — нѣмцевъ и славянъ — языческія преданія уже составляли достояніе археологіи, у литовцевъ миѳологія составляла еще живую духовную стихію. Если бы вскорѣ послѣ крещенія Литвы, даже черезъ вѣкъ или черезъ два послѣ Ягелла, кто-нибудь вздумалъ подбирать въ этомъ народѣ развалины падшаго язычества съ тѣмъ же рвеніемъ и осторожностію, какой можно ожидать отъ современныхъ намъ ученыхъ, какія сокровища пріобрѣла бы наука, какъ бы уяснились многіе обще-историческіе вопросы, касающіеся явленій первобытной образованности! Но, къ сожалѣнію, въ тѣ времена одни думали только объ уничтоженіи всего стариннаго, противнаго новымъ стихіямъ, другіе — ученые — не могли отрѣшиться отъ вліянія школьныхъ предразсудковъ и набрасывали на самобытныя народныя преданія и вѣрованія мантію греко-латино-классической схоластики. Все, что сохранилось у собирателей и повѣствователей времени, близкаго къ существованію язычества у литовскаго племени, ограничивается слѣдующими источниками: 1) извѣстія Петра Дюнсбургскаго, прусскаго историка; 2) извѣстія Луки Давида, историка прусскаго XVI-го вѣка, пользовавшагося лѣтописью Христіана, перваго епископа прусскаго, теперь уже для насъ погибшаго, который имѣлъ подъ рукою какую-то



русскую лѣтопись; 3) извѣстія пользовавшагося тѣмъ же Христіаномъ, и сверхъ того собственными наблюденіями Симона Грунау, жившаго при дворѣ прусскаго курфирста Альбрехта въ XVI вѣкѣ; 4) хроника Матвѣя Стрыйковскаго, который пользовался двумя предъидущими источниками и сверхъ того русскими и литовско-русскими лѣтописями; 5) самыя русскія лѣтописи, сохранившіяся до нашего времени; 6) извѣстія изъ хронографа Іоанна Малалы въ славянскомъ переводѣ; 7) извѣстія Ласицкаго, въ его сочиненіи de diis Samogitorum, напечатанномъ въ XVI вѣкѣ; 8) извѣстія, записанныя въ лексиконѣ Бродовскаго, учителя въ Трешенѣ въ Пруссіи, жившаго въ концѣ XVI вѣка. 9) Наконецъ, народныя преданія литовскія и пѣсни сохранившія до нашего времени слѣды языческой эпохи. Изъ всего этого, взятаго вмѣстѣ, открывается куча несвязныхъ, иногда трудно совмѣстимыхъ, иногда между собою явно противорѣчивыхъ, иногда очевидно невѣрныхъ свѣдѣній. Что болѣе всего достойно сожалѣнія, это то, что нѣкоторые источники (Грунау, Лука, Стрыйковскій) сохранили подробное описаніе полубаснословныхъ событій, составлявшихъ, какъ видно, народный историческій эпосъ, но такъ изуродовали его, допустивъ небывалое въ народѣ преданіе о происхожденіи литовцевъ отъ Палемона, брата римскаго императора Августа, и о колоніи римской, будто бы основанной на прусскомъ берегу. Подъ эту нелѣпую школьную выдумку подведены, и по несовмѣстимости ихъ съ нею изуродованы, чистыя народныя преданія, до того, что теперь едва ли возможно разложить ихъ и отдѣлить чистое туземное отъ чуждыхъ прибавокъ. По крайней мѣрѣ еще никто не принимался за такую работу съ необходимымъ терпѣніемъ, добровѣстностію, проницательностію и знаніемъ языка, народнаго быта и связи, какъ исторической, такъ и филологической литовскаго племени съ другими. А между тѣмъ у литовцевъ былъ свой героическій эпосъ: кромѣ изуродованныхъ сказаній изъ прусско-нѣмецкихъ хроникъ, на это указываетъ переводчикъ хронографа Малалы, приводя темное преданіе о какомъ-то Совіи, называемомъ еще Совицею, который будто бы ввелъ между литовцами богослуженіе, научилъ ихъ миѳологіи и входилъ въ какой-то таин-

ственный міръ, называемый у христіанина-повѣтствователя адомъ, черезъ девять воротъ. Признавая незапамятную древность этого сказанія, повѣствователь считаетъ Совію современникомъ Авимелеха, жившаго при Авраамѣ. Этотъ Совія имѣетъ кажется сходство съ баснословымъ Видевутомъ, который въ прусско-нѣмецкихъ хроникахъ изображается вводителемъ религіознаго строя. Это достаточно показываетъ, что литовцы имѣли дѣйствительно свой эпосъ, но остатки его достигли до насъ въ искаженномъ видѣ. До-сихъ-поръ въ народныхъ сказкахъ остались слѣды миѳологическихъ сказаній о хожденіи боговъ по землѣ. Такъ, напримѣръ, разсказывается, что нѣкогда Перкунасъ — повелитель неба и Пикульсъ, богъ преисподней, ходили вмѣстѣ по землѣ наблюдать: сохраняютъ ли люди священный огонь на земли. Много приключеній съ ними происходило. Между прочимъ они зашли къ богини Земепати, и за то, что она ихъ угостила, Перкунасъ наградилъ ее неувядаемою юностію, а Пикульсъ даровалъ семь чистыхъ святыхъ дѣвицъ, которыя ночью исполняютъ работы за ея примѣрныхъ и добронравныхъ почитателей. Есть слѣды о древней борьбѣ двухъ божескихъ поколѣній и о подвигахъ гигантовъ; существовало вѣрованіе, что низложенные богами, они превращены въ камни. Въ одномъ мѣстѣ въ Пруссіи показываютъ и теперь сорокъ камней, которые считаются окаменѣлыми людьми, бывшими нѣкогда исполинскаго роста. Ласицкій, Стрыйковскій, Лука Давидъ оставили намъ множество именъ боговъ, такъ-что у каждаго изъ нихъ свои. Нарбуттъ и другіе изслѣдователи нашего времени еще болѣе умножили литовскій Олимпъ. Но чѣмъ онъ богаче, тѣмъ болѣе представляетъ затрудненій къ уясненію. Въ литовской миѳологіи для науки случалось обратное тому, чему подверглась наша славянская; у насъ скудость въ извѣстіяхъ, тамъ изобиліе мѣшаетъ.

Достовѣрнѣйшій и простѣйшій изъ историковъ, Петръ Дюнсбургскій, ограничивается тѣмъ, что о пруссахъ, близкородственныхъ по вѣрованіямъ съ прочими собратами по племени, сообщаетъ, что они поклонялись солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ, и почитали разные предметы природы; — явленіе грома, птицъ, животныхъ (даже змѣй и жабъ) деревья, воду, камни;



оттого у нихъ были освященные лѣса, гдѣ не велѣно было не только рубить деревьевъ, но и пахать земли; освященныя воды, гдѣ нельзя было ловить рыбу. Какъ ни краткое это извѣстіе, но изъ него несомнѣнно можно признать, что въ обожаемые и чтимые предметы и явленія природы фантазія влагала одушевленныя существа міра высшаго, геніевъ или боговъ; отсюда вытекаетъ, что дѣйствительно литовскій олимпъ могъ быть чрезвычайно обиленъ, и вѣроятно разнообразенъ, въ особенности при такомъ дробномъ подѣлѣ народовъ на мелкія племена, въ какомъ представляется литовское племя въ языческую эпоху. Въ одномъ краѣ называть могли одно и то же фантастическое существо такъ, въ другомъ иначе, въ одномъ краѣ болѣе поклонялись одному, въ другомъ иному; все это, по истеченіи значительнаго времени послѣ принятія христіанской религіи, переплелось между собою и сбилось; сверхъ того литовцы почитали и фантастическія существа высшаго міра и умершихъ своихъ героевъ; имена тѣхъ и другихъ уже не могли отдѣлить не только миѳографы, но и самъ народъ, и въ такомъ нестройномъ видѣ все это досталось собирателямъ, не имѣвшимъ къ тому еще ни критическаго такта, ни достаточнаго знакомства съ изгибами народной мысли и фантазіи.

Въ лѣтописи русской (галицко-волынской), при описаніи отступничества миндовгова, упоминаются литовскія божества: извѣстіе самое древнее, но лѣтописатель слышалъ о томъ, что писалъ — издали и, конечно, не зналъ того хорошо и обстоятельно.

Тамъ говорится, что принимая наружно христіанство, Миндовгъ жряше богамъ своимъ вътайнѣ Нънадѣеви (въ другихъ спискахъ стоитъ Понадѣеви — вѣроятно отъ Naudaiu, naudati, быть полезнымъ, nauda — польза), Телявели (есть существо, называемое у Ласицкаго tawals — божество способности) и Дивериксу (отъ Devas — божество и Rikys — князь) заечему богу и Мѣндѣвину (въ другихъ спискахъ Миндѣвину) «егда выѣхаше на поле и выбѣгняше заяць на поле, въ лѣсъ рощенія не вохожаше вну и не смѣяше ни розгы уломити и богомъ своимъ жряше и мертвыхъ тѣлеса сожигаше и поганьство свое явѣ творяше.»

Въ извѣстіи о почитаніи лѣсовъ русская лѣтопись сходится съ Петромъ совершенно. Что поклоненіе деревьямъ составляло главнѣйшую черту литовскихъ вѣрованій, это подтверждается и извѣстіемъ, что когда Ягейло приводилъ къ христіанству свой народъ, то долженъ былъ прежде всего рубить священные лѣса, чтобы разлучить народъ съ предметами прежняго почитанія. Слѣды языческаго поклоненія деревьямъ и камнямъ долго сохранялись въ Пруссіи между народомъ. Послѣ принятія христіанства долго еще оказывали уваженіе къ священному у язычниковъ дубу близъ Ромова. Когда для искорененія языческихъ суевѣрій эрмеландскій епископъ Ансельмъ приказалъ его срубить, то никто изъ некрѣпкихъ въ новой вѣрѣ христіанъ не осмѣлился поднять на него топора, и самъ Ансельмъ срубилъ его. На мѣстѣ нынѣшняго Торна, по преданію, росъ огромный дубъ, которому поклонялись. Неподалеку отъ Растенбурга преданіе помѣщаетъ священную липу, подъ которою язычники приносили больныхъ для исцѣленія, непремѣнно при лунномъ свѣтѣ. Впослѣдствіи на томъ самомъ мѣстѣ почитали Божію Матерь. Также сохранялась память о священныхъ камняхъ. Недалеко Рагниты былъ на горѣ камень, къ которому, по старой привычкѣ, переходившей отъ прадѣдовъ къ правнукамъ, оказывали уваженіе даже въ XIX вѣкѣ. Разсказываютъ, что когда въ 1811 году какой-то мельникъ, съ разрѣшенія начальства, хотѣлъ было достать себѣ этотъ камень на жерновъ, то съ камня полетѣла ему въ глаза пыль и онъ ослѣпъ; у другаго, помогавшаго ему, отнялись руки, а третій, вырвавшій камень съ мѣста, скоро умеръ. Что касается до имени Телявели, то оно упоминается и въ переводѣ Малалы, и притомъ тамъ присовокупляется неясный миоъ о кузницѣ, въ которой было сковано солнце и брошено на небо. (Сию прелесть Совій въведе въ нѣ, ижъ приносити жрътвоу скверным богомъ Андаеви и Перкоунови рекше Громоу и Жвороунѣ, рекше Соуцѣ и Телявели и съ кузнею, сковавше емоу солнце, яко свѣтити по земли и възвергъшю емоу на небо солнце.) Имя Андай — названіе ятвязскаго божества въ русскихъ лѣтописяхъ (Временникъ, I, стр. XXI).

У Ласицкаго, Стрыйковскаго и Луки Давида, какъ выше



сказано, есть извѣстія о литовскихъ и прусскихъ богахъ. Ласицкій, который включилъ въ свой реэстръ боговъ болѣе чѣмъ всѣ другіе, сообщаетъ, что литовцы, при такомъ видимомъ многобожіи, признавали одно высочайшее существо, которое у Ласицкаго названо Аукстейасъ Виссагистисъ. У Нарбутта послѣднее слово объясняется Вешайтасъ (старый отецъ); онъ думаетъ, что это то же, что Перкунъ, но едва ли это справедливо, ибо на такое мнѣніе нѣтъ основаній, напротивъ, Ласицкій, сообщающій свѣдѣніе о немъ, отличаетъ его отъ Перкунаса (Perkunas). У пруссовъ это высочайшее существо называлось, по свидѣтельству Грунау, Окопирносъ. Кромѣ Виссагистиса литовцы признавали существа, называемыя вообще Zetos Zemopatios, духовъ геніевъ, парящихъ подъ землею и живущихъ въ природѣ. Изъ этихъ-то духовъ и состоитъ весь литовскій пантеонъ. Вообще ихъ можно раздѣлить на четыре разряда: 1) небесные и воздушные, 2) земные, 3) домашніе и управляющіе человѣческими побужденіями и дѣлами, 4) злые.

Первое важнѣйшее существо между воздушными было Перкунасъ (Perkunas), олицетворенное явленіе грома: земледѣлецъ, услыша громъ, снималъ шапку и приносилъ божеству въ жертву мясо, которое послѣ самъ съѣдалъ. Перкунасъ былъ повелитель неба; надобно было женить повелителя небеснаго и создалась по этому матерь небесная (Perkunatete). По литовской миѳологіи эта матерь небесная восприяла солнце изъ мовницы; прежде оно было нечисто, а она его вымыла и освѣтила и пустила по небу. Быть можетъ, эта самая богиня и есть Телявеля, упоминаемая въ нашихъ лѣтописяхъ и въ переводѣ Мамелы. Солнце называлось Сауле или Саулите (Saulyte) и считалось женскимъ существомъ; ея супругъ былъ мѣсяцъ. Утренняя и вечерняя заря у Ласицкаго названы — первая ауска, вторая — Безлея (Bezlea). Первая — есть испорченное названіе аушра, или аушрине (Auszra, auszrine), послѣдняя — неизвѣстно что за имя, но въ народныхъ пѣсняхъ видны слѣды древняго поклоненія вечерней звѣздѣ подъ именемъ Вакарине (Wakarine). По литовскимъ преданіямъ мѣсяцъ оттого является половинно, что Перкунасъ разрубилъ его за то, что онъ, будучи мужемъ солнца, влюбился въ

утреннюю звѣзду. Къ небеснымъ существамъ относится также Альгисъ (Algis), котораго Ласицкій называетъ посланникъ боговъ. При исчисленіи прусскихъ боговъ тамошніе лѣтописцы къ небеснымъ существамъ присовокупляютъ еще бога свѣтлости, называемаго Свантестиксъ или Швантиксъ (szwaistix), Свантестиксъ или Швинтестиксъ (szwintestix). Кажется, это же существо должно разумѣть подъ другимъ именемъ, Звайдзукасъ, то есть звѣздный богъ. Стрыйковскій помѣщаетъ въ числѣ небесныхъ существъ, управляющихъ воздушными явленіями, Литуванисъ — дожденускатель, была также богиня дождя, Дейвайте швента (Deivaite szwenta). Ночь олицетворялась подъ образомъ богини Брексты (Brekstа). Варпулисъ (Warpulis) — божество воздушнаго звука, Близгулисъ — божество снѣга (отъ Blizgu — блистаю), Праурине (praurine) — богиня огня.

Производительная сила земли изображалась въ образѣ бога Земенника (Zemennik), въ честь которому литовцы оказывали уваженіе къ ужамъ и кормили ихъ молокомъ. Вѣроятно одно и тоже существо нужно разумѣть подъ именемъ Земберисъ (отъ zeme — земля и berju — усѣваю), котораго въ лексиконѣ Бродовскаго переводятъ Плутономъ, но который былъ существо доброе, а не злое, и самое его названіе это указываетъ.

Богиня Земепати или Жемепати (Zemepati), или Земине, переводится Церерою, въ пѣсняхъ встрѣчается до-сихъ-поръ поэтическое къ ней обращеніе (Zeminele Zedkele: цвѣтопроизводительница, отъ zedas — цвѣтъ и kielju — бросаю). Трудно рѣшить, одну ли ее почитали подъ другими именами, или эти имена означали существа женскаго рода, означавшія богинь ей подвластныхъ, таковы Явинне (отъ javas — зерно) покровительница посѣва; Крумине — называется въ лексиконѣ Бродовскаго Церерою, о которой до-сихъ-поръ сохранилось преданіе, сходное съ миѳомъ греческой богини (у Стрыйковскаго Krumine pradziu warpu, существо, покровительствующее урожаю, мужескаго рода), Меллетеле — богиня производительница зелени и цвѣтовъ (отъ melinos — голубой цвѣтъ), Срутисъ, другое божество цвѣтовъ, Каукарасъ (отъ kawkaras — холмъ), божество горное, Гирристисъ



(отъ gire — лѣсъ) лѣсное, Рагана, лѣсная нимфа, живущая въ деревахъ; у Ласицкаго къ лѣснымъ божествамъ причисляются Модейна (Modeina), Кирпичь (Kirpiczus) и Силиничь (Siliniczus) — произрастатель грибовъ; въ орѣховыхъ деревахъ жила нимфа Лаздона, а надъ вишневыми деревьями былъ покровитель Кирнисъ (Kirnis); Лаукасаргасъ (laukas — равнина, и sargas — стражъ) — былъ стражъ равнинъ или полей, Дидисъ-Ладо (великій-ладо) — богъ весны; по извѣстію Стрыйковскаго ему праздновали поселяне и въ позднѣйшія времена съ 25-го мая по 25-е іюня, мужчины въ корчмахъ, а женщины и дѣвицы на лугахъ и на деревенскихъ улицахъ въ хороводахъ, взявшись за руки, плясали и припѣвали: ладо! ладо! ладо! дидисъ мусу деве! (ладо, ладо, ладо, нашъ великій боже!). Это существо было во всеобщемъ почтеніи у славянъ и кажется самими литовцами было заимствовано отъ славянъ съ прибавкою въ послѣдствіи эпитета дидисъ, которое случайно сходствуетъ съ славянскимъ диди — милый. Кажется, то же существо праздновалось у пруссовъ подъ именемъ Пергрубіоса (Pergrubios). Въ кустахъ сирепеваго дерева, которое почиталось въ числѣ особенно священныхъ, обиталъ богъ Пурсхайтасъ, предводитель маленькихъ человѣчковъ, двухъ разрядовъ: одни назывались Парстуками или Барстуками, другіе Маркопетами: эти пигмеи дѣлали человѣку и пользу и вредъ, смотря потому, умѣетъ ли онъ имъ угодить. Божество, покровительствовавшее сады, называлось Бибчю-бобелисъ (у Бродовскаго) и у него искали покровительства пчеламъ, которыя обыкновенно водились въ садахъ; другое существо, покровительствовавшее пчеламъ, было женское — «Аустея» (austeja). Гониглисъ (Goniglis) было божество, покровительствовавшее стадамъ и охранявшее ихъ отъ волковъ, тоже значеніе имѣла богиня Валгини; для лошадей были особые геніи: Стрыйковскій называетъ одного Хаурирари (Chaurirari), у Ласицкаго — Ратайница (Ratainiza); надъ птицами было существо Свѣчпаукстинисъ (отъ pauksitis — птица), можетъ быть одно и тоже божество, что Пурсхайтисъ, потому что у латышей птица пускегтисъ. Свиньи имѣли своего покровителя: онъ назывался Кремата, иначе Кіаулу Круке (Kiaulu Kruke, отъ krukiu — ворчу по свиному

и kiaksu — кричу): нынѣ въ насмѣшку пастуховъ называютъ именемъ стариннаго свинаго бога.

Божества водяныя были: Аудрасъ, сила моря; у пруссовъ онъ назывался Атримпосъ; божество рѣкъ называлось Упиносъ-девосъ (Upinos devos), а у пруссовъ Протримпусъ (Protrimpus), духъ озеръ назывался Езернимъ (Jezernim), Банпуттисъ было морское божество, управлявшее вѣтрами, духъ исполинъ, стоявшій посреди моря, усмирявшій вѣтры и насылавшій ихъ, покровительствовавшій мореходцамъ, доводившій ихъ корабли до пристаней и также разбивавшій ихъ во время бури; у пруссовъ покровительствующее мореходцевъ божество вѣтровъ называлось Гардоатисъ (Gardoatis), иначе еще назывался онъ Пердоитусъ (Perdoitus), рѣки населялись дѣвицами, называемыми Вандинніями (Wandynnije). По принятіи крещенія, когда христіанскія представленія, замѣня прежнія языческія, появлялись въ языческой формѣ, должность морскихъ боговъ дана св. Николаю и Христофору; мореходцы обращались къ св. Николаю съ молитвою, чтобъ онъ приводилъ ихъ судна къ берегу, и можно было видѣть на берегахъ часовни съ образами св. Николая. Св. Христофоръ изображался въ воображеніи гигантомъ, какъ прежде Банпуттисъ (De diis Samog., 52).

Въ домашней жизни литовцевъ сопровождало безчисленное множество духовъ, которымъ, какъ древніе греки, давали они своеобразное занятіе или покровительство тому или другому человѣческому положенію. Литовцы признавали надъ каждымъ человѣкомъ особаго хранителя духа, называемаго Гульби-девосъ; выѣзжая въ дорогу, они призывали Келюдевоса (отъ kelas — дорога, keloju — отправляюсь въ путь, въ дорогу). Датапосъ было божество, которое способствовало удачѣ человѣка въ собираніи богатствъ, Лигичь (вѣроятно отъ lygus — равный, или laikau — поддерживаю, сохраняю) — божество согласія между людьми. Иное названіе подобнаго значенія было Бентисъ (Bentis) и призывалось при устройствѣ согласія между путешественниками, когда они вмѣстѣ собирались въ путь; Лаукпатимо (у Ласицкаго Lavukpatimo) духъ, покровительствующій земледѣльцамъ, когда они выходили на работу; Крукисъ — божество, покровительствовавшее



кузнецамъ. Пригирститисъ было божество тяжбъ, выслушивающее ропотъ обиженныхъ и тому, кто кричалъ громко — говорили: тише, Пригирститисъ услышитъ; божества брака были Пизіо и Гонда, первый мужескаго рода — женихова геній, другой женскаго рода — геній-хранитель невѣсты (pizio, корень въ глаголѣ pissu — имѣю любовь, gondu — называется теперь свадебный коровай въ Литвѣ*). Лайма или Лаума (Laima, Lauma), богиня счастія и вмѣстѣ разрѣшительница родовъ, пережившая въ народной памяти другія божества. Это то же, что роженица у славянъ. Божество Пильвитъ или Пильвите покровительствовало жатвеннымъ работамъ, божокъ Вайсгантъ — росту и уборкѣ льна и конопли.

Домовой назывался Айтваросъ (Aithvaros); собственно это имя означало пеликана, и также баснословную птицу, и вѣрно въ образѣ птицы представлялся домовой; домашнія божества — Ягаубисъ (Jagaubis) и богини Паленгабія и Матергабія (можетъ быть одно и то же), покровительствовали огню въ домѣ. Аспеленія была богиня угловъ въ избѣ. Раугуземапати (Raugusemapati) (отъ слова raugas, rauginu, rauginti бродиться), завѣдывала напитками, и потому ей (иначе Ragutis) приносили въ жертву пива и меда; богиня Дугна завѣдывала приготовленіемъ хлѣба въ домѣ; Нумеасъ — вѣроятно охранитель денегъ, Убланицы соблюдали домашнюю посуду (корень перваго сохранился въ словѣ numas — ростъ въ деньгахъ, втораго корень неизвѣстенъ); богиня, завѣдывавшая разбуженіемъ людей отъ сна называлась Будинтаа (Budintaa); Тратитасъ-Кирбиксту (Tratitas Kirbixtu) — гаситель искръ, предохранялъ домъ отъ пожара. Впослѣдствіи, по крещеніи, тоже значеніе въ народномъ вѣрованіи получилъ св. Флоріанъ (De diis Samog., 52). Семмидевосъ было божество, завѣдывавшее домашнею челядью. Наконецъ, было очень много боговъ частныхъ, домашнихъ, которыхъ названіе трудно разъяснить; такъ у Ласицкаго, въ числѣ домашнихъ божествъ, значатся нѣсколько именъ безъ объясненія.

*) Нарбуттъ говоритъ еще о существованіи литовской Венеры подъ названіемъ Мальды; но древнихъ свѣдѣній о ней нѣтъ нигдѣ. По извѣстію Нарбутта, въ народѣ чаровницы, занимающіяся привораживаніемъ, называются мильдовниками.

Литовцы вѣровали въ маленькихъ человѣчковъ, живущихъ въ домѣ, называемыхъ Каукіе (Kaukie) и воображали себѣ, что каждый изъ нихъ не больше ладони, но съ большой бородой, и также вѣрили въ существа на подобіе змѣй, называвшихся Живонтами (Givoitas); кажется это совпадаетъ съ почитаніемъ ужей, въ которыхъ, какъ должно предполагать, литовцы видѣли этихъ духовъ. Почитаніе змѣй сохранялось въ силѣ въ XVI вѣкѣ и слѣды его остаются до-сихъ-поръ. Домашній ужъ былъ геній-покровитель дома, обижать его было опасно; напротивъ, хозяинъ кормилъ его, накрывалъ ему особо столъ и подавалъ кушанья: если ужъ ѣлъ, это считалось добрымъ знакомъ. Почитаніе домашнихъ ужей перешло и къ кривичамъ и сохраняется до-сихъ-поръ въ народныхъ обычаяхъ бѣлоруссовъ. Кладбища соблюдалъ Крикгосъ — богъ могилъ. Велона была богиня душъ усопшихъ людей.

Изъ злыхъ существъ признавали адскаго бога, который у пруссовъ назывался Поклюсъ, иначе Пикульсъ (Piculs), называемый богомъ гнѣва (отъ pykti — гнѣваться), у Бродовскаго онъ названъ Муссу-Биркибсъ съ объясненіемъ, что это веельзевулъ. Дребкуллисъ (отъ drebeti — дрожать, kuliu — бью), божество подземное, потрясающее землю, можетъ быть не иное что, какъ синонимъ Поклюса. Гильтине была богиня язвы и всеобщей погибели (отъ gel, gil). Кажется, однозначительно съ нею имя Магила (Magila), что означаетъ фурію, карающую грѣшниковъ.

Какъ обыкновенно во всѣхъ миѳологіяхъ, и въ литовской милость и помощь боговъ пріобрѣталась жертвами, которыя состояли въ растеніяхъ и въ животныхъ. Большею частію приносили въ жертву козловъ, быковъ и куръ. О послѣднихъ свидѣтельствуетъ Стрыйковскій. Земенику приносили черныхъ куръ, Гульбидевосу и Дидисъ-Ладу — бѣлыхъ пѣтуховъ, другимъ богамъ куръ разныхъ перьевъ, Свѣчпаукстинису не приносили жертвъ вовсе, Бибчю-Бобелису приносили медъ, который жертвоприноситель державъ въ чашѣ и, произнеся обычныя молитвы, ударялъ чашею о печь. Сеимидевосу бросали курицу въ огонь и не вынимали, пока она совершенно не сгарала. Гонинлису приносили въ жертву дѣтород-



ныя части животныхъ: жеребцовъ, воловъ, козловъ, думая, что черезъ это божество дастъ плодородіе стаду. Приносили въ жертву также поросятъ. Козлиное жертвоприношеніе было всеобщимъ и повсемѣстнымъ въ литовскомъ народѣ, и вообще козелъ считался животнымъ, котораго судьба особенно связана была съ поклоненіемъ богамъ. Оттого и теперь, по литовскому суевѣрію, бѣсы, въ которыхъ превратились впослѣдствіи низложенные христіанствомъ боги, часто ѣздятъ на козлахъ, а нерѣдко и являются въ видѣ козловъ. Тоже самое и у насъ, у русскихъ; ибо и у насъ нѣкогда отправлялось приношеніе козловъ въ жертву, какъ это показываетъ ясно обычай *водить козла* по маслянницѣ въ Малороссіи и пѣсни, гдѣ описывается какъ вокругъ котла сидятъ добрые молодцы, передъ котломъ стоитъ козелъ и старикъ съ ножемъ готовится его зарѣзать.

О существованіи человѣческихъ жертвъ говорятъ лѣтописцы: люди больные и увѣчные, которымъ жизнь надоѣдала, приносили себя въ сожженіе божествамъ; отцы приносили въ жертву богамъ больныхъ дѣтей. Такимъ образомъ жертвовали жизнію человѣка не тогда, когда она была дорога, а тогда, когда становилась ненужною и тягостною. Во время борьбы съ крестоносцами, приносили христіанскихъ плѣнниковъ, умерщвляли и мучили передъ истуканами, но это, кажется, было выраженіемъ мести, а не жертвенной чести. Въ Пруссіи сохранилось преданіе, что во времена борьбы съ крестоносцами, когда пруссы то принимали по неволѣ крещеніе, то возвращались къ своему идолопоклонству, жрецы объявили, что старые боги, для очищенія своихъ поклонниковъ отъ грѣха, въ который они впали согласіемъ креститься, потребовали, чтобы матери убивали новорожденныхъ дѣтей съ священнодѣйственными обрядами; потомъ какой-то пророкъ объявилъ, что боги тогда будутъ милостивы къ народу, когда найдется беременная женщина нѣмецкаго происхожденія, которая бы рѣшилась добровольно предать себя сожженію. Отыскалась какая-то потерянная женщина, получила много денегъ, прогуляла ихъ съ любовниками, сдѣлалась беременною и добровольно сгорѣла.

Впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ миѳологическія начала у

литовцевъ облеклись въ стройную систему; сами собою возникали и утвердились въ народѣ правила и такъ образовалось жреческое сословіе, признакъ созрѣвшей языческой цивилизаціи. Въ прусской сторонѣ былъ городъ Ромове: все литовское племя благоговѣло при этомъ названіи; тамъ обиталъ верховный жрецъ — Криве, имѣвшій первосвященническое достоинство надъ всей страною, гдѣ только господствовалъ языкъ литовскаго племени. Этого мало: въ глубокой древности эсты и ливы, народы чудскіе, признавали благословеніе великаго Криве (Криве-Кривейто) и часть нашихъ славянъ, Кривичи, предки нынѣшнихъ бѣлоруссовъ, причислялись къ его патріаршеской діоцезѣ. Онъ избирался изъ среды главныхъ жрецовъ на всю жизнь и не могъ оставить своего сана и должности иначе, какъ обрекая себя сожженію на кострѣ изъ священныхъ деревъ; преданіе считало двадцать одного криве такимъ образомъ окончившихъ свое призваніе. Его особа обставлялась чрезвычайною таинственностію; онъ показывался народу рѣдко, и въ отдаленныхъ краяхъ, гдѣ его не доводилось лицезрѣть, вѣрили, что Криве не умираетъ, а всегда одинъ и тотъ же (поляки также думали о папѣ). Жрецы назывались вайделотами. Это слово могло происходить отъ прусскаго *вайдлитъ*, что значитъ видѣть; а Крашевскій производитъ его отъ weidas — изображеніе и lytu — касаюсь, а вайделотъ, правильнѣе вейдалотъ, значитъ прикасающійся къ изображеніямъ боговъ. Кажется, слово вайделоты означало вообще лицъ жреческаго сословія, самые высшіе изъ нихъ — подобіе кардиналовъ, избиравшіе криве, назывались кривиты, другіе звались сиггоны и жили въ окрестностяхъ Ромове; слово сиггоны означало — раздаватели богослуженія, ниже ихъ были вуршкайты, обязанные устраивать богослуженія. Подъ этимъ именемъ извѣстны были знахари, которые указывали, что по такому или другому случаю нужно приносить ту или иную жертву съ наблюденіемъ тѣхъ или другихъ обрядовъ.

Чрезвычайное множество духовныхъ лицъ жило въ селахъ и деревняхъ, повсюду съ различными названіями, напоминающими, по своему разнообразію и примѣненію къ извѣстному роду духовныхъ занятій, католическіе ордена; таковы свальсоны — знахари, наблюдавшіе надъ свадьбами и устроивавшіе свадебные обряды, таковы туллиссоны и лигатоны, заботившіеся о больныхъ и о погребеніи умершихъ; было нѣсколько орденовъ гадателей: путтоны, отгадывавшія будущее по морской пѣнѣ, вейоны — по вѣтру, буртоны — по брошеннымъ жеребьямъ, сваконы — по пламени, сайтоны, суровые подвижники, творившіе надъ собою всякія истязанія, чтобы умилостивить боговъ; были и женщины пророчицы и гадальщицы, называемыя вообще вайделотками. Въ довершеніе подобія съ католическимъ міромъ, жрецы соблюдали безбрачіе.



Установленіе Криве произошло въ недосягаемой древности. Существованіе слова Кривичи въ IX вѣкѣ указываетъ, что когда-то власть этого литовскаго папы была въ большой силѣ и простиралась на отдаленные и чуждые народы. Въ житіи св. Войцеха говорится, что жрецы Криве составили заговоръ умертвить святаго мужа за его ревность въ распространеніи истинной вѣры. Слѣдовательно въ концѣ X вѣка и въ началѣ XI жреческое сословіе было вполнѣ организовано.

Святость мѣста Ромова въ народѣ поддерживалось уваженіемъ къ неугасимому огню; огонь этотъ не прекращался ни на минуту при неусыпномъ надзорѣ и стараніи жрецовъ и поддерживался дубовыми деревьями изъ освященной рощи. Когда пруссы были завоеваны крестоносцами, въ Литвѣ образовался отдѣльный священный центръ; явился свой особый великій Криве и священный огонь, называемый Зничь. Въ послѣднія времена онъ горѣлъ въ храмѣ, построенномъ въ Вильнѣ, и былъ погашенъ съ принятіемъ крещенія. Почитаніе огня было самымъ распространеннымъ, самымъ крѣпкимъ вѣрованіемъ и слѣды его сохраняются во множествѣ народныхъ суевѣрій до-сихъ-поръ. Не только въ мѣстахъ, опредѣленныхъ для богослуженія, но въ каждой избѣ былъ свой священный огонь, поддерживаемый какъ охранительный талисманъ отъ всякихъ бѣдъ. При такомъ глубокомъ уваженіи къ огню не мудрено, что въ прусско-литовской странѣ составилась легенда о св. Бонифаціи: литовцы ничѣмъ лучше не нашлись испытать истины проповѣди св. Бонифація,

какъ предложить ему, чтобъ онъ въ доказательство святости своей вѣры прошелся по огню.

## III.

Съ такимъ обильнымъ запасомъ фантастическихъ существъ, съ такимъ сложнымъ развитіемъ миоологическаго строя, литовцы естественно находились подъ сильнымъ гнетомъ того мистическаго взгляда на окружающую природу, который въ каждомъ ея явленіи отыскиваетъ знаменательность для человѣческой жизни. Литовцы чрезвычайно преданы были гаданьямъ и примѣтамъ и оставались съ своими языческими предразсудками долгое время. Отъ XVI вѣка остались намъ описанія значительнаго числа суевѣрій и примѣтъ, которыя безспорно принадлежатъ языческой древности. Эти суевѣрія относятся къ разнымъ обстоятельствамъ семейной жизни и домашняго быта. Множество примѣтъ составляли народный гороскопъ: онѣ одинаковы съ нашими славяно-русскими и такое сходство доказываетъ глубокую старину ихъ происхожденія. Такъ замѣчали, что если у кого родится во дворѣ слѣпое животное, то надобно перемѣнить мѣсто жительства; надѣть сапогъ на лѣвую ногу прежде, чѣмъ на правую, считалось дурнымъ предзнаменованіемъ на цѣлый день, а для большей удачи во всѣхъ дѣлахъ надобно тотчасъ, вставши съ постели, перевернуться на одной ногѣ. Владиславъ Ягелло во всю жизнь соблюдалъ этотъ обычай. У литовцевъ (какъ и у насъ въ старину) чохъ имѣло многозначительное значеніе. Если случалось чихнуть вставши отъ сна, то это предзнаменовало что-нибудь въ предстоящій день, смотря по тому, какой тогда былъ день; чихнуть въ воскресенье значило пріятное; — въ понедѣльникъ — подарокъ, во вторникъ — печальную новость; въ среду — влюбиться; въ четвергъ — домашнюю непріятность, въ пятницу — получить издалека извѣстіе, въ субботу — неудача. Замѣчали: если сорока заскрегочитъ на дворѣ — признакъ, что вдругъ гости пріѣдутъ; курица закукорѣкаетъ (*кура поетъ* по нашимъ гадательнымъ тетрадямъ) — значитъ сосѣди между собою пересорятся. Если появится на языкѣ прыщикъ, то оклевещутъ по напрасну или оговоритъ. Отправляясь въ путь выводили предзнаменованія изъ встрѣчъ: встрѣтить овцу — значило счастіе, напротивъ встрѣча съ лисицею или зайцемъ считалась предвѣстіемъ неудачи. Если охотникъ, выходя изъ дома, встрѣчалъ женщину, то считалъ это дурнымъ предзнаменованіемъ и ворочался назадъ, и если бы кто нибудь, идя съ нимъ на охоту, сказалъ: «ты убьешь столько-то звѣрей», то отъ этого охотникъ не убилъ бы ни одного. Въѣзжая въ городъ или село, надобно было знать, что удача или неудача въ этомъ городѣ зависитъ отъ того, какой ногой ступишь первый разъ, правою — удача будетъ, лѣвою — непосчастливится. Когда жена и мужъ лягутъ вмѣстѣ первый разъ, то изъ нихъ то лицо, которое первое заснетъ, и умретъ прежде. Филинъ прокричитъ на кровлѣ — предзнаменованіе смерти. Напротивъ, знаменіемъ хорошимъ считалось, если во дворѣ поселится аистъ. Литовцы чрезвычайно уважали эту птицу. Обидѣть или убить аиста — значило навлечь несчастіе на домъ. И послѣ христіанства долго наблюдалось уваженіе къ этой птицѣ, и даже теперь сохраняется. Въ XVI вѣкѣ думали даже, что аистъ совсѣмъ не птица: въ миоологическое время, вѣроятно, признавали, что подъ видомъ этой птицы является какое-нибудь божество.



Въ XVI вѣкѣ въ Литвѣ и Пруссіи повсюду по селамъ таскались вайделотки, старыя бабы, часто слѣпыя или вообще калѣки, и оказывали народу свои услуги во всякомъ житейскомъ дѣлѣ. Случится ли, у хозяина украдутъ что-нибудь, призываютъ вайделотку, и вайделотка беретъ два блюда или двѣ мисы; на оба блюда кладетъ по монетѣ, одну — на долю вора, другую — на свою, дѣлаетъ крестообразный знакъ, чтобъ монета указала движеніе и путь, куда воръ убѣжалъ съ украденной вещью. Узнавши, такимъ образомъ, ту сторону, гдѣ воръ, знахарка призываетъ Окопирноса, бога небеснаго, и Пурсхайтеса, бога земнаго со всѣми его маленькими человѣчками и проситъ, чтобъ они не дали вору убѣжать за предѣлы, гдѣ его уже поймать нельзя. Инаго рода, по тому же поводу, употребительно было гаданье на пивѣ. Вливали въ мису пива и смотрѣли на него, пока взбѣ-

жать на немъ пузырьки. Предъ началомъ дѣла знахарь или знахарка говорили: «о великій боже неба и звѣздъ! сотвори милость свою рабу твоему, дабы онъ чтилъ тебя! чтобъ вору его не было ни сна, ни покоя, чтобъ воръ воротился и принесъ украденное назадъ!» Если на пивѣ, налитомъ въ мису, появлялись пузырьки — это значило, что молитва услышана; иначе нужно было приглашать другихъ боговъ. Увѣряли, что послѣ такихъ чародѣйствъ, воры являлись сами. Въ большомъ ходу еще во времена язычества было гаданье литьемъ воска, столь извѣстное у насъ между святочными забавами: узоры или фигуры, образующіяся отъ наливанья въ воду воска, служили отвѣтомъ на заданный вопросъ. Подобно тому, какъ дѣлаютъ наши дѣвушки, литвинки бросали черезъ голову башмакъ или свернутый платокъ и выводили заключенія изъ того, носкомъ или задомъ упадетъ на полъ башмакъ, и какую фигуру образуетъ упавшій платокъ. Наканунѣ новаго года смотрѣли въ печь, думая тамъ увидѣть то, что̀ станется въ слѣдующемъ году. Все это и теперь можно встрѣтить въ разныхъ мѣстахъ русскаго міра. Точно также, какъ у насъ до-сихъ-поръ, существовали у литовцевъ гаданья на тѣсто. Чтобъ узнать, живъ или умеръ въ далекой сторонѣ милый человѣкъ, литвинка дѣлала его изображеніе изъ тѣста. Если тѣсто всходило хорошо — значило: живъ тотъ, о комъ гадала; а противное имѣло значеніе, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Дѣвушки, желая выйдти замужъ, призывали волшебницъ, и тѣ гадали имъ какъ-то посредствомъ бѣлыхъ голубей, и привораживали молодцевъ. Вѣрили въ гаданье палочками, источенными муравьями и по узорамъ ихъ заключали о будущемъ и неизвѣстномъ. Уже въ христіанскія времена въ Литвѣ такія палочки держали въ шинкахъ для привлеченія народа. Этотъ родъ гаданья былъ въ старину у насъ и назывался полазъ. Болѣзнь, когда человѣкъ начинаетъ сохнуть и терять силы, приписывалась дѣйствію подземныхъ духовъ, маленькихъ парстуковъ; ихъ старались умилостивить жертвами.

Вѣрили также въ дѣйствіе дурнаго глаза и потому старались укрывать недавно рожденныхъ младенцевъ, стращились показывать ихъ особенно женщинамъ, и думали, что



если кто изъ нихъ похвалитъ ребенка, то ребенокъ отъ вліянія дурнаго глаза начнетъ сохнуть. Опасность эта особенно постигала дѣтей въ теченіи шести недѣль послѣ рожденія. Нужно ли говорить, какъ сходно это суевѣріе съ нашими, по которымъ въ старину царскихъ дѣтей держали въ глубинѣ покоевъ и не показывали людямъ до совершеннолѣтія? До-сихъ-поръ и въ Литвѣ сохраняется множество суевѣрныхъ предостереженій на счетъ предохраненія младенцевъ, почти такихъ же, какія есть и у насъ; напримѣръ, не слѣдуетъ показывать дитяти его изображеніе въ зеркалѣ, а иначе оно заболѣетъ, не слѣдуетъ передавать его чужимъ въ руки, а то оно расти не будетъ. Вайделоты и вайделотки умѣли отводить всякое зло и уничтожать вредное вліяніе. Но были и такіе чародѣи, которые умѣли дѣлать зло: насылать болѣзни и сокращать жизнь. Извѣстное у насъ колдовство посредствомъ выемки слѣда изъ-подъ ноги человѣка, которому хотѣли повредить, старое литовское. Вынутый слѣдъ зарывался на кладбищѣ и тотъ человѣкъ, у котораго такимъ образомъ вынутъ слѣдъ, считался уже не жилецъ на этомъ свѣтѣ и долженъ былъ скоро умереть. Другое злое колдовство, существовавшее и у насъ, было таково: доставали рубашку или вообще одежду человѣка, вѣшали ее въ горячемъ воздухѣ, чтобъ она истлѣвала и рвалась на куски: такъ, думали, будетъ истлѣвать и постепенно рваться и тотъ, кто прежде носилъ эту одежду. Такъ какъ дѣлаютъ наши злыя колдуньи, и литовскія крали волосы человѣка, обреченнаго ими на погибель и творили надъ ними заклинанія, составляли изъ соковъ разныхъ травъ жидкость и выливали ее на порогѣ того дома, которому хотѣли нанести зло, вредили чужой скотинѣ, копая на перекресткахъ землю и этимъ отнимая у коровъ молоко. Разбойники и воры употребляли колдовскія средства, подобныя тѣмъ, какія были въ ходу и у насъ, и кажется болѣе отвратительныя и жестокія. У насъ воры обводятъ домъ, который хотятъ обокрасть, мертвою рукою: у литовцевъ надобно сдѣлать свѣчу изъ человѣческаго жира и, зажегши ее, смѣло идти воровать: пока эта свѣча будетъ горѣть, никто не проснется. Это мрачное суевѣріе существовало и въ Великой Россіи, какъ свидѣтель-

ствуетъ одна пѣсня, гдѣ дѣвушка въ отмщеніе своему любезному грозитъ зарѣзать его и насучить свѣчей изъ желтаго жира. По литовскому повѣрью тотъ, кто хочетъ имѣть успѣхъ въ разбояхъ и нападеніяхъ, долженъ зарѣзать девять беременныхъ женщинъ, вынуть изъ нихъ младенцевъ и съѣсть ихъ сердца; непремѣнно нужно, чтобъ эти младенцы были мужескаго пола. Можно представить себѣ ужасъ такого суевѣрія. Такой разбойникъ могъ истребить чрезвычайное множество женщинъ, не достигая своей цѣли, находя женщинъ не беременными или младенцевъ не мужескаго, а женскаго пола.

Чародѣи и чаровницы въ литовскомъ мірѣ поучались одинъ отъ другаго и такимъ образомъ существовала таинственная наука, тѣсно связанная съ миѳологическими воззрѣніями; но нужно было и отъ природы быть способнымъ. Не всякъ могъ достигать власти и управленія надъ таинственными силами. Надобно было родиться въ извѣстные дни, чтобъ видѣть духовъ и сообщаться съ ними. Теперь считается у литвиновъ, что тотъ, кто родится въ ночь съ субботы на воскресенье, способенъ видѣть мертвыхъ и созерцать таинственный процессъ, какъ смерть похищаетъ человѣка. Въ особенности считались способными ко всему таинственному тѣ, которые подвержены сомнамбулизму. Сомнамбулы подъ вліяніемъ духовъ могутъ во время своего сна превращаться въ животныхъ и даже неодушевленныя вещи, напримѣръ въ обручи и кататься по дорогамъ: это — оборотни русскіе, только въ литовскихъ вѣрованіяхъ указывается источникъ, откуда произошли эти суевѣрія. Одна литовская дѣвица-сомнамбулка каждую ночь превращалась въ кошку, бѣгала за юношей и царапала его когтями. Юноша наконецъ поймалъ ее въ мѣшокъ и на другой день въ мѣшкѣ очутилась дѣвица.

## IV.

Спустя значительное время послѣ принятія христіанства, въ XVI вѣкѣ записаны были драгоцѣнныя этнографическія извѣстія о языческихъ остаткахъ пруссовъ. Насильно обращенный въ христіанство, порабощенный нѣмецкою стихіею, этотъ народъ изъ рода въ родъ сохранялъ втайнѣ враждебное чувство къ вѣрованіямъ, которыя ему навязали, и которыхъ смысла имъ не объяснили, онъ видѣлъ во всемъ организмѣ христіанства залогъ своего рабства и народнаго униженія.



Вѣка порабощенія пріучили этотъ народъ къ той холопской двуличности и притворству, которое составляетъ обычное качество невольниковъ; пруссы выказывались передъ нѣмцами — христіанами, увѣряли, что вѣруютъ въ Св. Троицу и совершенно уже не сохраняютъ ничего изъ предразсудковъ и суевѣрей своихъ отцевъ, а на самомъ дѣлѣ, между ними, втайнѣ отъ господъ-нѣмцевъ, по селамъ проживали вайделоты, устроивали тихонько языческіе обряды, помогали народу въ нуждахъ и болѣзняхъ по своей таинственной наукѣ. Встарину язычники отправляли торжественно приношеніе въ жертву богамъ козла. Память объ этихъ народныхъ обрядахъ и вмѣстѣ съ ними о веселыхъ дняхъ независимости смѣшивались въ воображеніи съ преданіями о золотомъ времени. Встарину — твердили знахари — все было лучше и земля хлѣбъ производила урожайнѣе, и рыбы ловилось поболѣе, и скотъ тучнѣе и крупнѣе выросталъ, и люди были здоровѣе, и напастей не было никакихъ, потому что тогда люди старыхъ боговъ почитали. Поддерживалось вѣрованіе, что жертвоприношенія козлиныя особенно богамъ пріятны и счастіе даютъ человѣку. Въ былыя времена независимости ихъ отправляли цѣлымъ селомъ, иногда нѣсколькими селами подъ священнымъ дубомъ. Симонъ Грюнау разсказываетъ, что въ 1520 году онъ случайно наткнулся на приготовленіе къ козлиному жертвоприношенію и поселяне, опасаясь, чтобъ онъ не разсказалъ и не узнали бы нѣмцы, хотѣли его убить, но онъ зналъ по прусски и упросилъ ихъ: онъ обѣщалъ никому не говорить и согласился съ прочими участвовать въ обрядѣ. Добродушные пруссы, услышавъ господина, говорившаго на ихъ мужичьемъ языкѣ, кричали въ радости: онъ нашъ! онъ нашъ! Это нашъ господинъ! Любознательный нѣмецъ попалъ чрезвычайно кстати: происходило не простое козлиное жер-

твоприношеніе, а съ очищеніемъ грѣховъ языческою исповѣдью, существовавшею во всей силѣ въ языческое время.

Нѣсколько домовъ дѣлали складчину, иногда двѣ-три деревушки, которыя вообще у литовскаго племени не велики. Грюнау разсказываетъ, что вайделотъ предъ жертвоприношеніемъ говорилъ своимъ прихожанамъ проповѣдь и нравственныя правила, изложенныя въ ней, показались нѣмцу до того хороши, что онъ заключилъ, будто бы пруссы, еще до прибытія крестоносцевъ, познакомились съ христіанствомъ и заимствовали его мораль въ свою языческую религію: выводъ съ перваго взгляда несостоятельный. Сходство, замѣченное Грюнау, проще объясняется общечеловѣческимъ нравственнымъ чувствомъ, истекающимъ изъ естественнаго закона. Когда вайделотъ окончилъ свое поученіе, привели козла. Благословивъ обреченное на закланіе животное, вайделотъ началъ исповѣдывать. Каждый долженъ былъ предъ нимъ сознаваться въ томъ, что̀ сдѣлалъ дурнаго. Окончивъ исповѣдь, вайделотъ отрубилъ козлу голову; кровь сливали въ посудину, и потомъ окропляли ею скотину, даже подливали въ воду для напоя. Съ козлинаго туловища обдирали кожу, потомъ жарили мясо въ печи на дубовыхъ листьяхъ. Пока козелъ жарился, каждый по очереди подходилъ къ вайделоту, и тотъ трепалъ подходившаго за волосы, и этимъ вытряхивалъ изъ него грѣхи. По окончаніи такой индульгенціи всѣ въ свою очередь бросались на знахаря и начинали трепать его за волосы; онъ долженъ былъ кричать, и чѣмъ голосистѣе онъ кричалъ, тѣмъ болѣе, по всеобщему вѣрованію, боги отпускали грѣховъ всей компаніи. Тоже дѣлали и женщины. Такимъ образомъ, къ тому времени, какъ всѣ грѣхи со всѣхъ стрясутся и козелъ поспѣвалъ. Всѣ садились кругомъ и ѣли, запивая пивомъ.

И по другимъ поводамъ отправляли козлиныя жертвоприношенія: иногда они производились хозяевами, ради исцѣленія болѣзней своихъ домашнихъ, чтобъ умилостивить боговъ и составлялись складчины ради надеждъ на урожай и изобиліе плодовъ. При складчинѣ, мужчины должны были привести на праздникъ козла и поставить пива, а женщины принести муки и приготовить изъ нея тѣсто. Когда козла приводили къ



вайделоту, называемому другимъ именемъ вуршкайтесъ, онъ клалъ на него руки и просилъ боговъ принять предлагаемую жертву благосклонно. Приэтомъ онъ поминалъ всѣхъ боговъ одного за другимъ. Такое жертвоприношеніе чаще всего отправлялась въ ригахъ и сушильняхъ. Посредѝнѣ ставили большой котелъ съ водой: вуршкайтесъ подпоясывался, говорилъ короткую прелюдію: вотъ пришло время чествовать хвалебныхъ боговъ, чтобъ они не гнѣвались на людей, а были бы къ нимъ милостивы! Вуршкайтесъ, окончивъ свою рѣчь, ударялъ козла ножомъ въ шею; кровь текла въ сосудъ, и, какъ выше сказано, ею послѣ кропили скотину и также домашнюю постройку. Козлу отрубливали голову, облупливали туловище, раздѣляли его на части и бросали въ котелъ, а сердце, печень и внутренности завязывали въ особый мѣшокъ и бросали туда же въ котелъ, но такъ, чтобы отъ этого мѣшка протягивалась лента лыка, за которую можно было дернуть и выдернуть мѣшокъ изъ котла. Когда вуршкайтесъ находилъ, что внутренности въ мѣшкѣ поспѣли, выдергивалъ мѣшокъ за лыко, выкладывалъ изъ него потроха и внутренности на деревянную миссу, и раздѣлялъ на столько частей, сколько было участвующихъ въ жертвоприношеніи, и потомъ обливалъ мясо посредствомъ большой ложки тою самою похлебкою, въ которой они варились. Такихъ ложекъ слѣдовало вылить непремѣнно девять числомъ. Вуршкайтесъ прежде отвѣдывалъ торжественной пищи самъ, потомъ давалъ другимъ, по три раза каждому, приговаривая: лабба! лабба! что значитъ: хорошо! хорошо! Поѣвши такимъ образомъ потроха, принимались за мясо. Разстилали на землѣ ржаные снопы; на нихъ дѣлилъ вуршкайтесъ мясо; сперва ѣли старые люди, потомъ молодые и наконецъ дѣти, которыхъ приводили съ собой отцы и взрослые родственники. Если не было столько присутствовавшихъ, чтобъ могли съѣсть цѣлаго козла за разъ, то объѣдки бросали снова въ котелъ и снова ѣли: обыкновенно вторичное пиршество предоставлялось дѣтямъ, ибо взрослые не могли въ одинъ день вкушать дважды отъ одного священнаго козла, а дѣти могли приниматься ѣсть его нѣсколько разъ на день; и если за всѣмъ этимъ все таки не льзя было съѣсть козла въ одинъ день, то его оставляли

на огнѣ до другого и даже до третьяго дня, и непремѣнно слѣдовало его съѣсть, хотя козелъ дѣлался до невыносимости мерзокъ. Когда козлиное жертвоприношеніе дѣлалось послучаю болѣзни для умилостивленія боговъ, то посѣтителей было не много, и тогда-то священный козелъ оставался на огнѣ на другой, на третій день и даже долѣе, и участники жертвенной трапезы должны были насыщаться имъ. По однимъ извѣстіямъ кости священнаго козла бросали въ огонь, по другимъ зарывали въ землю. Иногда при такихъ жертвенныхъ трапезахъ женщинъ не было во все, при другихъ были и женщины. Въ послѣднемъ случаѣ пиршествующіе садились кругомъ котла и перебрасывали одинъ другому въ руки черезъ пламя тѣсто, пока оно такимъ образомъ отъ жара не превращалось въ лепешки, похожія на хлѣбъ.

Во время пожиранія священнаго козла надобно было пить пиво и каждый изъ пиршествующихъ долженъ былъ воротиться домой, хорошенько упившись; для этого какъ можно болѣе солили козла, чтобъ гости могли побольше выпить. Выпивка производилась послѣ вкушенія священной козлятины съ такими обрядами: вуршкайтесъ бралъ изъ огня головню, непремѣнно обѣими руками, бросалъ ее себѣ на открытую голову и въ тужь минуту схватывалъ снова обѣими руками и бросалъ снова въ огонь, а самъ, наклонившись къ землѣ, восклицалъ: лабба! лабба! Также должны были поступать одинъ за другимъ всѣ участники пира. Вуршкайтесъ наливалъ пива въ сосудъ, сдѣланный изъ бычачьяго или буйволоваго рога и, держа въ рукѣ, восклицалъ: о вы, покровители, милосердые боги! помогите сему хозяину (или хозяйкѣ): и утромъ, когда онъ (или она) встаетъ, и вечеромъ, когда ложится спать; помогите его (или ея или ихъ) сыновьямъ, дочерямъ, дайте имъ благополучія во всемъ, чтобъ у этихъ добрыхъ людей житница пустая не стояла, чтобъ у нихъ много лошадей развелось, чтобъ они сами были здоровы, чтобъ у нихъ коровы телились, и всѣ напасти прогоните за море, гдѣ крапива не растетъ, гдѣ пѣтухъ не поетъ. Вуршкайтесъ испиваетъ изъ рога въ честь боговъ, прежде самъ, потомъ наливаетъ большой горшокъ пивомъ и подаетъ гостямъ; всѣ пили одинъ за другимъ. Когда, такимъ образомъ, въ горшкѣ



не оставалось уже пива, вуршкайтесъ опять наливаетъ рогъ, опять провозглашаетъ воззваніе къ богамъ, выпиваетъ и снова наполняетъ пивомъ круговой горшокъ, и снова всѣ пьютъ поочереди и такъ продолжается попойка, до-тѣхъ-поръ, пока станетъ возможности, пока всѣ не упьются. Вообще литовскіе боги болѣе всего любили козлятину, хотя, какъ извѣстно, имъ приносили также и быковъ, и гусей и куръ: послѣдними обыкновенно жертвовали бѣдняки, которымъ состояніе не дозволяло собраться на козла. Рыбаки и мореплаватели чествовали жертвами Гардоатиса или Банпуттиса, котораго, какъ сказано, воображали себѣ исполиномъ, стоящимъ посреди морской пучины и насылающимъ вѣтры. Ему въ жертву приносили рыбъ, которыхъ варили въ котлѣ и клали потомъ на ржаную солому, наблюдая подобные обряды, какіе сопровождали жертвоприношеніе козла и также точно запивали пивомъ. Но морской богъ любилъ также говядину и свинину: въ 1526 году, во время войны ордена съ Польшею, близъ Данцига ожидали нападенія польскихъ судовъ; какой-то вуршкайтесъ вызвался избавить побережье отъ непріятеля своимъ вѣдовствомъ и потребовалъ цѣлаго быка и двѣ большихъ бочки лучшаго пива. Мужики сдѣлали складчину и устроили языческое жертвоприношеніе на берегу, и дѣйствительно, поляки, проплывши мимо берега, не сдѣлали на него нападенія; впослѣдствіи, когда возстановились дружескія отношенія прусскаго края съ Польшею, поляки разсказывали, что когда они подплывали къ берегу, то имъ привидѣлась неприступная гора. Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ того, рыбаки не могли поймать рыбы въ морѣ у этого берега и опять прибѣгли къ пособію вуршкайтеса, и тотъ объяснилъ имъ, что въ то время, когда онъ своимъ вѣдовствомъ отводилъ поляковъ отъ берега, и рыба вся убѣжала далеко въ море вмѣстѣ съ ними, а чтобы ее воротить снова, надобно принести въ жертву морскому богу жирную свинью и распить при этомъ двѣ бочки хорошаго пива. Когда мужики, по наученію знахаря, устроили такимъ образомъ на берегу пиршество, знахарь отрѣзалъ у свиньи сосцы, бросилъ въ котелъ, хорошенько посолилъ въ немъ воду, порѣзалъ свиную тушу на куски, посолилъ и побросалъ туда же.

Это сопровождалось таинственными приговорками. Бѣдные идолопоклонники за то должны были поплатиться у нѣмца-епископа, когда ему было донесено о ихъ продѣлкахъ. Въ наказаніе за это, всѣхъ участвовавшихъ раздѣли до-нага по поясъ, вооружили каждаго розгами и заставили сначала вуршкайтеса дать по два удара каждому изъ прихожанъ, а потомъ прихожане должны были сѣчь своего вуршкайтеса; при этомъ на головѣ у знахаря надѣта была дурацкая шапка, формою на подобіе епископской, съ изображеніемъ свиней и чертей.

Во время язычества, у литовскихъ народовъ было нѣсколько годовыхъ праздниковъ: остатки ихъ сохранялись живо еще въ XVI вѣкѣ. — Такъ, по собраніи жатвы, въ въ Литвѣ отправлялся праздникъ, на подобіе того, какой доснхъ-поръ устроивается въ Бѣлоруссіи и Малороссіи подъ названіемъ дожинокъ, или обжинокъ. Собиралась семья; женщины готовили кушанья, пекли хлѣбъ; разставлялись столы и покрывались сѣномъ; на сѣнѣ, накрывши его, сверху клали хлѣбъ и ставили два горшка пива; потомъ брали по одному или по нѣскольку разныхъ домашнихъ животныхъ обоего пола, какъ-то: поросятъ, гусей, куръ, телятъ и проч., и убивали. Вуршкайтесъ произносилъ надъ ними священныя слова и ударялъ по нимъ тросточкой; вся толпа пировавшихъ дѣлала вслѣдъ за нимъ тоже. Говорилось такъ: «Вотъ тебѣ, Земенникъ, боже, приносимъ въ благодарность за то, что прошлый годъ ты насъ охранялъ и всякаго добра намъ подавалъ, и впередъ тоже дѣлай, просимъ тебя!» Во время пиршества, каждый изъ участниковъ, поѣвши, накалывалъ на вилку куски и бросалъ во всѣ углы дома. «Прими, Земенникъ, произносилось при такомъ обрядѣ — благодушествуй и кушай на веселье! Этотъ праздникъ впослѣдствіи начали праздновать въ день всѣхъ святыхъ (1-го ноября), но онъ удержалъ свое прежнее названіе *ильги* (можетъ быть алга отъ alga — награда, благодарность). На третій день послѣ ильги, дѣвицы соблюдали обрядъ, долженствовавшій быть одною изъ главныхъ принадлежностей древняго праздника. Бо́льшая ростомъ дѣвушка набирала себѣ за пазуху пироговъ, становилась на скамью одной ногою, а лѣвую руку поднимала вверхъ, держа въ ней



полосу вязоваго или липоваго лыка, изъ котораго плели себѣ литовцы обыкновенно лапти. Она призывала бога Вайсганта: «Вайсгайнтосъ девайте! возрасти намъ такой длинный ленъ, какъ я длинна теперь, чтобы мы голыя не ходили». Потомъ она выпивала пива изъ чаши и выбрасывала изъ пазухи пироги, думая, что приноситъ ихъ такимъ образомъ жертву Вайсганту. Если, стоя на скамьѣ одной ногою, она не пошатнется, это считалось предзнаменованіемъ хорошаго урожая льна на будущій годъ; противное считалось неблагопріятною примѣтою. Въ этотъ же самый день совершалось торжество угощенія мертвыхъ: оно происходило въ пустой банѣ; тамъ ставили пищу и питье, уставляли около стола скамьи, покрывали ихъ, клали на нихъ одежды и бѣлье и, совершивши призываніе мертвыхъ, выходили изъ бани. Три дня не слѣдовало туда входить, думали, что въ это время мертвецы выходятъ изъ могилъ, являются въ баню, наѣдятся и напьются, и уйдутъ къ себѣ въ свои могилы. Увѣряли, что подземные гости оставляли даже знакъ рукою. (Lasicki, de diis Samog. 50).

У литовцевъ, какъ у славянъ, весна имѣетъ праздничное значеніе, такъ что у поселянъ существовалъ длинный праздникъ, хотя прерываемый каждодневными работами, но чествуемый хороводами, играми и гуляками. Это праздникъ Лада, по извѣстію Стрыйковскаго, продолжавшійся весною до 24-го іюня; впослѣдствіи, по принятіи христіанства, весеннее праздничное торжество начинало совершаться со дня св. Юрія. Это былъ древній языческій праздникъ въ честь Перкрубіаса. (Relig. Boruss. Melet. 258.)

Быть можетъ это другое названіе одного и того же весенняго бога, извѣстнаго подъ именемъ Ладо, а можетъ быть это былъ другой геній; собственно Перкрубіасъ означалъ произрастателя травы изъ земли и листьевъ изъ почекъ древесныхъ. Вуршкайтесъ держалъ въ правой рукѣ чашу съ пивомъ и призывалъ бога: «О Перкрубіасъ! ты прогоняешь зиму, приводишь къ намъ пріятную весну, ты даешь цвѣтъ полямъ и садамъ, зелень рощамъ и лѣсамъ.» Потомъ онъ бралъ чашу съ пивомъ зубами, и, неприкасаясь къ ней руками, выпивалъ пиво, а пустую чашу бросалъ назадъ черезъ голову, ее подхва-

тывали, онъ наливалъ ее снова; всѣ такимъ образомъ пили пиво по очереди въ честь Перкрубіаса. Стрыйковскій говоритъ (т. I, 142), что тогда обращались не къ одному Перкрубіасу, но и къ другимъ божествамъ, и просили ихъ благопріятствовать людямъ въ предстоящее лѣто. Обращаются къ Перкунасу и просятъ, чтобъ онъ укротилъ громы, молніи и грады; обращаются къ Свантиксу и просятъ, чтобъ свѣтилъ на нивы, луга, травы и цвѣты; къ Пильвиту, чтобъ допустилъ во́ время сжать и убрать хлѣбъ на полѣ, и такимъ образомъ обращаются къ разнымъ богамъ и просятъ каждаго оказать съ своей стороны зависящее отъ нихъ благодѣяніе. Тогда приносился священный козелъ съ обычными обрядами жертвоприношенія. Вуршкайтесъ притомъ долженъ быть непремѣнно въ зеленомъ вѣнкѣ на головѣ; подпоясавшись ручникомъ, онъ возлагалъ на козла руки, призывалъ благодать боговъ и, обращаясь къ прихожанамъ, восклицалъ: «мы собрались творить достославное дѣло, заповѣданное отцами нашими, чтобъ умолить нашихъ великихъ боговъ». Козла съ торжествомъ поднимали вверхъ; трижды обходилъ около него вуршкайтесъ съ ножемъ и потомъ закалалъ; кровь выпускалась въ кувшинъ или мису; вуршкайтесъ черпалъ ее маленькимъ ковшикомъ и окроплялъ ею около-стоявшихъ, прихожане разбирали ее себѣ въ сосуды и освящали дома и скотъ. Козлиное мясо варилось съ обрядами, описанными выше. Во время вкушенія священной козлятины играли на длинныхъ трубахъ и пѣли пѣсни. Такъ праздновали литовскіе поселяне цѣлую ночь до свѣта, а чего не успѣвали съѣдать, то относили, на распутіе и зарывали въ землю, наблюдая, чтобъ ни звѣрь, ни собака не могли выкопать зарытое изъ подъ земли.

День, когда литовцы выѣзжали пахать въ первый разъ при началѣ весны, былъ праздничнымъ днемъ, и первая борозда считалась священною во весь годъ до уборки хлѣба; хозяинъ боялся черезъ нее перешагнуть.

Купальскій праздникъ существовалъ у литовцевъ: хоть до насъ не дошли древніе его обряды, но несомнѣнно, что онъ въ главныхъ чертахъ былъ сходенъ съ славянскимъ и совершался въ одно и тоже время. Впослѣдствіи, уже по



принятіи крещенія, на канунѣ Рождества Предтечи всю ночь горѣли костры и на другой день черезъ пепелъ ихъ проводили скотъ для очищенія.

Существовалъ особый праздникъ въ честь Пурсхайтеса съ его маленькими парстуками и маркопетами. Праздникъ этотъ отправлялся лѣтомъ. Приносили на гумно въ ригу хлѣба, вареная и печеная мяса, сыра и масла и приглашали всю пурсхайтову челядь ужинать. Двери риги затворялись. На другое утро приходилъ туда хозяинъ, замѣчалъ, что осталось кушаньевъ меньше чѣмъ прежде было, и былъ увѣренъ, что это съѣли парстуки. У кого меньше, чѣмъ у другихъ, оставалось пищи, предложенной божкамъ, тотъ радовался и говорилъ, что парстуки лучше любятъ его, чѣмъ его сосѣдей; слѣдовало замѣчать, какой пищи оставалось меньше: это значило, что парстуки любятъ ее больше другой; и на другой годъ гостепріимный хозяинъ распоряжался, чтобъ угостить ихъ любимымъ кушаньемъ. Въ хроникѣ Луки Давида есть любопытный разсказъ о томъ, какъ одна женщина долгое время обманывала такимъ образомъ и своихъ семейныхъ и цѣлый околодокъ; всѣ были увѣрены, что въ запертой кругомъ ригѣ кушали парстуки; впослѣдствіи оказалось, что такъ проказила мать семейства. Вѣра въ парстуковъ была укоренена у литовцевъ чрезвычайно крѣпко и сохраняется до-сихъ-поръ, какъ вѣра въ домовыхъ у нашихъ мужиковъ. Вѣрили, что парстуки, любя своего хозяина, крадутъ хлѣбъ въ чужихъ житницахъ и переносятъ въ свои. Опасались чѣмъ-нибудь оскорбить ихъ; особенно никто не смѣлъ бросить какую-нибудь нечистоту въ сиреневые кусты: разсказывали о многихъ примѣрныхъ наказаніяхъ по этому поводу; между прочимъ парстуки наказывали непочтительныхъ къ себѣ параличемъ и слѣпотою. Одна женщина оставалась дома безъ мужа. Ей не спалось; мѣсяцъ свѣтилъ въ окно. Вдругъ видитъ она: въ избу ея маленькіе человѣки съ маленькими дѣвочками входятъ и начинаютъ вести хороводъ. Женщина смотритъ на нихъ съ удивленіемъ и любопытствомъ. Затвори окна! сказалъ ей одинъ парстукъ. Она не поняла и продолжала смотрѣть на нихъ. Затвори окна! сказалъ ей въ дру-

гой разъ духъ. Она можетъ быть и поняла да не послушалась. Тогда пярстукъ дунулъ ей въ глаза, и бѣдная ослѣпла навсегда.

Съ младенцами наблюдался обычай въ языческомъ быту, равносильный крещенію въ христіанствѣ. Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ рожденія дитяти, приглашали въ домъ женщину-знахарку. Ставили на столъ мису съ пивомъ, бросали туда деньги и накрывали платкомъ. Держа надъ этимъ платкомъ голову дитяти, остригали на ней волосы. Эти волосы зарывали въ землю подъ хмѣлевой тычинкой съ приговоромъ: «какъ хмѣль вверхъ растетъ и вьется, такъ чтобъ волосы росли и вились у дитяти; или: «какъ хмѣль около тычины вьется, такъ чтобъ дитя увивалось отъ всякой бѣды напасти!» Думали, что черезъ это дитя спасается въ жизни отъ всякихъ напастей. Вотъ начало княжескихъ постригъ у насъ!

Свадебные обряды, описанные у Луки Давида, Ласицкаго и Мелетія чрезвычайно интересны для насъ, тѣмъ болѣе, что представляютъ аналогію съ нашими, и это объясняетъ древность славянскихъ обычаевъ. Въ языческую старину дѣвицы выходили въ хороводы и тамъ молодцы похищали ихъ — умыкали, какъ выражались языческіе славяне. Потомъ уже похититель начиналъ сватовство, примирялся съ родителями невѣсты и платилъ за невѣсту, какъ бы покупалъ ее; и тогда уже происходили священные свадебные обряды — обычай, общій всѣмъ финнскимъ народамъ, бывшій и у славянъ, и наблюдаемый теперь у черкесъ. Весь процессъ языческаго бракосочетанія состоялъ въ привозѣ невѣсты изъ отеческаго дома въ домъ жениховъ и нѣкоторыя церемоніи въ послѣднемъ. Наканунѣ брачнаго дня отправлялся, какъ и у славянъ, дѣвичь-вечеръ; подруги собирались къ невѣстѣ, пѣли ей пѣсни; а она оплакивала свое дѣвство и прощалась съ всею обстановкою дѣвической жизни. «О гуе, гуе, гуе, мой милый святой огонь, кто будетъ тебѣ дрова носить, чтобъ батюшку и матушку настарости согрѣвать! Кто имъ ноги помоетъ! Кто огня подастъ! Мои милыя собачки, мои милыя курочки, кто теперь будетъ васъ кормить!» Въ то время, когда она обращалась къ огню, подруги подводили ее къ печкѣ и вторили ей заунывными пѣснями. Въ день брака женихъ присылалъ за невѣстою сватовъ съ колясою. Ее провожали съ пѣснями и плачемъ. Когда невѣста приближалась къ женихову дому, на встрѣчу ей выбѣгалъ дружка, въ одной рукѣ держа зажженную головню, въ другой чашу съ пивомъ; три раза онъ долженъ былъ обѣжать невѣстину колясу и закричать громко: какъ ты у отца-матери огонь берегла, такъ и въ домѣ мужниномъ береги! Съ этими словами онъ подавалъ невѣстѣ чашу съ пивомъ.



Всѣ женихови домашніе должны были кричать: келевесе періоте! келевесе періоте! т. е. возница ѣдетъ! возница ѣдетъ! (келевесе отъ kela — дорога, wezu — везу). Сидѣвшій на колясѣ съ невѣстой долженъ былъ сколько-возможно скорѣе вбѣжать въ избу и сѣсть на сѣдалище, покрытое нарядным плащомъ; за свою ловкость онъ получалъ этотъ плащъ въ подарокъ, а если онъ не успѣвалъ занять мѣсто, то его выгоняли изъ избы кулаками; невѣсту вводили въ женихову избу и тутъ начиналась брачная церемонія; она состояла въ слѣдующемъ: невѣсту подводили къ печи, по другимъ извѣстіямъ трижды обводили около зажженаго на очагѣ огня, потомъ сажали ее на приготовленное мѣсто и мыли ей водой ноги; этой водой кропили всѣ стѣны избы, домашнюю утварь и скотъ на дворѣ и въ загонахъ. Потомъ невѣстѣ намазывали губы медомъ, завязывали глаза платкомъ и подводили ко всѣмъ дверямъ домашней постройки какъ въ жилыхъ, такъ и надворныхъ строеніяхъ и загородахъ; двери были затворены; когда невѣста такимъ образомъ приближалась къ двери, ей говорили: Трóцке! трóцке! (отвори). Она толкала ногой — двери отворялись; въ это самое время изъ мѣшка, которой носили за ней, осыпали ее разнымъ зерномъ: пшеницею, рожью, бобами, ячменемъ, горохомъ и макомъ. При этомъ ей проговаривалось правоученіе, что она ни въ чемъ не будетъ имѣть недостатка, если будетъ благочестива, почтительна къ богамъ и прилежна къ хозяйству. Эти обычаи означали вводъ новой хозяйки въ управленіе домомъ, а осыпанье означаетъ изобиліе, котораго желаютъ новобрачной четѣ. Когда такимъ образомъ молодую хозяйку обводили всюду во дворѣ, тогда снимали съ глазъ платокъ и начи-

нался свадебный пиръ. По окончаніи его, вечеромъ невѣстѣ обрѣзывали волосы, снимали съ нея вѣнокъ (рутяной, какъ говорятъ народныя пѣсни) и надѣвали вмѣсто его платокъ или шапочку, повязанную сверху платкомъ; этотъ уборъ она носила до рожденія сына. Въ это время около нея плясали и пѣли пѣсни. Потомъ вели новобрачныхъ на брачное ложе; когда молодая жена подходила къ нему, ее толкали и ударяли розгою тихонько; это имѣло символическое значеніе покорности мужу, точно такъ какъ и у русскихъ новобрачный ударялъ свою суженую плетью, давая тѣмъ знать о своей власти. Затѣмъ отправлялся другой символическій обычай; жениху и невѣстѣ давали зажареныя козлиныя (подругимъ извѣстіямъ также медвѣжьи) дѣтородныя яички: было вѣрованіе, что отъ этого новобрачные получаютъ силу чадородія.

При погребеніи наблюдались такіе обряды: мертвеца обмывали теплою водою; у пруссовъ одѣвали въ бѣлое одѣяніе, а у литовцевъ въ обыкновенное платье и обували въ сапоги и сажали на сѣдалищѣ. Всѣ садились. Каждый по очереди долженъ былъ съ чашею пива подходить къ трупу, кланяться ему и пить, говоря: «другъ, я пью за тебя!» Потомъ начинался плачь и причеты: «Галелеле! Галелеле! Зачѣмъ ты умеръ! Али у тебя не было чего ѣсть-пить? Зачѣмъ же ты умеръ? Галелеле! Али у тебя не было красной женушки? Зачѣмъ ты умеръ?» Перечисляли всякіе предметы хозяйства, все, чѣмъ обладалъ покойникъ: и овцы, и гуси, и утки, и куры, и лошади; все это у тебя было! Вопили въ заключеніе: «Зачѣмъ же ты умеръ! Зачѣмъ же ты умеръ!» Достойно замѣчанія, что точно такіежъ причеты сопровождали погребеніе у великоруссовъ.

По окончаніи плача всѣ прощались съ трупомъ и подносили ему подарки; женскому — нитки съ иглой, мужскому — убрусъ, который обвертывали ему около шеи и привѣшивали къ нему мечъ. При этомъ желали, чтобъ умершій на томъ свѣтѣ увидѣлъ своихъ родныхъ и пріятелей. По извѣстіямъ прусскихъ лѣтописцевъ, тѣла сожигалась, пепелъ собирали въ горшки и ставили ихъ при дорогахъ, на поляхъ и въ лѣсахъ; такъ и по принятіи христіанства, по-



всюду встрѣчались такіе сосуды; точно тоже, какъ извѣстно, было у радимичей и вятичей во времена язычества. Но погребали эти сосуды и въ землѣ. И теперь еще въ сторонѣ, заселенной въ древности литовскимъ племенемъ, находятъ такіе сосуды подъ землею. Потомки тѣхъ, чей пепелъ сохраняется въ этихъ сосудахъ, составляютъ себѣ разныя самыя причудливыя мнѣнія о такихъ находкахъ. Одни говорятъ, что эти сосуды дѣлали и употребляли подземные парстуки, которые нѣкогда во времена языческаго мрака живали тамъ, обольщая людей, другіе толкуютъ, что мать-земля бываетъ беременна весною и производитъ на свѣтъ эти сосуды, что если въ нихъ налить молока, то собирется изъ него въ большомъ обилін превосходное масло. Болѣе смышленые считаютъ, что эти сосуды нѣкогда ставили въ землю съ умершими, чтобъ мертвецы ими пользовались. Умершихъ кунигасовъ (князей) и супановъ (господъ) сожигали вмѣстѣ съ лошадью и лучшею охотничьею собакою, чтобъ было на чемъ мертвецу ѣздить верхомъ и чѣмъ забавляться. Но кажется было въ обычаѣ хоронить и не сожигая, какъ это показываютъ явно языческіе обряды, удержавшіеся при погребеніи въ XVI вѣкѣ. Трупъ везли на телѣгѣ въ могилу, нѣсколько всадниковъ скакали за погребальной телѣгою; они махали мечами и отгоняли злыхъ духовъ, крича: «Гейгете, бегайте пекели! Бѣгите демоны въ пекло!» Хороня мертваго, клали съ нимъ монеты для издержекъ на путешествіе въ будущую жизнь; клали хлѣбъ и ставили коновку съ пивомъ и горшокъ съ медомъ въ головахъ у трупа, чтобъ душа могла покушать, если захочетъ, и зарывали разныя принадлежности домашняго быта; женщину иногда всю обматывали пряжей, чтобъ было чѣмъ въ гробѣ заняться отъ скуки. Жена умершаго должна была впродолженіе тридцати дней проводить время на гробѣ при восходѣ и закатѣ солнца и плакать. Принявши христіанство, литовцы праздновали поминки въ третій, шестой, девятый и сороковой день и сопровождали свои пиршества языческими обычаями. Тогда приглашали души умершихъ невидимо пировать вмѣстѣ съ живыми ихъ родственниками и пріятелями. Когда это приглашеніе говорилось, то слѣдовало всѣмъ стоять у дверей, какъ-будто для

2017103148

пріема входящихъ въ избу. Послѣ приглашенія садились за столъ и не смѣли произносить ни одного слова. За этими пиршествами ножей вовсе не употребляли и не клали на столъ; обѣдая, бросали подъ столъ куски и думали, что это достается душамъ, а когда пили пиво, то также плескали имъ подъ столъ; если что-нибудь случайно упадало на землю, то не поднимали, а говорили, что это достается на долю тѣхъ сиротствующихъ душъ, у которыхъ нѣтъ родни на свѣтѣ и нѣкому ихъ поминать. Окончивши поминальное пиршество, знахарь выметалъ изъ избы метлою души умершихъ, говоря: «ѣли-пили душечки, ну, ступайте теперь вонъ!» Послѣ того всѣ пирующіе начинали веселиться, разговаривали о житейскомъ, шутили и цѣловались другъ съ другомъ.

Язычники литовцы вѣрили въ безсмертіе и воображали себѣ будущую жизнь продолженіемъ настоящей. Они вѣрили, что какимъ былъ кто-нибудь здѣсь на землѣ, то есть, богатъ или бѣденъ, рабъ или господинъ, таковъ будетъ онъ и въ будущей жизни. По извѣстію Петра Дюисбургскаго у нихъ было вѣрованіе въ воскресеніе мертвыхъ съ тѣлами, и когда хоронили съ мертвецами лошадей, собакъ и даже живыхъ слугъ и служанокъ, то думали, что все это воскреснетъ съ ними вмѣстѣ. Трудно рѣшить, какъ воображали себѣ они воскресеніе: въ будущее время, долженствующее наступить для всѣхъ разомъ, или тотчасъ по смерти для каждаго въ отдѣльности. Болѣе вѣроятія, что они признавали послѣднее. Криве обладалъ искусствомъ вызывать умершихъ и зналъ ихъ состояніе послѣ смерти. Родственники покойника приходили къ нему и просили разсказать о житьѣ-бытьѣ близкихъ имъ на томъ свѣтѣ, и Криве имъ разсказывалъ, какъ души летаютъ около своего дома въ своемъ платьѣ съ копьемъ, верхомъ на лошади, со всѣми принадлежностями прежней жизни, и всѣ вѣрили и дивились его премудрости. Впрочемъ существовало вѣрованіе, что души умершихъ являются въ образѣ совершенно несвойственномъ тому, какой имѣли при жизни. Въ 1279 году замучены были крестоносцами два упорные язычника: одинъ изъ нихъ былъ разорванъ, будучи привязанъ къ лошади, другой къ дереву. Душа перваго летала въ видѣ дѣвицы, сидящей верхомъ на конѣ, душа другаго въ видѣ птички. До-сихъ-поръ литвины вѣрятъ, что мертвецы летаютъ по воздуху другъ къ другу на свиданіе отъ кладбища къ кладбищу. Говорятъ, если построить домъ на томъ пути, куда обыкновенно привыкли летать мертвецы, то въ этомъ домѣ невозможно спать; домъ скоро разрушится или по крайней мѣрѣ вѣтеръ будетъ срывать съ него кровлю. Тотъ, кто родился въ ночь подъ воскресный день, можетъ видѣть полетъ мертвецовъ. Неизвѣстно, существовало ли въ язычествѣ вѣрованіе о злыхъ мертвецахъ, которые появляются изъ загробнаго міра для того, чтобъ вредить живымъ, и притомъ вредить не испугомъ, а матеріально. Въ настоящее время существуетъ у нихъ, такъ и у германцевъ, вѣрованіе о вампирахъ.



Представленіе мертвеца верхомъ — кажется характеристическое литовское суевѣріе, и по видимому во всѣхъ случаяхъ, гдѣ по литовскимъ вѣрованіямъ являются верхомъ духи — подъ этими духами разумѣлись первоначально умершіе. Это согласно съ извѣстнымъ видѣніемъ, происходившимъ, по словамъ нашей лѣтописи въ Полоцкѣ, въ 1092 году, когда бѣсы рыскали по улицамъ и поражали всякаго, кто выходилъ неосторожно изъ дома. Но ихъ назвали бѣсами въ Кіевѣ по незнанію подробностей смысла этого вѣрованія. Самъ лѣтописецъ прибавляетъ, что въ его время говорили, что мертвецы бьютъ полочанъ (навье бьютъ полочаны). Какъ бы то ни было, но это вѣрованіе явилось въ Полоцкѣ изъ литовскаго міра, ибо у славянъ ни бѣсы, ни мертвецы не появляются верхомъ на конѣ. Поразительное сходство съ полоцкимъ событіемъ предоставляетъ разсказъ подъ 1440, записанный у Грюнау. Въ Торнѣ по улицамъ разъѣзжали верхомъ бѣсы на маслянницѣ и дѣлали людямъ пакости, но одинъ храбрецъ убилъ такого рыцаря. Убійцу стали судить, но поднявъ убитаго, увидали что вмѣсто лица у него было маска, а подъ нею вонючая зола. До-сихъ-поръ въ Литвѣ существуетъ много разсказовъ, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили нѣкогда извѣстныя побоища, въ нынѣшнее время появляются всадники, выходящіе съ конями изъ вѣковыхъ могилъ своихъ. Въ старину вѣроятно такіе безтѣлесные витязи помогали живымъ противъ живыхъ.

Когда въ 1088 году Болеславъ, польскій король, осаждалъ прусско-литовскій городъ Накель, нѣсколько ночей сряду появлялось съ противной осажденному городу стороны войско, какъ-будто намѣреваясь напасть на осаждающихъ, но нападенія не было. Поляки рѣшились наконецъ напасть на этихъ странныхъ враговъ сами, но только-что выступили противъ нихъ, какъ они поднялись на воздухъ и исчезли, а тѣмъ временемъ живые непріятели сдѣлали вылазку, зажгли польскій лагерь и принудили поляковъ снять осаду.

О загробныхъ вѣрованіяхъ литовцевъ сохранилось чрезвычайно любопытное, хотя, къ сожалѣнію, неясное извѣстіе у переводчика хроники Малалы. Такъ говорится о путешествіи Совія въ царство мертвыхъ, названное у христіанскаго писателя адомъ. Надобно было пройдти туда черезъ восемь воротъ и войдти въ девятые. Мертвый отецъ его разсказываетъ, что дѣлается съ умершимъ человѣкомъ при разномъ способѣ погребенія. Когда его похоронили просто въ землѣ и на другой день спросили: каково ему? онъ отвѣчалъ: «черви и гады меня съѣли.» Когда положили его въ деревянный гробъ и спросили: каково ему? онъ отвѣчалъ: «пчелы и комары закусали меня, тяжело спать!» Но когда, потомъ, сотворивъ *краду* (вѣрно кладу) велику, бросили туда мертвое тѣло, умершій на вопросъ: «хорошо ли ему спать?» отвѣчалъ: «Сладко, какъ дитяти въ колыбели!» Видно, что существовало вѣрованіе въ спасительность огня для мертвыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь показывается очень слабое понятіе о сознательной жизни за гробомъ: высшее наслажденіе, которое воображеніе создаетъ себѣ — есть сонъ!

## V.

Литовцы издавна занимались земледѣліемъ, вообще жили мирною деревенскою жизнію и почти не имѣли качествъ воинственности. Только жившіе при морѣ руссы и пруссы, расширили болѣе кругъ своей жизни. Земледѣліе, однако, не было у литовцевъ на высокой степени; даже долго послѣ принятія христіанства они употребляли деревянные лемеши



вмѣсто желѣзныхъ и держались этого обычая по древнему суевѣрному уваженію къ дереву: это былъ остатокъ языческаго древопоклоненія. Они разводили много скота, очень хорошаго и крупнаго; молоко было ихъ любимымъ лакомствомъ. Ихъ лошади были малорослыя, но чрезвычайно крѣпкія и терпѣливыя.

Издавна они умѣли приготовлять пиво и медъ для питья съ примѣсью хмѣлю. Пиво они пили молодое и считали достаточно вкуснымъ, когда оно отстоится въ теченіи нѣсколькихъ дней. Знатные на своихъ пирушкахъ пили изъ буйволовыхъ роговъ, простые изъ деревянныхъ сосудовъ. Простой воздержный образъ жизни дозволялъ имъ доживать безболѣзненно лѣтъ до ста и болѣе. Женщины литовскія отличались вѣрностію къ мужьямъ, рачительностію въ хозяйствѣ и трудолюбіемъ и занимались пряжею и тканьемъ полотенъ, которые составляли обычную лѣтнюю одежду обоего пола. Мужчины носили штаны; а на ногахъ, какъ у мужчины такъ и у женщинъ обувью были лапти. Зимою одѣвались въ овчинные кожухи, покрытые полотномъ, штаны носили кожаные. Грубое сукно на одеждѣ считалось признакомъ зажиточности. Дѣвушки носили при поясѣ колокольчики, которые своимъ звукомъ подавали возможность родителямъ слѣдить за ними; на головѣ дѣвушки носили вѣнокъ или повязку, замужніе шапочку.

Литовцы селились не большими селами, а маленькими, уединенными деревушками и этимъ, кажется, отличались отъ славянъ, которые, напротивъ, любили общительность. При дворахъ были у нихъ огороды съ разною съѣдомою зеленью и кореньями: рѣпа была обыкновеннымъ необходимымъ растеніемъ. Изба литовца дѣлалась съ узкою деревянною трубою для выпуска дыма, и крылась соломою или корою; близъ нея строился загонъ для скотины.

Литовецъ не брезговалъ, если телята, поросята и куры посѣщали его избу, и нерѣдко случалось, что свинья или собака вытаскивали мясо изъ горшка, приготовленное для пищи. Хозяинъ ложился у дверей, а хозяйка близъ печи и безпрестанно вставали и посматривали, чтобъ не погасъ огонь, и чтобъ не сдѣлалось пожара; по народному вѣрованію слѣ-

довало, чтобъ огонь никогда не погасалъ въ избѣ. Люди зажиточные спали на матрацахъ, набитыхъ перьями.

Баня у литовцевъ и пруссовъ считалась наслажденіемъ также, какъ и у русскихъ; ей придавали священное значеніе, такъ что язычникъ-литовецъ ходилъ въ баню въ честь своихъ боговъ.

Литовцы любили выпить и попировать. Осенью начиналось въ литовскихъ деревняхъ веселое время; зажиточный хозяинъ убивалъ корову или свинью, варилъ пиво и звалъ сосѣдей изъ своей и сосѣдней деревни. Лучшимъ угощеніемъ считалась дичь; молодцы отправлялись въ лѣса, били звѣрей и птицъ и щеголяли на пирахъ своимъ искусствомъ. Какъ и у насъ, считалось у нихъ знакомъ гостопріимства — напоить гостей допьяна. Тогда пили не только взрослые, но и молодые и дѣвицы. Пиво (alus) было у литовцевъ символомъ дружелюбія и веселости. Къ празднику дѣлали складчины — братчины и, какъ уже выше было сказано, приносили въ жертву козла или быка.

Умственное развитіе племени стояло на дѣтской степени; это было причиною, что литовцы такъ легко подчинились вліянію славянской образованности. Петръ Дюнсбурскій положительно указываетъ, что у прусско-литовскаго народа не существовало письменъ и понятіе о нихъ было первобытное. Когда пруссу нужно было помнить о томъ, что слѣдовало сдѣлать черезъ нѣсколько дней, онъ чертилъ на своемъ кожаномъ поясѣ по замѣткѣ каждый день и такимъ образомъ доходилъ до нужнаго числа; когда пруссы увидѣли письмена, то очень удивлялись процессу передачи мыслей посредствомъ посторонніхъ знаковъ: ихъ потѣшала возможность разговаривать съ отсутствующими. Но другія свидѣтельства указываютъ напротивъ, что въ язычествѣ письмена были имъ извѣстны. Въ XVI вѣкѣ, въ хроникѣ Симона Грюнау, бравшемъ свои извѣстія изъ прежнихъ, говорится о томъ, будто на щитѣ и на знамени прусскомъ находились письмена. Странная ихъ фигура приводится въ хроникѣ. Тунманъ считалъ ихъ достовѣрными и дешифровалъ подпись такъ, что она заключаетъ въ себѣ обращеніе къ богу войну Корсу или Коршу: «Боже Корсъ! Возъярись на



опустошителей, сотвори имъ зло!» Байеръ считалъ это поддѣлкою, но ученый Гриммъ признаетъ ея подлинность и находитъ въ ней сходство съ готскими рунами.

Вообще этотъ вопросъ долженъ быть предметомъ болѣе тщательнаго изслѣдованія.

Въ отношеніи гражданскаго и общественнаго строя, въ языческомъ литовскомъ мірѣ господствуетъ большой мракъ. Въ древности, когда литовское племя жило уединенно, жрецы были вмѣстѣ съ тѣмъ и установители гражданскаго порядка. По мѣрѣ столкновенія съ иноплеменниками возникало отдѣленіе свѣтской власти отъ духовной, и, кромѣ Криве, существовали выборные князья, называемые у пруссовъ риксами или риками (Rikys), а у собственныхъ литовцевъ кунигасами. Въ народѣ существовало преданіе о какомъ-то Видевутѣ, который составилъ для цѣлаго народа законы и положилъ начало порядку, переходившему изъ рода въ родъ втеченіи вѣковъ. Но сказаніе о Видевутѣ, записанное у Луки Давида, какъ выше сказано, требуетъ большей критики, для насъ невозможной при нашихъ средствахъ. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ хроники Петра Дюнсбургскаго видно, что у нихъ существовали народныя собранія или вѣча. Въ дѣлахъ, относящихся до важныхъ случаевъ, на эти собранія сходились изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ сторонъ и такимъ образомъ собраніе принимало видъ верховнаго собора всей страны. Они происходили у священныхъ мѣстъ. Пользовались ли рики и кунигасы правомъ собиранія дани — неизвѣстно, но кажется нѣтъ; но они получали въ вознагражденіе земли, дававшія доходъ. Первоначальное ихъ значеніе ограничивалось предводительствомъ на войнѣ, но когда обстоятельства сдѣлали войну частнымъ явленіемъ, власть ихъ расширилась и дошла до значенія правителей и государей. Частыя перемѣны династій кунигасовъ въ языческой Литвѣ заставляютъ предполагать, что наслѣдственность между ними не была тверда, и власть ихъ не доходила еще до самодержавія. Признаки наслѣдственности обозначаются полнѣе уже при гедиминовомъ домѣ, и можетъ быть заимствованы у славянъ.

Несомнѣнно, что и послѣ отдѣленія свѣтской власти отъ

духовной, значеніе послѣдней продолжало переходить за предѣлы собственной сферы — вѣрованія, и вступало въ чисто гражданственную сферу. Въ-особенности семейная жизнь и зависящія отъ нея отношенія рѣшались приговоромъ жрецовъ (криве). Такимъ образомъ криве были хранители и истолкователи древнихъ обычаевъ, принявшихъ значеніе положительныхъ законовъ. Ихъ вліяніе поддерживало строгую нравственность и жестоко преслѣдовало все, что клонилось къ ея нарушенію. Такъ по законамъ, которыхъ истолкователями были жрецы, прелюбодѣяніе наказывалось сожженіемъ какъ мужчины, такъ и женщины; а того, кто, имѣя жену, возьметъ другую, отдавали собакамъ на съѣденіе. Послѣднее извѣстіе сохранилось у Луки Давида, и противорѣчитъ другому извѣстію того же историка, что литовцы могли имѣть трехъ женъ (L. Daw. 22.)

Войско состояло изъ охотниковъ, оставлявшихъ свои дома ради защиты отечества отъ вторженія непріятеля или ради добычи. Кунигасъ или рикъ былъ предводителемъ. Но съ усиленіемъ воинственности, пробужденной пришествіемъ крестоносцевъ, многіе богатые люди набирали себѣ особенныя дружины. Пруссы сражались пѣшіе, литовцы пѣшіе и конные, ятвяги вели наѣздническій образъ войны. На войнѣ употребляли луки, копья, мечи, метательные камни и топоры. Луки ихъ были невелики, а большими луками, которые натягивались посредствомъ кольца, они научились владѣть только со времени знакомства съ нѣмцами. Самое же древнее народное оружіе было дубина съ однимъ толстымъ концомъ. Одежда воиновъ состояла изъ лосьихъ и медвѣжьихъ шкуръ, на головахъ носили большія войлочныя шапки, называемыя неромками. Въ войскахъ ихъ развивались знамена съ изображеніями, напримѣръ, трехъ божествъ, или щита, держимаго тремя конями, или — съ груднымъ изображеньемъ человѣка съ медвѣжьей головой, или же: на знамени изображали щитъ съ двумя вѣнцами: вверху голубаго, внизу желтаго цвѣта. На литовскихъ знаменахъ изображался бѣгущій всадникъ, — впослѣдствіи *погоня*, знаменитый гербъ великаго княжества литовскаго. Для возбужденія храбрости играли на трубахъ, сдѣланныхъ изъ буйволовыхъ роговъ. Военная



тактика имѣла признаки, общіе всѣмъ вообще народамъ первобытной цивилизаціи: нечаянно напасть на непріятеля, воспользоваться его оплошностью, побѣжать и заманить его за собой въ лѣсъ на засаду — то были обыкновенныя уловки. При осадѣ крѣпостей старались брать верхъ безпрерывными нападеніями, утомляя такимъ образомъ непріятеля, а между тѣмъ и сами окапывались, чтобъ предохраниться отъ непріятельскихъ вылазокъ. Когда въ походъ шли, то везли за собою рядами сани или возы и въ случаѣ нужды дѣлали изъ нихъ подвижное укрѣпленіе, что, какъ извѣстно, было обычною тактикою украинскихъ казаковъ впослѣдствіи; обычая мазать колеса не было, и оттого, когда шелъ ихъ обозъ, то на большое пространство раздавалась дикая колесная музыка. На случай переправы черезъ рѣку они возили съ собой въ походахъ лодки, сдѣланныя изъ зубровыхъ шкуръ, а за недостаткомъ такихъ лодокъ, переправлялись черезъ рѣки вплавь, держась за хвосты лошадей своихъ, какъ это дѣлали татары. Съ плѣнниками, особенно съ нѣмцами, обращались безчеловѣчно, и это показываетъ въ нихъ невоинственный народъ: они считали всякаго, кто съ ними воевалъ, злодѣемъ и разбойникомъ.

Предъ начатіемъ военнаго предпріятія, отправлялось гаданье на человѣческой жертвѣ. Вайделотъ поражалъ обреченнаго на жертву плѣнника ножемъ въ грудь или шею и наблюдалъ по истеченію его крови: удачно или неудачно будетъ грядущее предпріятіе. Если кровь брызгала фонтаномъ, то это былъ хорошій знакъ; если же она струилась медленно — надобно было страшиться неудачи. По окончаніи войны иногда приносили плѣнниковъ въ жертвы, особенно знатнѣйшихъ, прочихъ убивали или обращали въ неволю; вообще взятый въ плѣнъ считался скорѣе вещью, чѣмъ человѣкомъ; но съ русскими и поляками они обращались милостивѣе, чѣмъ съ нѣмцами. По окончаніи войны возвращавшихся съ побѣдою привѣтствовали женщины и дѣвицы, пѣли пѣсни и били въ ладоши; такъ былъ встрѣченъ Ольгердъ въ 1361 году, по возвращеніи изъ-подъ Москвы; подобный обычай, какъ извѣстно, соблюдался и у гунновъ при Аттилѣ. Неудача на войнѣ наказывалась выраженіями всеобщаго

презрѣнія, а тѣхъ, которые бѣжали съ поля битвы, казнили смертію. У литвиновъ былъ даже обычай убивать себя въ случаѣ проигрыша сраженія, чтобы не подвергаться поруганію отъ своихъ, и вообще литовцы-язычники не дорожили слишкомъ жизнію; самоубійство было у нихъ дѣломъ вовсе непредосудительнымъ и нерѣдко жены, потерявъ мужей, падшихъ на сраженіи, убивали себя.

Дюисбургскій лѣтописецъ говоритъ, что пруссы дѣлили добычу на три части: одна приносилась богамъ на всесожженіе, другая — криве и жрецамъ, третью дѣлили сами между собою. Лука Давидъ говоритъ, что по возвращеніи изъ похода дѣлили добычу на четыре части, и четвертую отдавали тѣмъ, которые оставались дома и защищали отечество отъ вторженія непріятеля. Въ древности въ странѣ не было вовсе твердынь и замковъ; охраненіе жилищъ ограничивалось только выборомъ неприступнаго мѣстоположенія для постройки. Не прежде какъ литовское племя вошло въ непріязненныя столкновенія съ русскими, поляками и, главное, нѣмцами, литовцы заимствовали отъ враговъ искусство возводить деревянныя укрѣпленія и окапывать ихъ рвами. Съ приближеніемъ непріятеля поселяне безъ сожалѣнія сжигали свои хижины и скрывались въ лѣса.

Жившіе при Балтійскомъ морѣ, были знакомы съ мореплаваніемъ издавна. По свидѣтельству Адама Бременскаго (Histor. Eccles. 48), прусскія суда плавали изъ Самландіи къ Юлину въ Померанію, къ Гедаби въ Шлезвигъ и въ Швецію, въ гавань Бирку (Voigt, Geschichte Preussens, 1. 545). Адамъ Бременскій говоритъ, что пруссы, жившіе при морѣ, подавали помощь мореходцамъ, претерпѣвавшимъ кораблекрушеніе и плавали по морю съ цѣлью защищать ихъ отъ пиратовъ (obviam tendunt ad auxiliandum his, qui in mari pereclitantur vel qui a piratis infestantur: De sita Daniae 1 — 227). Жертвоприношенія въ честь морскихъ божествъ указываютъ на древнее знакомство съ моремъ (Lucas David. 116). Въ литовскомъ языкѣ сохранились самобытныя, не заимствованныя извнѣ и носящія явную печать старины, названія, относящіяся до мореплаванія. Таковы, напримѣръ Eldijedide — большое судно морское, въ отличіе



отъ Lowajsk — рѣчная лодка; stekas — мачта, katas — якорь, irtojas — мореходецъ, irajos — кормчій, dungas — дно корабля, Irktas — весло; aluntas mariu — удобный для пристани заливъ. Море съ незапамятныхъ временъ способствовало знакомству литовскаго племени съ произведеніями чужеземной цивилизаціи, находимыми теперь въ прусскихъ и литовскихъ могилахъ. Видно, что прусскія и литовскія женщины въ глубокой древности украшали себѣ шеи, уши и руки цѣпями, кольцами, серьгами, браслетами, а въ волосы втыкали согнутыя булавки; издавна ходили между ними чужеземныя монеты, служившія также для женскихъ украшеній; римскія монеты нерѣдко попадаются въ землѣ и теперь. Вывозными товарами были дорогіе мѣха и янтарь; еще до Р. Х. мореходцы плавали за ними по океану. Послѣднее произведеніе литовскихъ и прусскихъ береговъ шло также и къ нашимъ предкамъ восточнымъ славянамъ; наше слово янтарь, — литовское — hentaros; съ своей стороны литовцы получали отъ насъ жемчугъ, который привозили къ намъ съ Востока.

Важнѣйшее торговое мѣсто и главный портъ всей русско-литовской земли было при устьѣ Руси и называлась Русъ или Русна — въ XIV столѣтіи еще тамъ былъ торговый городъ, нынѣ селеніе подъ тѣмъ же именемъ. Оттуда, вѣроятно, за тысячу лѣтъ предъ настоящемъ временемъ, вышли три добрые молодца: Рюрикъ, Сенеусъ и Труворъ и съ дружиною своею направили путь къ берегамъ Невы, чтобъ заложить основу могущественнѣйшаго государства земнаго шара.

## VI.

Изъ народовъ литовскаго племени пруссы не имѣли къ русской жизни непосредственнаго отношенія; исторія другихъ литовскихъ народовъ: латышей, (летгалы) жемгалы, жмуди и ятвяговъ должны входить въ нашу исторію. Латыши не являлись въ исторіи съ признаками самобытной политической дѣятельности. Когда въ началѣ XIII вѣка на

балтійское побережье явились крестоносцы, они застали ихъ во враждѣ съ ливами и эстами, и воспользовались этимъ. Латыши приняли сторону новыхъ пришельцевъ и усердно помогали нѣмцамъ въ истребленіи своихъ сосѣдей. Только тогда, когда, утомленные отчаянною борьбою, ливы и эсты въ изнеможеніи пали подъ гнетомъ чужеземнаго порабощенія, въ латышахъ блеснуло стремленіе отстоять свою народную независимость, но уже поздно было. Имъ суждено было подпасть той же участи порабощенія, какую они приготовляли своимъ кореннымъ врагамъ. Обращеніе ихъ въ христіанство и вмѣстѣ порабощеніе ускользаетъ какъ-то изъ исторіи, которая, какъ вездѣ, менѣе занималась мужиками чѣмъ господами, а послѣдніе въ странѣ были нѣмцы. Впрочемъ латыши достигли полнаго торжества надъ ливами; послѣдніе исчезли и латышская народность заняла ихъ мѣсто, хотя и подъ властію нѣмцевъ. Остатки ливовъ, недобитыхъ и старыми и новыми врагами своими, были такъ немногочисленны, что втеченіе вѣковъ передѣлались въ латышей, оставя на нихъ слѣды финской подмѣси.

Жемгалы удерживали свою самостоятельность энергичнѣе, тѣмъ болѣе, что получали свѣжія подкрѣпительныя силы отъ сосѣдей и единоплеменной жмуди и литвы. Въ началѣ XIII вѣка нѣмцы оставили жемгалу въ покоѣ и только тогда, когда уже успѣли поработить чудскихъ народовъ и латышей, принялись за этихъ новыхъ сосѣдей; орденъ утвердился въ Курляндіи въ Гольдингенѣ, и съ-тѣхъ-поръ жемгалы являются въ долгой борьбѣ за свою независимость, всегда почти вмѣстѣ съ жмудью и литовцами. Въ 1251 году, они поднялись противъ пришельцевъ съ энергіей. Въ слѣдующіе годы съ помощію жмуди, жемгалы выгнали отъ себя нѣмцевъ совершенно; попытки послѣднихъ возвратить утраченную власть нѣсколько разъ кончались неудачно. Въ 1257 году жемгалы получили для себя новую силу въ Миндовгѣ, литовскомъ князѣ, который принялъ было христіанство, но отсталъ отъ него вновь, и его подручникъ, жмудскій князь Тронате явился къ жемгаламъ и вмѣстѣ съ ними бросился на Ригу; на этотъ разъ союзникамъ не посчастливилось: они были разбиты. Но эта неудача была отплачена новыми побѣдами. Въ



1274 году воинственныя ополченія жемгалы и жмуди вторгнулись на островъ Эзель: нѣмцы потерпѣли пораженіе на льду противъ острова Эзеля. Гросмейстеръ Отто погибъ тогда въ бою вмѣстѣ съ шестью стами рыцарей. Потомъ нѣмцы воспользовались внутренними смутами въ Литвѣ и Жмуди и новый постановленный отъ Тевтонскаго ордена глава ливонскихъ рыцарей Нордекъ всѣми силами ударилъ на жемгаловъ и привелъ ихъ въ повиновеніе; чтобъ утвердить въ ихъ землѣ власти нѣмцевъ, онъ раздѣлилъ ее съ капитулою рижскою и съ епископомъ; построили ца границѣ Жмуди и покоренной Жемгаліи укрѣпленія, епископъ — Эдваленъ, а рыцари Нейгаузенъ и Нитау. Но полная покорность была еще далеко. Народъ жемгальскій не принялъ искренно христіанства, которое ему навязывали насильно. Побѣжденный, обѣщая исповѣдывать Христа и платить обѣщанную дань, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ возвращался къ своимъ богамъ и возставалъ противъ иноземныхъ поработителей. Преемникъ Нордека Эристъ былъ на голову разбитъ литовскимъ княземъ Тройденомъ и палъ въ битвѣ. Тогда возстали противъ нѣмцевъ жемгалы; явился у нихъ дѣятельный, храбрый предводитель Намейзе; онъ осадилъ новаго мейстера въ городѣ Терветѣ, и, взявъ его въ плѣнъ, истребилъ со всѣми рыцарями, которые съ нимъ тогда находились. Новый мейстеръ Веллекинъ построилъ противъ Тервете, гдѣ утвердился, Намейзе крѣпость подъ названіе святой Горы. Долго Намейзе, даже при постоянномъ содѣйствіи жмуди, не могъ съ нею сладить, наконецъ въ 1287 году онъ одержалъ блестящую побѣду. Мейстеръ съ тридцатью тремя рыцарями палъ въ битвѣ и шестнадцать рыцарей достались въ плѣнъ; раздѣвъ ихъ до нага, жемгалы привязали ихъ къ лошадямъ, били дубинами, потомъ сжарили на огнѣ. Но эта была послѣдняя удача язычества и независимой Жемгаліи. Новый мейстеръ Куне, соединившись съ епископомъ, призвавши свѣжія силы изъ Пруссіи, послѣ упорной и кровопролитной битвы, разрушилъ укрѣпленныя мѣста жемгаловъ Терветy, Сидобру, Ракенъ и опустошилъ страшнымъ образомъ всю страну, такъ что жемгалы, оставшись въ маломъ числѣ, должны были покориться. Не смотря на разореніе и безсиліе, еще разъ

воспользовались было жемгалы домашнимъ раздоромъ, происшедшимъ между орденомъ и епископомъ; но ихъ противодѣйствія могли ограничиться только тѣмъ, что они отпадали отъ христіанства. Наконецъ, папа помирилъ орденъ съ епископомъ; жемгалы были снова укрощены и съ-тѣхъ-поръ уже не играли въ исторіи самобытной роли. Но своенародный элементъ еще долго показывалъ признаки жизни, коль скоро сосѣдніе жмудины и литовцы вступали въ борьбу съ орденомъ, а эта борьба долго не прекращалась.

Жмудины дѣлали нескончаемые набѣги на орденскія земли, но при описаніи событій въ первой половинѣ XIV вѣка ливонскія лѣтописи, занятыя внутренними распрями, скудны въ изложеніи дѣлъ съ литовскимъ племенемъ. Извѣстно, что литовцы дѣйствовали тогда противъ нѣмцевъ за одно съ русскими, съ которыми начинали жить одною государственною жизнію. Орденъ становился страшнѣе для литовскаго племени съ-тѣхъ-поръ, какъ датскій король за деньги уступилъ ему провинціи Гаррію съ ея главнымъ городомъ Ревелемъ и со всѣми своими владѣніями на остзейскомъ побережьѣ.

Не легко можно было сладить съ язычествомъ въ Жмуди, даже и послѣ крещенія собственно такъ-называемой Литвы. Жители этого края, уже давно находясь въ столкновеніи съ крестоносцами, укоренили въ себѣ вражду къ христіанству, которое имъ представляться должно было чѣмъ-то губительнымъ для ихъ народнаго бытія. Этому способствовало то, что вскорѣ послѣ полученія Ягейломъ польской короны, вспыхнула вражда между Ягейломъ и Витовтомъ, остававшимся въ Литвѣ въ качествѣ подручника. Рыцари боялись внезапно образовавшейся русско-литовско-польской державы, и поддерживали эту распрю. Тогда Ягейло, въ 1400 году, принужденъ былъ уступить Жмудь ордену. Нѣмцы принялись переработывать Жмудь, чтобъ сдѣлать изъ ней то же, что изъ Жемгаліи. Христіанская проповѣдь ихъ началась съ того, что они зазвали бояръ, главныхъ коноводовъ народа, и засадили въ тюрьму. Но случилось, что стражи ихъ были только по имени христіане; они отворили имъ тюрьму и бояре явились среди народа; жмудины поднялись поголовно, напали на построенный нѣмцами въ ихъ землѣ



замокъ Тобѣщаны, взяли его и перерѣзали въ немъ всѣхъ нѣмцевъ до единаго.

Они умоляли о помощи великаго литовскаго князя Витовта; какъ ни сочувствовалъ онъ дѣлу ихъ независимости, однако не нарушилъ договора, заключеннаго Ягейломъ, тѣмъ болѣе, что могъ показаться въ глазахъ всей Европы отпадшимъ отъ христіанства, а въ то время онъ искалъ короны.

Два раза послѣ того, въ 1404 и 1406 году, Витовтъ уступалъ Жмудь крестоносцамъ и даже подавалъ заклятымъ врагамъ своего племени помощь въ принужденіи жмудиновъ къ крещенію. Всѣ мѣры нѣмцевъ не только не были удачны, но даже препятствовали желанной цѣли. По извѣстію хроники Луки Давида, въ 1409 году жмудины подали протестацію, въ которой писали, что посланные къ нимъ священники только грабятъ ихъ и берутъ съ словесныхъ овецъ молоко и шерсть, да пьютъ ихъ кровь, а вѣрѣ христіанской вовсе не учатъ.

На счастье Жмуди послѣдовало примиреніе Ягейла съ Витовтомъ и вспыхнула скоро война съ Литвою; въ этой войнѣ приняла дѣятельное участіе и Польша. Нѣмцы были разбиты на голову подъ Таненбергомъ, 15-го іюля 1410 года. На этой блестящей битвѣ пало сорокъ тысячъ нѣмцевъ, и съ ними великій мейстеръ ордена. Тогда Жмудь опять возвратилась къ Литвѣ. Ягейло занялся ея крещеніемъ.

Не смотря на то, что жмудинамъ проповѣдывали религію на ихъ языкѣ, христіанство до такой степени соединилось у нихъ нераздѣльно съ представленіемъ о нѣмцахъ, что ни мирныхъ средствъ, ни подарковъ было недостаточно; король и Витовтъ прибѣгли къ угрозамъ и наказаніямъ. Преданіе гласитъ, что самого Витовта мать, Бирута, не хотѣла креститься и изъ уваженія къ ней въ Полангѣ оставили языческій храмъ и священный огонь, и въ то время, когда волею-неволею ея родная Жмудь приняла крещеніе и храмы новаго Бога возвышались на мѣсто молелень прежнихъ боговъ и священныхъ рощь — въ Полангѣ совершалось языческое богослуженіе до 1416 года, когда упорная язычница умерла и была погребена подъ развалинами алтаря, уничтоженнаго

тотчасъ послѣ ея смерти. Ея память стала священною для язычества и пережила самое язычество; народъ, забывши, что Бирута была послѣдняя охранительница и представительница его предковской религіи, не забылъ ея имени и думаетъ, что она была христіанская святая и простодушно покланяется ея гробу. Умиравшее язычество давало признакъ жизни и противодѣйствія новой религіи даже и по смерти Бируты.

И послѣ того какъ Жмудь возвратилась къ своему кроткому земледѣльческому быту, вражда къ нѣмцамъ еще прорывалась при удобномъ случаѣ; такъ при Казимірѣ Ягейловичѣ, въ 1466 году, когда во время возникшей съ прусскимъ орденомъ войны, лифляндскіе рыцари отправляли войска на помощь своимъ братьямъ въ Пруссію, жмудины въ разныхъ лѣсистыхъ мѣстахъ накопали ямы и нѣмцы попадали туда; многихъ тамъ же побили, другихъ взяли въ плѣнъ. Эта война кончилась плачевно для ордена. Пруссія признала власть Польши и гросмейстеръ сталъ зависимымъ отъ польскаго короля.

## VII.

Древнѣйшія вѣроятныя свѣдѣнія о любопытномъ входѣ Литвы и Жмуди въ систему русскаго міра, находятся въ нашихъ лѣтописяхъ; сказанія Стрыйковскаго, почерпнутыя изъ прусскихъ лѣтописцевъ, списывавшихъ хронику Христіана, представляютъ такія извѣстія, которыя нуждаются, какъ уже было нами сказано, въ особой тщательной критикѣ. Въ перечнѣ народовъ, въ древней нашей лѣтописи, упоминаются, какъ уже сказано выше, литовскіе народы: литва, жемгала, корсь, летгола, русь (жмудь), пруссы. Изъ нихъ изображаются: литва, жемгала и корсь платящими дань Руси.

Молчаніе нашихъ лѣтописей о сношеніяхъ нашихъ съ литовскимъ міромъ въ X и XI вѣкахъ не даетъ намъ право заключить, что ихъ вовсе не было, ибо лѣтописи, дошедшія до насъ, занимаются преимущественно дѣлами Южной Руси въ это время. Было преданіе, перенятое польскими историками, вѣроятно, изъ недошедшихъ до насъ лѣтописныхъ нашихъ сказаній, что во времена Ярослава литовскій народъ платилъ этому князю дань вѣшками. Въ словѣ о Полку Игоря говорится объ Изяславѣ, сынѣ Василька, полоцкомъ князѣ, который *подъ чрлѣными щиты притрепанъ литовскими мечи*. О немъ же говорится, что онъ позвонилъ мечемъ о шеломы *литовскіе, притрепалъ славу дѣду своему Всеславу*. Изъ этого видно, что и Всеславъ воевалъ противъ литовцевъ, хотя въ лѣтописяхъ объ этомъ нѣтъ. Такимъ образомъ видно, что были столкновенія между Полоцкою землею и Литвою.



Подъ 1132 годомъ говорится, что великій кіевскій князь Мстиславъ, сынъ Владиміра Мономаха, ходилъ на Литву съ своими сыновьями, съ Ольговичами, съ княземъ городенскимъ (гродненскимъ) Всеволодомъ. Этотъ походъ былъ не ничтоженъ, когда въ княжескомъ ополченіи было столько князей. Походъ несовсѣмъ удался для русскихъ. Князья, хотя и побѣдили литвиновъ, но послѣдніе успѣли побить отрядъ кіевлянъ, отставшихъ отъ своихъ князей на возвратѣ. Должно быть, этотъ походъ предпринятъ былъ послѣ отпаденія Литвы отъ подданства кіевскому князю Всеволоду. Впослѣдствіи, въ теченіи XII вѣка, Литва упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ мимоходомъ и болѣе въ дѣлахъ полоцко-кривичской земли, такъ что, должно думать, Литва находилась въ зависимости отъ тамошнихъ князей, но управлялась своими князьями или старѣйшинами. Въ 1159 и 1161 годахъ мы встрѣчаемъ Литву въ междоусобіяхъ кривичскихъ князей (Володаръ выступи изъ города съ Литвою). Въ 1183 году Литва дѣлала нападеніе на Псковъ. Въ концѣ XII вѣка описываются отношенія Литвы и не къ полоцкимъ, а къ югозападнымъ князьямъ: Рюрикъ, княжившій въ Овручѣ, собирался на Литву. По свидѣтельству Кадлубка и Стрыйковскаго Романъ волынскій и галицкій владѣлъ этимъ народомъ, мучилъ его и запрягалъ въ плуги, такъ что оттуда образовалась пословица: зле, Романе, робиши, же Литвою ореши! Соловьевъ замѣчаетъ, что эта пословица аллегорическая и означаетъ то, что Романъ пріучалъ литвиновъ къ земледѣлію. Едва ли тутъ можно согласиться съ почтеннымъ исто-

рикомъ: уже и самая древняя религія показываетъ, что литовцамъ было извѣстно земледѣліе съ незапамятной старины. Но извѣстіе о Романѣ поясняетъ судьбу Литвы; до-тѣхъ-поръ зависимость Литвы отъ Руси была слабая; Литва управлялась своими князьками; во внутренній бытъ ея не мѣшались русскіе; все ограничивалось платежемъ дани, да и самая дань вѣроятно требовалась непостоянно: занятые внутренними усобицами, князья не могли часто собирать тамъ дани, поэтому литовцы были данниками Руси на-столько, на-сколько нельзя было этого избѣгнуть.

Домогательства нашихъ князей не могли еще вывести народъ изъ терпѣнія. Но въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣковъ этотъ народъ началъ испытывать съ двухъ сторонъ иноземныя, одно за другимъ, сильныя покушенія на свое самостоятельное бытіе. Съ одной стороны волынскій князь запрягалъ литвиновъ въ ярмо, съ другой, вслѣдъ за тѣмъ, крестоносцы стали крестить насильно и порабощали ихъ сосѣдей и единоплеменниковъ, и грозили поработить и истребить все литовское племя. Эти обстоятельства пробудили его отъ деревенскаго вѣковаго сна. Но когда пруссы, жемгалы и корсь въ своей отчаянной борьбѣ съ пришельцами должны были сдаваться, литва и жмудь, живши далѣе отъ послѣднихъ, могли дѣятельнѣе и усиленнѣе своихъ братьевъ-единоплеменниковъ защищать свою народность. Не трогая никого, пока ихъ самихъ не трогали, литовцы теперь не ограничились уже тѣмъ, что отбивали отъ себя враговъ, но стали мстить имъ и начался неисчислимый рядъ набѣговъ, съ одной стороны на крестоносцевъ, съ другой на русскихъ. До временъ Миндовга, который ввелъ Литву въ систему русскаго міра, у новгородцевъ и псковичей перечисляются въ нашихъ лѣтописяхъ литовскіе набѣги подъ годами 1200, 1210, 1213, 1217, 1223, 1224, 1225, 1229, 1237, 1240, 1245, 1253, 1258. По смерти Романа, освободившись отъ зависимости русской, литовцы на этотъ разъ, какъ русскіе славяне въ IX вѣкѣ по изгнаніи варяговъ, не могли совладать съ своею независимостію и начали ссориться между собою, и тогда явилось числомъ двадцать литовскихъ князей съ покорностью къ Данилу Галицкому и брату его Васильку, и русскіе князья



посылали ихъ воевать поляковъ. Самъ князь Данило женился на литовской княжнѣ, сестрѣ князей Эдивида и Тевтивила. По мѣрѣ того, какъ русскіе князья начали показывать наклонность къ подчиненію Литвы своей власти — со стороны литвиновъ усилились непріязненныя отношенія къ Руси. Въ 1246 году появилась воинственная толпа подъ начальствомъ Айшьвна Рушькевича, и воевала около Пересопницы. Набѣги Литвы не ограничивались одними опустошеніями. Предводители вторгались въ Русь, овладѣвали городами и дѣлались въ нихъ князьями. Это вступленіе въ русскую жизнь было подобно тому, какъ поступали предки литовцевъ подъ именемъ варяговъ въ IX и X вѣкахъ.

По извѣстіямъ, сообщаемымъ литовскимъ лѣтописцемъ, еще въ первой половинѣ XIII вѣка, послѣ опустошенія западной Руси татарами, жмудскій князь Монтвилъ послалъ своего сына, Эрдивила, занять опустѣлые русскіе города; такимъ образомъ Эрдивилъ основалъ Новогродокъ, заложилъ тамъ себѣ столицу и овладѣлъ опустошенными отъ татаръ городами Дрогичинымъ, Мельникомъ и Берестьемъ. Литовскій лѣтописецъ здѣсь противорѣчитъ извѣстіямъ нашихъ лѣтописей, изъ которыхъ мы знаемъ, что Берестье и Дрогичинъ не были тогда въ рукахъ литовскихъ князей и поэтому, если дѣйствительно эти города были заняты Эрдивиломъ, то не надолго. По смерти Монтвила Эрдивилъ продолжалъ править своимъ русскимъ владѣніемъ, а въ Жмуди княжилъ другой братъ, Викинтъ. Литва собственная также не принадлежала Эрдивилу.

Такимъ образомъ подъ властію Эрдивила образовался первый литовскій удѣлъ съ русскими подданными. Сынъ его Мингайло завоевалъ Полоцкъ. Полочане, говоритъ лѣтописецъ, подобно Новгороду и Пскову управлялись *вѣчемъ* (вечомъ ся справовали). Что сталось съ прежними князьями полоцкими — неизвѣстно: Мингайло разбилъ полочанъ у полоцкаго пригорода, называемаго Городень. Не надѣясь устоять противъ литвиновъ, полочане сдались ему; онъ оставилъ въ Полоцкѣ своего сына Гинвила, который женился на тверской княжнѣ, принялъ св. крещеніе и нареченъ Юріемъ. Другой сынъ Мингайла, Скирмунтъ наслѣдовалъ отцу въ Но-

вогродкѣ, овладѣлъ Минскомъ и Туровомъ, потомъ взялъ Мозырь, Черниговъ, Карачевъ и Стародубъ. Эти страны, по извѣстію литовскаго лѣтописца (Pomniki do dz. Litwy. 6), отняты у татаръ. Почитая себя владѣтелями русскаго материка, татары требовали покорности отъ князя Новогродскаго, но Скирмунтъ обрѣзалъ уши и носы посламъ, явившимся къ нему съ такимъ унизительнымъ требованіемъ. Татары послали противъ него силы; Скирмунтъ разбилъ ихъ и завоевалъ русскіе города. Скирмунтъ отдалъ Туровъ сыну своему Писимонту, Карачевъ — Любортѣ, Новогродокъ — Тронятѣ. Эти извѣстія, неподкрѣпляемыя собственно русскими древнѣйшими лѣтописями, кажутся сомнительными, тѣмъ болѣе, что въ нихъ противорѣчіе нашимъ лѣтописямъ и явились анахронизмы и ошибки: такъ боярина Димитрія, который охранялъ Кіевъ во время нашествія Батыя, назвали княземъ; время отъ татаръ до Миндовга, обнимавшее нѣсколько лѣтъ, растянуто на нѣсколько княжескихъ поколѣній. Но, присмотрѣвшись къ положенію тогдашнихъ дѣлъ, можно сказать, что если, быть можетъ, онѣ переданы въ подробностяхъ не совсѣмъ вѣрно, но основа ихъ историческая. Подобныя завоеванія не измѣнили сущности состоянія Руси; завоеватель отдавалъ города сыновьямъ, которые крестились и дѣлались русскими и жизнь текла по старинѣ. Важнѣйшія ошибки передающаго эти извѣстія литовско-русскаго лѣтописца XV вѣка заключаются въ томъ, что у него происшествія смѣшиваются между собою, иногда изъ двухъ дѣлается одно, нерѣдко изъ одного два. Въ то время княжило разомъ нѣсколько князей; лѣтописецъ перемѣшалъ ихъ; но какъ бы ни были невѣрны подробности, которыя онъ передаетъ, для насъ важно то, что литовскій элементъ въ первой половинѣ XIII вѣка дѣйствительно уже внѣдрился въ русской міръ. Явился въ Новогродкѣ князь Миндовгъ, или Миндогъ; это былъ первый единовластитель Литвы; однихъ изъ князей онъ убилъ, другихъ прогналъ; двухъ—Тевтивила и Эдивида, своихъ родственниковъ, послалъ онъ въ Русь искать счастья, говоря: кто что пріемлетъ, то и держи! Тевтивилъ овладѣлъ Полоцкомъ, по смерти Гримвилова сына Глѣба; Эдивидъ—Смоленскомъ, а дядя ихъ Викинтъ—Витебскомъ. Но Миндовгъ и тамъ надъ ними хотѣлъ имѣть власть. Эти притязанія довели до того, что князья заключили противъ него союзъ съ Даніломъ галицкимъ и орденомъ крестоносцевъ. Тевтивилъ отправился въ Ригу и крестился въ католическую вѣру; по извѣстію литовскихъ лѣтописцевъ, сохраненному у Стрыйковскаго, онъ былъ уже прежде крещенъ въ русскую вѣру какъ и другіе князья, его союзники, а теперь только, въ угоду крестоносцамъ, принялъ католичество. Миндовгъ, чтобъ парализовать союзъ противъ себя, объявилъ, что самъ желаетъ креститься. Онъ разсчитывалъ, что, такимъ образомъ, вмѣсто враговъ, пріобрѣтетъ себѣ въ рыцаряхъ союзниковъ, при помощи ихъ сдѣлается полнымъ властителемъ Литвы, и проложитъ себѣ путь къ обладанію Русью. Изъявленное желаніе произвело большой шумъ и радость въ Европѣ: народъ почти до-сихъ-поръ неизвѣстный выходилъ на сцену политической жизни. Онъ давалъ на себя надѣяться тѣмъ, что успѣлъ уже подчинить себѣ часть христіанской Руси; новыя свѣжія силы отдавались въ распоряженіе римско-католической церкви. Открывалась надежда чрезъ посредство этихъ силъ, успѣшнѣе привести въ исполненіе давнее желаніе подчинить папѣ греческую церковь въ Руси. Въ Новогродокъ, въ 1252 году, прибылъ папскій легатъ, прибылъ туда и магистръ нѣмецкаго ордена Георгъ Стикландъ съ знатнѣйшими рыцарями. Миндовгъ крестился; съ нимъ крестилось до шести сотъ знатныхъ литовцевъ. Миндовгъ былъ коронованъ въ короли. Но рыцари скоро показали, чего можно было ожидать отъ этого. Въ 1257 году они потребовали отъ Миндовга уступки ордену нѣкоторыхъ земель. Миндовгъ долженъ былъ расплачиваться съ нѣмцами частью Жмуди. Это, разумѣется, раздражило его подданныхъ. Русскіе еще меньше могли быть этимъ довольны: ихъ ожидало насильственное обращеніе въ католичество отъ крестоносцевъ. Миндовгъ возстановилъ крестоносцевъ противъ Данила и противъ союзниковъ, своихъ родственниковъ; готовился истребительный крестовый походъ на православіе какъ и на язычество. Тевтивилъ вмѣстѣ съ Викинтомъ теперь подняли на ноги противъ Миндовга всю языческую Жмудь; приглашали Данила выступить съ силою на Новогродокъ. Крестоносцы въ такомъ непріятномъ для Миндога положеніи не иначе изъявили готов-

ность помогать ему, какъ только съ большими уступками въ свою пользу; вытребовали отъ него такое завѣщаніе, чтобъ всѣ его владѣнія, въ случаѣ онъ умретъ бездѣтнымъ, перешли къ ордену. Тогда Миндовгъ разсудилъ, что лучше поладить съ русскими князьями, чѣмъ съ нѣмцами; помирился съ одной стороны съ Даніломъ, отдалъ свою дочь за его сына Шварна, а съ другой съ Тевтивиломъ и сблизился съ другимъ своимъ родственникомъ, также имъ гонимымъ прежде, Тройнатомъ, заклятымъ врагомъ и ненавистникомъ нѣмцевъ. По поводу убѣжища, какое послѣдній давалъ въ Жмуди бѣжавшимъ отъ насильственнаго крещенія язычникамъ Пруссіи и Ливоніи, возстала открытая вражда. Миндовгъ и Тройнатъ разбили крестоносцевъ подъ Дорбомъ.

Миндовгъ, принявшій христіанство изъ политическихъ цѣлей, которыя, какъ онъ видѣлъ, не могутъ быть достигнуты, отрекся отъ него, и возвратился къ языческой вѣрѣ своихъ отцевъ, возстановивъ прежніе обряды. Но онъ не долго оставался послѣ того въ живыхъ. Его жена Марта, ревностная христіанка, не пережила отступничества мужа. На погребеніе пріѣхала ея сестра, бывшая въ замужствѣ за однимъ изъ многочисленныхъ удѣльныхъ литовскихъ князьковъ, — нальщанскимъ Даумондомъ. Миндовгъ задержалъ ее и женился на ней. Тогда Даумондъ согласился съ Тройнатомъ, который, сдѣлавшись союзникомъ Миндовга, тайно питалъ къ нему прежнюю вражду за его властолюбивые замыслы; порѣшили убить Миндовга. Они держали нѣсколько времени этотъ замыселъ втайнѣ. Случилось, однако, скоро Миндовгу выступить въ походъ противъ одного изъ подручныхъ князей, Романа Брянскаго. Даумондъ и Тройнатъ напали на него на дорогѣ и убили во время ночлега съ двумя сыновьями, Рукли и Репикіемъ 12-го сентября 1263 года. Тройнатъ захватилъ верховную власть и призвалъ къ себѣ Тевтивила, будто бы для того, чтобы раздѣлить имѣніе Миндовга, но какъ только этотъ давній врагъ убитаго прибылъ, Тройнатъ убилъ его; за-то черезъ нѣсколько времени три конюха составили заговоръ и умертвили самого Тройната въ банѣ. Оставалось еще два сына у Миндовга. Первый былъ Домонтъ, знаменитый въ русской исторіи псковскій князь. Онъ убѣжалъ



во Псковъ, тамъ принялъ крещеніе и имя Тимооея, подъ которымъ впослѣдствіи сподобился причислиться къ лику святыхъ православной церкви. Второй былъ Воишелгъ. Въ молодости прижизни отца онъ отличался звѣрскимъ характеромъ. Когда ему случалось управлять по порученію отца, то проходилъ рѣдкій день, чтобъ онъ кого-нибудь не замучилъ и приэтомъ находилъ удовольствіе въ чужихъ страданіяхъ. Въ то время какъ Данило воевалъ противъ Миндовга въ союзѣ съ Тевтивиломъ, Воишелгъ устроилъ мирный договоръ отца своего съ Даніломъ и потомъ самъ привезъ сестру свою въ замужство за данилова сына Шварна. Внезапно въ страстной душѣ этого человѣка сдѣлалась перемѣна. Принявъ св. крещеніе, изъ кровожаднаго и свирѣпаго онъ сдѣлался не только ревностнымъ христіаномъ, но презрѣлъ королевскую власть, которая его ожидала по волѣ любившаго его отца, и обрекъ себя иноческому житію. Сначала онъ удалился въ монастырь на Полонинѣ къ нѣкоему Григорію; а сей Григорій, гласитъ волынская лѣтопись, былъ такой святой мужъ, какихъ и прежде не было, и послѣ не будетъ. Подъ назиданіемъ этого благочестиваго мужа, онъ провелъ два года въ суровыхъ подвигахъ; ему показалось этого мало; онъ хотѣлъ удалиться на Аѳонскую гору, святыню монашества. Отправившись въ далекій путь, онъ не могъ добраться до цѣли: въ византійскихъ странахъ было тогда безпокойство. Воишелгъ отложилъ намѣреніе до будущаго времени и, воротившись съ пути назадъ, построилъ монастырь на рѣкѣ Нѣманѣ, близь роднаго Новогродка. Тамъ поселился онъ и предался посту и молитвѣ. Тамъ поразила его вѣсть о трагической смерти отца. Ему грозила участь братьевъ, убитыхъ съ Миндовгомъ; приходилась расплата всему миндовгову племени за мрачные грѣхи старика. Нашъ монахъ спрятался въ Пинскѣ. Но скоро убили Тройдена. Литва распадалась. Снова во многихъ мѣстахъ воскресала прежняя независимость удѣловъ; образовалась между тѣмъ партія, которая пожелала миндовгова сына; Воишелга приглашали вступить на княженіе. Власть его не привлекала, но языческое чувство мщенія врагамъ зашевелилось въ сердцѣ, какъ видно не довольно еще умягченномъ вериrами; въ мо-

пашеской мантіи, съ мечемъ при бедрѣ, явился Воишелгъ въ Новогродокъ. Съ прежнею свирѣпостію онъ казнилъ всѣхъ, кого только подозрѣвалъ въ убійствѣ отца; ходилъ въ Нальщаны, гдѣ также расправился съ своими врагами; что сдѣлалось съ Даумондомъ — неизвѣстно.

Въ то время братъ Воишелга Домонтъ Псковской нападалъ со псковитянами на литовскую землю и побѣдилъ какого-то князя Герденя, — вѣроятно одного изъ второстепенныхъ литовскихъ кунигасовъ. Но болѣе Домонтъ уже не вмѣшивался въ событія Литвы и совершенно предался дѣламъ Пскова, обороняя его отъ нѣмцевъ.

Когда уже болѣе нѣкому было мстить, Воишелгъ призналъ отцомъ, т. е., старшимъ, князя Василька, брата уже скончавшагося Данила галицкаго, а свояка Шварна нарекъ своимъ сыномъ, передалъ ему княженіе въ Новогродкѣ и ушелъ въ свой монастырь. За короткое время его свирѣпой власти, его прозвали волкомъ въ овечьей кожѣ.

Не успѣлъ Воишелгъ въ своемъ монастырѣ замолить свѣжіе грѣхи свои, какъ Братъ Шварна, Левъ Даниловичъ, сталъ злобствовать на Воишелга: зачѣмъ онъ отдалъ княженіе Шварну, а не ему. Этой злобѣ не мѣшало то, что Воишелгъ былъ кумъ Льва и крестилъ его сына Юрія. Въ 1268 году на святой недѣлѣ былъ пиръ во Владимірѣ Волынскомъ, у какого-то Мартина Нѣмчина. Хозяинъ звалъ къ себѣ князей на обѣдъ повеселиться. Пріѣхалъ Василько, пріѣхалъ Левъ, пріѣхалъ и Воишелгъ. Какъ монахъ, Воишелгъ остановился въ монастырѣ. Стали гости пить и веселиться за обѣдомъ у Мартина. Василько напился пьянъ и отправился спать; Воишелгъ поѣхалъ съ пира въ монастырь — вдругъ къ нему пріѣзжаетъ Левъ и говоритъ: Куме! напіемся! Стали пить. Какъ разогрѣло Льва вино, разогрѣлась въ немъ ярость и онъ убилъ Воишелга. Тѣло его похоронено въ томъ же монастырѣ *).

Послѣ Воишелга скоро умеръ и Шварно, и такъ прекратилось неудачное подчиненіе Литвы русскому княжескому дому. Литовцы выбрали себѣ Тройдена, которому волынская лѣтопись расточаетъ эпитеты беззаконнаго и окаяннаго. По видимому, онъ былъ язычникъ, но братья его всѣ исповѣдывали православную вѣру. Съ этихъ поръ въ источникахъ литовской исторіи начинается такая путаница, сквозь которую никакая критика не въ силахъ достигнуть до какого-нибудь открытія. У литовскаго лѣтописца и, пользовавшагося имъ, Стрыйковскаго описываются съ литовскими князьями такія событія, которыя явно относятся къ исторіи Миндовга и Воишелга. Такимъ образомъ князю Домонту Псковскому приписывается отнятіе жены у Нариманта, пріѣхавшей плакать надъ трупомъ домонтовой жены, своей сестры, потомъ говорится, что, послѣ скорой смерти Нариманта, Домонтъ убилъ воцарившагося на его мѣсто его брата Тройдена, сынъ Тройдена Рымонтъ, бывшій монахомъ, оставилъ монашеское званіе, сдѣлался княземъ и убилъ Домонта псковскаго, а потомъ снова воротился въ свой монастырь.

*) Стрыйковскій нагляднo разсказываетъ, что Левъ разсѣкъ Воишелгу голову и мозгъ его брызнулъ на стоявшихъ слугъ. Но этихъ подробностей нѣтъ въ волынской лѣтописи, которою Стрыйковскій въ этомъ случаѣ только и пользовался.



Этого достаточно, чтобъ видѣть, что лѣтописецъ перепуталъ событія, и слѣдовательно его извѣстія не имѣютъ достовѣрности. Вѣрнымъ остается только то, что въ концѣ XIII и началѣ XIV столѣтія (1293—1315) Литвою правилъ Витенесъ. Его время было эпохою героическихъ войнъ языческой Литвы; эпоха эта очертилась безпрерывными набѣгами на Польшу и драками съ крестоносцами, непримиримыми врагами литовскаго племени. Въ Польшѣ отъ литовскихъ набѣговъ страдали особенно земли Куявская и Ленчицкая; эти набѣги были быстры и неожиданны; съ врагами литовцы обходились съ дикою жестокостію: въ 1294 году воинственное ихъ ополченіе напало на Ленчицу во время праздника; язычники ограбили церковь и сожгли въ ней всѣхъ людей. Наѣзднические драки съ крестоносцами не прекращались; жители города Риги поссорились съ орденомъ, сами заключили союзъ съ литовцами, чтобъ не давать надъ собою верха притязаніямъ ордена. Въ 1298 году Витенесъ разбилъ на голову магистра Бруна, но потомъ литовцы въ свою очередь потерпѣли пораженіе; крестоносцы ворвались въ Жмудь и безъ состраданія рубили священные лѣса, куда литовцы не

смѣли даже входить, думая, что тамъ живутъ ихъ боги. Между-тѣмъ внутреннія безладицы выбрасывали изъ литовскаго народа молодцевъ, которые убѣгали къ врагамъ и дѣйствовали противъ своихъ; при самомъ дворѣ Витенеса жилъ измѣнникъ — одинъ изъ литовскихъ байоровъ (бояръ), который тайно сносился съ крестоносцами и передавалъ имъ извѣстія.

О смерти Витенеса и о преемникѣ его Гедиминѣ разсказываютъ разно. Длугошъ говоритъ, что Гедиминъ убилъ Витенеса, а Кромеръ прибавляетъ, что онъ былъ конюшимъ Витенеса. Литовскіе лѣтописцы напротивъ говорятъ, что Гедиминъ былъ сынъ Витенеса и принялъ власть по наслѣдству послѣ смерти отца. Послѣднее сказаніе достовѣрнѣе; въ Литвѣ было много болѣе знатныхъ фамилій, которыя вѣрно успѣли бы захватить власть и отнять ее у человѣка, менѣе ихъ знатнаго; притомъ, самъ Гедиминъ, говоря о прежнихъ литовскихъ кунигасахъ, называетъ ихъ своими прародителями (Progenitores).

Княженіе Гедимина есть время вступленія литовскаго народа въ широкую область всемірной исторіи. Дѣятельный государь началъ съ того, что разбилъ крестоносцевъ при рѣкѣ Земпили и возвратилъ Литвѣ Жмудь, завоеванную ими при Витенесѣ. Заключивъ съ побѣжденными нѣмцами миръ, Гедиминъ обратился на Русь и тутъ началось великое дѣло историческаго призванія Литвы, подчиненіе русскихъ областей и образованіе великаго княжества литовскаго. Сѣверо-западныя земли русской державы, земли кривичей вошли въ его державу. Въ Полоцкѣ посаженъ былъ братъ его Воинъ.

По волѣ Гедимина собраны были литовскія и русскія силы; съ ними пошли полочане подъ начальствомъ своего новаго князя Воина. Литовская лѣтопись говоритъ, что Гедиминъ прежде всего напалъ на владимирскаго князя, Владимира по имени, должно быть внука Василька. Владиміръ палъ въ бою и городъ былъ взятъ литовцами. Совсѣмъ другое говоритъ польскій историкъ Длугошъ, именно, что Гедиминъ не завоевалъ Владимира-Волынскаго, а этотъ городъ со всею землею достался его сыну Любарту, женатому на



единственной дочери князя Владимира. Въ это время волынская земля раздѣлена была на двѣ половины; кромѣ владимирскаго, было еще княженіе луцкое: по извѣстіямъ литовской лѣтописи тамъ княжилъ князь Левъ; онъ бѣжалъ и Луцкъ сдался Гедимину безъ боя. Волынскіе бояре и земле-владѣльцы били челомъ Гедимину, чтобъ онъ не нарушалъ ихъ обычаевъ и литовскій князь обнадежилъ ихъ.

Гедиминъ остался перезимовать въ Берестьѣ; весною его литовскія, жмудскія и русскія силы двинулись съ нимъ на Полѣсье, которое тогда, кажется, завиѣло отъ Кіева. Кіевляне и переяславцы собрали ополченія и стали на берегу Ирпени подъ предводительствомъ своихъ князей: кіевскою землею правилъ тогда какой-то князь Станиславъ, Переяславлемъ Олегъ, съ ними были сѣверяне и брянцы, подъ начальствомъ князя брянскаго Романа; къ нимъ присталъ бѣжавшій изъ Луцка князь Левъ. Произошла битва. Гедиминъ побѣдилъ, Олега переяславскаго и Льва луцкаго убили (неизвѣстно въ бою или въ плѣну). Станиславъ и Романъ бѣжали. Побѣдители обложили Кіевъ; кіевляне, по сказанію литовской лѣтописи, защищались цѣлый мѣсяцъ; но князь ихъ бѣжалъ, а литовцы не думали отходить отъ города; поэтому кіевляне отворили городъ, выслали игумена и священниковъ съ крестами, за ними вышли жители отъ мала до велика, и били они челомъ, чтобъ Гедиминъ оставилъ ихъ непарушимо при ихъ обычаяхъ. Побѣдитель обошелся съ ними ласково и далъ обѣщаніе сохранить ихъ права. Тогда всѣ пригороды русскіе: Вышгородъ, Черкасы, Каневъ, Слѣпородъ — послали къ Гедимину въ Кіевъословъ и покорились. Отдался ему также добровольно и Переяславль. Итакъ въ одинъ годъ Гедиминъ овладѣлъ бо́льшею частію южной Руси.

Положеніе, въ какомъ находились жители края, ему помогало. Перемѣна князей было дѣло издавна обычное имъ. Воцареніе Гедимина не могло имѣть для нихъ характера иноплеменнаго завоеванія. Мы на вѣрное не знаемъ: былъ ли въ то время Гедиминъ язычникомъ; по крайней мѣрѣ въ письмахъ его къ папѣ выраженіе о своихъ предкахъ, что они умерли въ заблужденіяхъ идолопоклонства, заставляетъ подозрѣвать: не исповѣдывалъ ли онъ уже тогда православ-

вія; но если справедливо всеобщее мнѣніе, что литовскій князь былъ некрещенъ, то несомнѣнно, что онъ не былъ врагъ христіанства. Еслибъ Гедиминъ оставался некрещеннымъ, то и потому для русскихъ не новость была — покоряться некрещенному: русскіе уже испытали власть невѣрныхъ татаръ. Гедиминова власть все таки легче была власти татарской. Гедиминъ, напротивъ, освободилъ ихъ отъ татарской дани. Не могло быть у жителей и привязанности къ своимъ прежнимъ князьямъ: они уже слишкомъ измельчали.

Частыя перемѣны препятствовали въ народѣ воспитаться чувству любви къ наслѣдственности государей. Гедиминъ, вмѣсто того, чтобъ ихъ отягащать, старался облегчить и заставить полюбить свое правленіе. Гедиминъ не только правилъ покоренною Русью, но вмѣшивался и въ дѣла сѣверной и восточной. Смоленскъ признавалъ его верховное старѣйшинство, какъ это видно изъ договора между 1333—1339 годами съ Ригою, гдѣ князь смоленскій, Иванъ, называетъ Гедимина своимъ старѣйшимъ братомъ, и въ заключеніи договора руководствуется правилами, принятыми Гедиминомъ въ подобномъ договорѣ съ Ригою. Гедиминъ далъ укрыться у себя гонимому князю тверскому Александру; назначилъ въ Псковъ владыку Арсенія,ославъ его прежде для посвященія къ митрополиту Θеогносту, а сынъ литовскаго князя принятъ былъ на время Великимъ Новгородомъ въ князья. Что Гедиминъ былъ не дикій наѣздникъ, показываютъ его письма къ папѣ, къ ордену, къ ганзейскому союзу, отысканныя въ кёнигсбергскомъ архивѣ и напечатанныя Крашевскимъ при сочиненіе его *Литва*. Изъ нихъ видно, что если бы онъ и дѣйствительно былъ язычникъ, то все-таки покровительствовалъ христіанству и гражданственности, приглашалъ въ свое новосозданное государство проповѣдниковъ для обращенія язычниковъ, полезныхъ ремесленниковъ и хотѣлъ установить правильныя торговыя сношенія съ иноземцами. Существуетъ трактатъ, заключенный имъ съ Ригою въ 1323 году; тамъ съ одной стороны Литвѣ, Жмуди и Пскову, съ другой Ригѣ, городу Дерпту и епископствамъ: эзельскому и дерптскому и датскимъ владѣніямъвъ остзейскомъ краю обезпечивается свободное плаваніе и торговля, безопасный проѣздъ и справедливое удовлетвореніе взаимныхъ жалобъ. Гедиминъ основалъ новую столицу Вильну; мѣсто выбрано имъ не безъ политическихъ видовъ; Вильно находится въ Бѣлорусскомъ краю, но на самой границѣ литовской народности. Основатель, какъ кажется, выбралъ это мѣсто съ цѣлію сдѣлать его средою соединенія литовской и русской народностей.



О смерти этого человѣка разсказываютъ разно. Въ литовской лѣтописи говорится, что онъ умеръ спокойно въ старости; но прусскія хроники, а за ними Мѣховита и Стрыйковскій говорятъ, что онъ былъ застрѣленъ въ битвѣ съ крестоносцами, которые не переставали враждовать съ Литвою и были главнымъ препятствіемъ къ распространенію христіанства между литовцами и упорства ихъ въ язычествѣ.

Государственное зданіе, построенное Гедиминомъ, облеклось сначала въ прежнюю форму удѣльнаго порядка. Еще при жизни распредѣлилъ онъ удѣлы своимъ дѣтямъ; но въ отличіе отъ древняго государственнаго правила, по которому столица доставалась старшему въ родѣ, Вильно, столица новообразованная, отдана младшему сыну Явнутію, по обычаю, общему какъ у русскихъ, такъ и у литовцевъ, отцовское гнѣздо отдавать при раздѣлѣ имѣнія меньшему изъ сыновей. Уже въ этомъ распоряженіи видно начало волости вмѣсто правленія. Князья какъ бы получаютъ значеніе владѣтелей собственниковъ управляемаго княжества, а прежніе рюрикова дома были только народные правители. Другіе дѣти были раздѣлены такъ: Любартъ, отдѣленный еще при отцѣ, владѣлъ Волынью, Монтвидъ получилъ Слонимъ и Карачевъ, Наримунтъ Туровъ, Пинскъ, Каріатъ Новогродокъ, Кестутъ Троки, а Ольгердъ Креву, и, вслѣдствіе брака съ витебскою княжною, Витебскъ, гдѣ жилъ постоянно. Скоро послѣ отцовской смерти Ольгердъ съ Кестутомъ прогнали изъ Вильны Явнутія. Ольгердъ подружился съ братомъ Кестутомъ и съ согласія его сталъ старшимъ владѣтелемъ всего княжества; прочіе князья принуждены были сдѣлаться его подручниками. Такимъ образомъ, въ Гедиминову державу хотя и внесена была старая удѣльная форма, но сущность была иная. Эта держава становилась монархіей и удѣльныя князья должны были сходить на степень владѣтелей, зависимыхъ отъ вели-

каго князя. Они способствовали возникновенію той аристократіи, которая явилась въ своемъ разцвѣтѣ послѣ образованія Рѣчи Посполитой, когда Литва и присоединенная къ ней Русь соединились съ Польшею.

Важнѣйшее дѣло Ольгерда было завоеваніе Подоліи у татаръ. Жители этого края жили тогда разсѣянными деревнями подъ начальствомъ атамановъ и управляясь сами собою, платили дань ханскимъ баскакамъ. По берегамъ рѣкъ, въ лѣсахъ, проживали монахи въ укромныхъ обителяхъ. Ольгердъ поразилъ татаръ и принялъ отъ подольскихъ атамановъ признаніе свой власти. Три брата, племянники Ольгерда, сыновья Каріата, взяли въ управленіе эту страну и должны были защищать ее отъ татарскихъ баскаковъ. Въ 1351 году татары напали было на Каріатовичей и Ольгердъ долженъ былъ явиться ихъ отстаивать: онъ снова поразилъ татаръ на берегахъ Синюхи. Въ странѣ не было ни деревянныхъ, ни каменныхъ городовъ; Ольгердъ принялся возобновлять старые и строить новые по Бугу и Днѣстру. Между тѣмъ обладаніе южной Русью привело литовскую державу въ столкновеніе съ Польшею; тогда царствовалъ тамъ Казимиръ Великій, владѣвшій по сосѣдству съ Волынью и Подолью. Въ 1350 году Казимиръ заставилъ Любарта Волынскаго признать зависимость отъ польской короны, другой князь, сынъ Наримунта Юрій, владѣвшій Бѣльзомъ, также долженъ былъ покориться Казимиру и получилъ отъ него въ награду Хельмъ. Эти князья должны были уступать по неволѣ, но Каріатовичи, владѣвшіе Подоліею, сами отдались Польшѣ, чтобъ сохранить свою независимость отъ притязаній Ольгерда на верховную власть надъ ними. Одинъ изъ нихъ, Александръ, сдѣлался прежде другихъ данникомъ Казимира и получилъ отъ него Олеско; Константинъ, назначенный главнымъ намѣстникомъ Подоліи, Ѳеодоръ, послѣ смерти отца княжившій въ Новогродкѣ, также склонились къ союзу съ Польшею противъ Ольгерда. Четвертый братъ, Юрій, сдѣлался княземъ молдавскимъ и выступилъ изъ круга литовской державы; говорятъ, его скоро отравили. Ѳеодоръ, владѣвшій въ Новогородкѣ, по смерти Константина, установился въ подольской землѣ и хотѣлъ сдѣлаться независимымъ, но принужденъ былъ уйдти; онъ бѣжалъ въ Угрію и возбуждалъ противъ дяди угровъ.



Такимъ образомъ Ольгердъ долженъ былъ усмирять оружіемъ племянниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть противъ себя двухъ сосѣднихъ враговъ — Польшу и Угрію; — этого мало, Казимиръ вступилъ противъ Литвы въ союзъ съ заклятыми врагами литовцевъ, нѣмцами-крестоносцами. Юрій бѣльскій и Любартъ волынскій, признавшіе власть Казимира по принужденію, вздумали было отложиться отъ него, но Казимиръ принудилъ снова Юрія покориться, а Любарта выгналъ. Волынь была разорена и покорена, Луцкъ и Владиміръ остались въ рукахъ поляковъ, а остальную Волынь Казимиръ отдалъ въ ленное владѣніе вѣрному себѣ каріатовичу Александру. Не прежде какъ по смерти польскаго короля, въ 1370 году, Кестутъ и Любартъ покорили снова Владиміръ послѣ упорной осады, и тогда литовцы въ отмщеніе опустошили сендомирскую и люблинскую земли польскаго королевства.

Ольгердъ, протянувши державу литовскую на югъ русскаго міра, хотѣлъ овладѣть и тѣми русскими землями, которыя лежали на востокъ и оспорить ихъ у возникающей московской державы. Полоцкъ призналъ княземъ сына его Андрея. Со Псковомъ онъ жилъ въ ладахъ и далъ псковитянамъ, по ихъ желанію, княземъ того же сына Андрея, уже князя полоцкаго, но потомъ, однако, возникали съ вольнымъ городомъ неудовольствія. — По смерти первой жены своей, витебской княжны, онъ женился на тверской княжнѣ Юліаніи Александровнѣ, и черезъ этотъ союзъ сталъ еще болѣе во враждебное отношеніе къ Москвѣ, съ которой ему было уже тѣсно и по соперничеству въ первенствѣ надъ Русью. Въ Великомъ Новгородѣ княжилъ Наримунтъ, братъ Ольгерда, бывшій съ нимъ во враждѣ, потомъ Явнутій, не ужившись въ своемъ Заславлѣ, который ему дали вмѣсто Вильно, бѣжалъ туда же.— Ольгердъ привязался къ новгородцамъ, оскорбляясь тѣмъ, будто посадникъ, принявшій Явнутія, бранилъ Ольгерда псомъ. Началась по этому поводу война. — Ольгердъ покорилъ Луки, Шелонь, взялъ съ Порхова и съ

Оноки триста рублей и принудилъ новгородцевъ покориться, и казнить оскорбившаго его посадника.

Въ 1356 году Ольгердъ завоевалъ Брянскъ и всю Сѣверію; въ томъ же году взялъ Ржевъ и посадилъ въ немъ намѣстника. Смоленскъ призналъ его власть, стали князья его подручниками Ольгерда.

Помогая шурину своему князю Михаилу тверскому, два раза (1368—1370), онъ осаждалъ Москву и заключилъ съ Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ миръ; и въ знакъ союза предложилъ дочь свою Елену за двоюроднаго брата Дмитрія, Владимира Андреевича; но это родство не могло погасить вражды; когда дѣло шло о томъ: кому изъ двухъ князей — литовскому или московскому обладать Русью.

Война опять возобновилась и окончилась перемиріемъ; но смерть Ольгерда въ 1376 году прекратила дальнѣйшія послѣдствія.

Замѣчательно, что въ литовской лѣтописи война Ольгерда съ Димитріемъ украшена характеромъ эпоса. Димитрій, разсказываетъ эта лѣтопись, заимствовавшая свое сказаніе изъ народнаго преданія, послалъ литовскому князю огонь и мечь, давая тѣмъ знать, что онъ придетъ въ литовскую землю и опустошитъ ее. — Ольгердъ въ отвѣтъ вырубилъ изъ кремня огонь, зажегъ трутъ, далъ послу и сказалъ: «передай отъ меня великому князю московскому, что я его угощу краснымъ яйцомъ черезъ щитъ сулицею (копьемъ) и прислоню мое копье къ московскимъ стѣнамъ. Весною онъ пошелъ въ походъ. Димитрій, испугавшись, выѣхалъ къ нему на встрѣчу, привезъ соболей и разныхъ драгоцѣнностей и просилъ мира. Ольгердъ согласился мириться, но требовалъ, чтобы ему можно было непремѣнно прислонить свое копье къ московскимъ стѣнамъ. Подъѣхавши къ Москвѣ, онъ сдѣлалъ то, что обѣщалъ, и, отъѣзжая, проговорилъ: князь великій московскій! помни, что литовское копье стояло подъ московскими стѣнами! Литовцы не иначе возвратились тогда въ отечество, какъ угнавши съ собою московскихъ плѣнниковъ. Общее мнѣніе говоритъ, что владѣнія ольгердовы на востокѣ отдѣлялись отъ московскихъ теченіемъ рѣки Угры. Быть-можетъ, Ольгердъ могъ въ свое время покорить Москву,



а потомъ и Новгородъ, и основать новое государство, которое, какъ прежнее варяжское, тоже распустилось бы въ удѣльно-федеративный составъ, если бы завоевательнымъ стремленіямъ литовскаго князя не поставили преграды нѣмцы-крестоносцы: они не давали Ольгерду сосредоточиться на распространеніи своего государства. Не проходило года, чтобъ нѣмцы съ нимъ не воевали. Война эта шла съ перемѣннымъ счастіемъ и для обѣихъ сторонъ была разорительна; то крестоносцы вторгались въ Литву, то литовцы проникали во владѣнія орденскія, далѣе самого Кёнигсберга. Въ 1361 году крестоносцы взяли было въ плѣнъ Кестута, который однако счастливо успѣлъ освободиться при посредствѣ одного молодаго литвина, принявшаго у нѣмцевъ крещеніе. На слѣдующій 1362 годъ крестоносцы осадили и взяли Ковно и плѣнили кестутова сына, потомъ взяли Пиллень, въ 1364 году Билены и Велону. — Между тѣмъ дѣти Ольгерда и родственники, недовольные его суровостію бѣжали отъ него къ врагамъ. Такимъ образомъ съ одной стороны внутреннія несогласія, а съ другой упорная вражда съ крестоносцами мѣшали Ольгерду достичь предположенной цѣли.

До-сихъ-поръ остается нерѣшеннымъ — былъ ли Ольгердъ крещенъ или оставался язычникомъ, дозволяя, впрочемъ, сыновьямъ и родственникамъ принимать христіанство. Литовская лѣтопись положительно называетъ его крещенымъ. Извѣстіе это кажется вѣроятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что Ольгердъ былъ женатъ на христіанкѣ, проводилъ бо́льшую часть жизни среди христіанъ и позволялъ креститься своимъ дѣтямъ. Лѣтопись литовская объясняетъ, что онъ принялъ крещеніе по настоянію жены своей, витебской княжны; но не принуждалъ литовскихъ бояръ креститься. Извѣстно, что онъ строилъ церкви и снабжалъ монастыри. Русская вѣра была господствующая въ его государствѣ, но безпрепятственно распространялась и римско-католическая. По извѣстію литовской лѣтописи, нѣкто Петръ Гаштольдъ, литвинъ, знатный вельможа, поставленный намѣстникомъ въ Каменцѣ, женился на полькѣ, дочери пана Бучицкаго, и потомъ, когда Ольгердъ перевелъ его въ Вильну, завелъ тамъ

римско-католическій монастырь; но жители-язычники, терпѣвшіе русскихъ христіанъ, перебили римско-католическихъ монаховъ, вѣроятно потому, что видѣли въ нихъ наклонность къ насильственному распространенію вѣры. По настоянію Гаштольда, Ольгердъ казнилъ ихъ.

Послѣ Ольгерда, умершаго въ 1376 году, осталось двѣнадцать сыновей; Кестутъ братъ его, имѣвшій у себя также шесть сыновей, сталъ родоначальникомъ огромной семьи. Любимый ольгердовъ сынъ Ягейло поссорился со старикомъ. Сперва ссора вышла за какого-то Войдила, ягейлова любимца, за котораго онъ отдалъ свою сестру. Войдило былъ человѣкъ низкаго происхожденія.

Кестутъ этимъ оскорбился. Потомъ Ягейло хотѣлъ посадить въ Полоцкѣ на княженіе брата своего Скиригейла и выгнать оттуда князя Андрея. Кестутъ схватилъ Ягейла и отпустилъ его не иначе, какъ взявъ съ него обѣщаніе быть покорнымъ, а Войдила приказалъ умертвить совершенно безъ вины, единственно за то, что онъ женился на его племянницѣ. Ягейло сталъ открыто мстить дядѣ и пригласилъ противъ него крестоносцевъ. Кестутъ собралъ противъ него литовскія силы. Когда два враждебныя ополченія сошлись на бой, сынъ кестутовъ Витовтъ, бывшій другъ Ягейла, сталъ мирить ихъ. Ягейло притворно согласился. Назначили съѣздъ въ Вильнѣ. Но когда Кестутъ и Витовтъ явились туда, Ягейло приказалъ ихъ схватить. Кестута удавили въ тюрьмѣ, а Витовтъ былъ избавленъ своею женою изъ заточенія и убѣжалъ къ крестоносцамъ.

Лѣтописецъ описываетъ эти событія такъ:

Князь же великій Ягейло переступилъ тые правду мовячы: поѣдмо до Вилна: тамъ докончаемъ, а въ томъ войско, ничого не починаючи, разъѣхался и какъ къ Вилни прыѣхали, и князь великій Ягейло дядю своего князя великаго Кестутіа оковавши, ко Креву послалъ и всадилъ въ вежу, а князя великаго Витовта оставилъ былъ еще въ Вильни и тамъ въ Кревѣ пятое ночы князя великаго Кестута удавили коморники князя великаго Ягейловы на имя Прокша, што воду ему давалъ, и были инные Мостеръ братъ и Кучукъ да Лисица Жибентяй. По смерти пакъ великаго князя Кестута



пошлетъ князь великій Ягейло Витовта до Крева жъ и со женою, и велитъ его твердо стеречи въ комнатѣ, помщая Войдыла, што былъ за него сестру свою далъ: двухъ велѣлъ на колехъ разбити, одного Видымонта дядю матки великаго князя Витовта, кто держалъ Ульяну, потомъ какъ была за Монтвидомъ, и лихихъ бояръ много постыналъ, помщая Войдыла. Князь великій Витовтъ седѣлъ въ Кревѣ, а двѣ жонки хаживали къ нему покладываты его со княгинею въ комнатѣ, да положивши ихъ вонъ выхожывали, а сторожы около. Топакъ великая княгиня его, послышавши отъ людей, мовячы межи собою: если князь великій Витовтъ будетъ подъ ними должей седеты, такъ какъ и надъ отцемъ его будетъ, и дорадыла ему такъ, какъ прыдутъ жонки ихъ покладати, ыпобы ему одне жонки вскласти на себе платѣ, да выйты вонъ зъ другою жонкою, а тои жонце зостатыся въ неѣ. И онъ, подле оное рады, нарадылся въ одное жонки платѣ да зъ другою вышолъ, и спустылся за города, и втече къ немцомъ до Прусъ. (Pomniki dziejów Litwy, str. 26.)

Тогда Ягейло, чтобъ отклонить отъ себя удары нѣмцевъ, предложилъ Витовту отцовскій удѣлъ — еще кромѣ Трокъ Жмудь. Витовтъ помирился съ Ягейломъ, и оба начали дѣйствовать противъ крестоносцевъ. Они отняли Ковно, которое оставалось у враговъ еще со времени покоренія его при Ольгердѣ и сожгли нѣсколько прусскихъ городовъ.

Въ 1386 году Ягейло женился на Ядвигѣ, польской королевѣ и сдѣлался польскимъ государемъ. — Наступаетъ новая судьба для Литвы, западной и южной Руси. На другой годъ послѣ бракосочетанія, Ягейло, принявшій имя Владислава, явился въ Литву и предпринялъ крестить весь народъ. Тотчасъ по своей коронаціи Ягейло отправилъ въ Литву какъ бы для предварительной проповѣди камедула Іеронима, родомъ чеха; онъ сдѣлалъ короткій обзоръ языческой Литвѣ и нашелъ, что въ собственно такъ-называемой Литвѣ проповѣдь христіанская не встрѣтитъ препятствій, но Жмудь будетъ упорствовать въ язычествѣ. Вслѣдъ за нимъ явился Ягейло съ гнѣзненскимъ архіепископомъ Богоріею и доминиканцемъ Вежникомъ; имъ помогали виленскіе францисканы, знавшіе литовскій языкъ. Чтобъ привлечь къ этой перемѣнѣ язычниковъ, онъ накупилъ

въ Польшѣ бѣлаго сукна (одежда новокрещенныхъ) и раздавалъ каждому новокрещенцу на свитку; такимъ образомъ крестилось три тысячи семействъ. Тогда приказано было погасить священный огонь, денно и нощно горѣвшій въ виленскомъ замкѣ, развалить алтарь, на которомъ стоялъ идолъ Перкунаса, разрушить башни, съ которыхъ вайделоты возвѣщали народу прорицанія и совѣты; порубить деревья въ священныхъ рощахъ, гдѣ воображеніе искало одушевленныхъ существъ. — Литовцы сперва пришли въ изступленіе отъ ужаса, но какъ только увидали, что ихъ боги не въ состояніи отомстить за себя тѣмъ, которые такъ неуважительно обращаются съ ними, то стали спокойнѣе; христіанство введено было безъ потрясеній и повидимому скоро; этому способствовало то, что уже давно греческая вѣра была распространена между литвинами; язычники оставались уже не въ значительномъ числѣ. Вмѣстѣ съ язычествомъ, новообращенный король желалъ искоренить и православіе, и требовалъ отъ своихъ подданныхъ — принимать римское католичество. Изъ привиллегіи, дарованной имъ послѣ своего вступленія (въ 1387 году), видно, что онъ предоставилъ католикамъ литвинамъ права польскаго дворянства, лишивъ всѣхъ правъ тѣхъ, которыя оставались въ православіи. Литовцы православнаго исповѣданія, конечно, не могли укоренить въ себѣ того сознанія народной святыни этой религіи, какъ русскіе, ибо для нихъ, недавно обращенныхъ, православіе не образовало еще историческихъ воспоминаній; и такимъ образомъ литовцы-православные обращались въ католичество легко.

Языческія вѣрованія долго скрывались подъ одеждою новой вѣры. Ласицкій, почти черезъ два вѣка описывавшій бытъ литовскаго народа, могъ встрѣтить еще слишкомъ живыя воспоминанія язычества, а слѣды его остались и до нашего времени въ пѣсняхъ, сказкахъ, преданіяхъ и народныхъ обычаяхъ. Поддержкѣ остатковъ стараго язычества способствовало то, что никто не занимался воспитаніемъ народнымъ; высшій классъ скоро утратилъ свою народность; простой впалъ въ рабство. Лишенный возможности узнать сущность христіанской вѣры, литвинъ усвоилъ себѣ въ домашнемъ обиходѣ нѣкоторые изъ обычаевъ, предписываемыхъ



церковью, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалъ старые дѣдовскіе, не сознавая даже противорѣчія между тѣми и другими; папъ объ этомъ мало заботился.

Со времени бракосочетанія Ягейло съ Ядвигою историческая роль литовскаго племени окончилась. Литовскій языкъ не достигъ литературнаго развитія; народъ, говорящій имъ, остался до-сихъ-поръ на бѣдной почвѣ деревенскаго быта. Вѣроятно, еслибы крестоносцы не пришли на берега балтійскаго моря и не напали на Пруссію и Жемгалію, литовцы не играли бы такой роли въ политическомъ внѣшнемъ мірѣ; но судьба ихъ въ этомъ отношеніи была бы подобна судьбѣ латышей, ихъ соплеменниковъ, и финнскихъ народовъ: чуди, корелы.

## VIII.

Теперь бросимъ взглядъ на литовскую народную поэзію и посмотримъ, въ какой степени выразила она духовную жизнь этого народа *).

Если гдѣ-нибудь рельефнѣе выдается справедливость положенія, что народная поэзія служитъ выраженіемъ судьбы народа, которому принадлежитъ — то это въ литовскихъ пѣсняхъ и сказкахъ. Судьба поставила литовское племя на историческомъ полѣ слишкомъ не твердо и результатомъ его шумнаго появленія въ исторіи было не болѣе, какъ матеріальное воздѣйствіе на славянскій міръ. Проникая въ смыслъ событій XIII и XIV вѣка можно видѣть, что даже и тогда

*) См. Dainos oder lithauische Volkslieder, gesammelt, übersetzt und mit gegenüberstehendem Urtext herausgegeben von L. J. Rhesa. Königsb. 1825.

Die Volkssagen Ost-Preussens, Lithauens und West-Preussens, gesammelt von W. J. A. Tettau und J. D. H. Temme. Berlin. 1357.

Podania i legendy polskie, ruskie, litewskie zebrał Lucian Siemeński. Poznań. 1845.

Dajnes Ziamajtiù pagal žediù Dajniniků iszraszyłas. Petrop. 1846.

Lithauische Volkslieder, gesammelt, kritisch bearbeitet und metrisch übersetzt von G. H. F. Nesselmann. Berlin. 1853.

Lithauische Märchen, Sprichworte, Räthsel und Lieder. Gesammelt von August Schleicher. Weimar. 1857.

возникавшее государственное тѣло питалось и жило русскою стихіею, а не литовскою: уже Миндовгъ и его преемники жили въ Новогродкѣ среди русскаго народа и объяснялись по русски; у литовцевъ не осталось даже своихъ собственныхъ письменъ. Неудивительно, послѣ этого, если громкая эпоха XIII и XIV столѣтій, которая внесла имя Литвы на театръ политическихъ событій, почти прошла мимо и оставила на литовцахъ мало отпечатка, и въ своихъ пѣсняхъ литовскій народъ является кроткимъ деревенскимъ народомъ, безъ стремленій вырваться въ болѣе широкое поле жизни. За то у рѣдкаго народа въ поэзіи найдется столько неиспорченныхъ образцовъ первобытной красоты, какіе представляетъ литовская. Въ глубочайшей древности Литва достигла до первой степени образованности — деревенской, и развила въ себѣ ея начала на столько, на сколько не успѣли развить многіе народы въ то время, когда переходили чрезъ такой же періодъ своего историческаго бытія; но за то Литва и осталась съ ними на всегда; она не доросла не только до политическаго сознанія, но даже до городскаго — даже почти до сельскаго быта. Литовскія пѣсни и преданія сходны съ славянскими не только по духу, но и по формамъ, сходны такъ, какъ походитъ деревня на село. Если въ поэзіи славянскихъ народовъ является юношеское изящество, то въ литовской болѣе свѣжести и дѣтскаго простодушія; въ ней господствуетъ какая-то неполнота, неясность формъ, такъ сказать недодѣланность. Литовскія пѣсни дышатъ уютною непроѣздною деревнею, гдѣ жизнь протекаетъ нераздѣльно съ природою, при отчужденіи отъ всего остальнаго міра, въ несложномъ обществѣ близкихъ между собою людей, соединенныхъ связью чувства, а не гражданскаго долга, не нуждаясь ни въ законахъ, ни въ администраціи, покорная внѣшнимъ силамъ, но упорно хранящая внутреннюю святыню души, и потому затаенная, даже иногда притворная. Въ литовскихъ пѣсняхъ чувства глубоки и нѣжны, но страсти до того слабы, что рѣдко являются на свѣтъ; желанія ограничены, за то неотравимо наслажденіе въ лонѣ природы; нѣтъ охоты къ размышленію; чувство не хочетъ нарушить обаятельнаго, безсознательнаго спокойствія сухостію



анализа; нѣтъ вражды, нѣтъ зависти, нѣтъ стремленія впередъ; фантазія, иногда затѣйливая, скорѣе обращается назадъ, чѣмъ впередъ, рѣдко создаетъ образы жизни возвышенной надъ кругомъ деревенщины, но убѣгаетъ въ дубовыя рощи, прислушивается къ журчанію ручьевъ и морскому гулу, рѣдко мечтаетъ о чертогахъ или нарядахъ промышленнаго міра, а если иногда заходитъ въ эту сферу, то переступаетъ границы — и теряется въ призракахъ недѣйствительности, какъ всегда бываетъ при мечтахъ о томъ, что̀ слишкомъ далеко отъ жизни.

Почти всѣ пѣсни литовскаго народа отличаются непринужденною нравственностію и деликатностію, и въ этомъ отношеніи чище славянскихъ, какъ дѣтская жизнь чище юношеской. Литовская муза не находитъ прелести въ преступленіяхъ и злодѣяніяхъ, не тѣшитъ воображенія ничѣмъ соблазнительнымъ и развращеннымъ. Въ этомъ отношеніи она, при сравненіи съ поэзіею славянскихъ народовъ, далѣе всего отстоитъ отъ поэзіи велико-руссовъ, болѣе другихъ соплеменниковъ перешедшихъ черезъ рубежъ сельскаго быта въ область городскаго. Въ литовской поэзіи въ образахъ нѣтъ ни выпуклости, ни рѣзкихъ чертъ: они воздушны, туманны; краски на нихъ не ярки, но нѣжны и мягки; нельзя назвать ее мрачною и грустною, нельзя назвать и веселою, разгульною. Въ ней не слышно ни раздирающаго вопля отчаянія, ни неистоваго смѣха; нѣтъ ни ослѣпительнаго свѣта, ни чернаго мрака; какая-то таинственность разлита въ ея созданіяхъ; міръ, куда она вводитъ насъ, напоминаетъ весенній вечеръ, когда при ясной зарѣ, въ душистомъ воздухѣ, среди младенческой, чуть только воскресшей изъ подъ снѣга природы, чувствуется разомъ и упоеніе молодой жизни и легкая грусть. Литовское племя и въ своей жизни и въ своей поэзіи представляетъ переходъ отъ дѣятельной индо-европейской натуры къ страдательному быту финскихъ народностей, соединеніе живучести западныхъ началъ съ восточною неподвижностію.

Позже всѣхъ индо-европейскихъ народовъ принявши христіанство, болѣе и долѣе, чѣмъ другіе, сохранили литовцы до нашего времени слѣдовъ миѳологіи въ своихъ пѣсняхъ, сказ-

кахъ, преданіяхъ и обычаяхъ; изъ всѣхъ миѳологическихъ вѣрованій уцѣлѣли болѣе всего слѣды поклоненія солнцу и небеснымъ свѣтиламъ и явленіямъ. Оно естественно, потому что въ земледѣльческомъ быту и жизнь и работы измѣряются по годичнымъ и метеорологическимъ перемѣнамъ. Солнце въ литовскихъ пѣсняхъ олицетворяется существомъ женскаго пола, и называется божьей дочерью (saulyte dewo dukte). Оно — существо благое, человѣколюбивое, справедливое и сострадательное къ несчастію. Гдѣ ты пребывала, Савлита, дочь божія? говорится въ одной пѣснѣ. Савлита отвѣчаетъ: за морями, за горами; я призрѣвала сиротъ, согрѣвала пастуховъ, всѣмъ раздавала блага! Ей прислуживаютъ утренняя (auszrine) и вечерняя (wakarine) звѣзды: утренняя зажигаетъ ей огонь, вечерняя приготовляетъ ей на ночь постель.

Saulyte Dėwo dukte,
Kur taip ilgay uźtrukai?
Kur taip ilgay gywenai,
Nu musû atstojusi?

Po juriû, po kalneliû
Kawojau sirateles,
Suszildau pemenaczus.
Daug mano duwaneliû.

Saulyte Dėwo dukte,
Kas rytais wakareleis
Prakure taw ugnele?
Taw klojo pataleli?

Auszrine, wakarine,
Auszrine ugnuźelę,
Wak'rine pataleli;
Daug mano gimenelês.

(Nesselm. I.)

Мѣсяцъ (menes) представляется существомъ мужескаго пола и супругомъ Савлиты (солнца). Въ одной пѣснѣ разсказывается, что мѣсяцъ прежде ходилъ по небу съ своей супругою, и выходили и заходили они вмѣстѣ, и на ночлегъ



вмѣстѣ возвращались. Но однажды, когда по обычаю, Менесъ повелъ свою Савлиту домой и уложилъ ее спать, самъ ушелъ отъ ней погулять и влюбился въ Аушрину (утреннюю). Солнце проснулось и пошло по небу одно, безъ супруга. Узнавъ объ этомъ, Перкуносъ разрубилъ невѣрнаго мечемъ пополамъ, и оттого мѣсяцъ является съ половиною лица, и оттого свѣтъ его такой грустный. Впрочемъ невозможно въ настоящее время изъ этихъ неясныхъ отрывковъ древней фантазіи заключить, что въ язычествѣ было именно такое представленіе, какъ въ пѣснѣ. Народная фантазія работала и впослѣдствіи, послѣ паденія язычества, и нельзя съ точностію опредѣлить, что̀ принадлежитъ раннему, и что̀ — позднѣйшему ея труду.

Въ народныхъ пѣсняхъ есть еще иного рода представленія о свѣтилахъ: въ одной пѣснѣ утренняя звѣзда изображается не любовницею Менеса, не соперницею Савлиты, а ея дочерью; разрубленіе Перкуномъ относится не къ мѣсяцу, а къ дереву — дубу. Савлита выдаетъ дочь свою Аушрину замужъ; вдругъ пришелъ Перкунасъ и разрубилъ пополамъ зеленый дубъ; изъ него потекла кровь и обрызгала брачный нарядъ и дѣвическій вѣнокъ Аушрины; дочь солнца плачетъ и цѣлые три года собираетъ разсыпанные листья своего дѣвичьяго вѣнка. «Гдѣ я вымою свое платье?» спрашиваетъ она матери. Савлита отвѣчаетъ: «въ томъ пруду, куда текутъ девять ручьевъ.» «Гдѣ я буду его сушить?» спрашиваетъ Аушрина. «На лугу, гдѣ растетъ девять розъ,» отвѣчаетъ мать. «А когда я буду носить его?» продолжаетъ дочь. «Тогда, когда взойдетъ девять солнцъ.» Этотъ отрывокъ, безъ сомнѣнія языческаго происхожденія, чрезвычайно неясенъ, и долженъ быть обломкомъ какой-нибудь священной исторіи. Выше было замѣчено, что число девять — священное въ языческой литовской числительности, какъ и въ скандинавской миѳологіи. Переводчикъ хроники Іоанна Малалы говоритъ, что, по литовскому вѣрованію, Совія долженъ былъ съѣсть девять селезенокъ и потомъ проходить чрезъ девять воротъ въ адъ. Святость числа девяти, кажется, происходила отъ числа трехъ, которое у всѣхъ извѣстныхъ народовъ земнаго шара имѣетъ святое и симво-

лическое значеніе; девять есть три раза три, слѣдовательно трижды святое, трисвятое.

Въ пѣсняхъ говорится о божьихъ сыновьяхъ и божьихъ дочеряхъ; вѣроятно подъ тѣми и другими разумѣли въ миѳологическое время духовъ или боговъ, витающихъ въ природѣ. Одна пѣсня говоритъ: «подъ кленомъ течетъ ручеекъ; тамъ при свѣтѣ луны танцуютъ божьи сыны съ божьими дочерьми». Вѣроятно здѣсь эти божіи дочери — вандинніи, водяныя нимфы, однозначительныя съ нашими русалками. По народному вѣрованію, эти вандинніи, прекрасныя собою, выходятъ изъ воды и танцуютъ въ хороводѣ; ихъ очи блестятъ какъ небесныя звѣзды, а ихъ кудри шелестятъ очаровательною музыкою, но никакой человѣкъ не можетъ видѣть ихъ хоровода, потому что коль-скоро услышитъ музыку кудрей, то приходитъ въ упоеніе и засыпаетъ; — только тотъ, кто достанетъ волшебный цвѣтокъ папоротника, можетъ созерцать невыразимо стройную пляску и слышать очаровательное пѣніе водяныхъ красавицъ. Этого мало: тотъ можетъ подчинить себѣ вандинній и заставить ихъ ловить себѣ рыбу. Тѣ, или можетъ быть другія, божія дочери прислуживали героямъ, какъ скандинавскія валькиріи. Кто будетъ тебѣ служить въ далекой угорской землѣ? говоритъ мать отъѣзжающему на войну сыну. Онъ отвѣчаетъ: божія дочери бѣлыми руками, ласковыми словами! Кажется, въ обширномъ смыслѣ божіими дочерями назывались вообще всѣ богини или фантастическія существа женскаго пола. Въ ихъ кругъ относятся и лаймы, добрыя дѣвы, покровительницы дѣторожденія и дѣтей; о нихъ остались преданія въ пѣсняхъ; эти дѣвы также называются божіими дочерьми. Кто будетъ качать твое дитя? говоритъ мать дочери. Его будетъ качать лайма въ своей колыбели, отвѣчаетъ дочь. О лаймахъ остались въ народѣ поэтическія сказанія. Эти лаймы тоже, что наши рожаницы — добрыя дѣвицы — геніи, соблюдающіе жизнь человѣка. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ христіанства, представленіе о нихъ измѣнилось, и какъ существа языческаго міра, поносимыя священниками, онѣ поступили уже въ разрядъ злыхъ демоновъ. Народъ вѣритъ, что лаймы похищаютъ маленькихъ дѣтей. Повѣрье это имѣетъ аналогію съ древнимъ значеніемъ лаймы, какъ дѣтской богини. Лаймы крадутъ у матерей младенцевъ и оставляютъ вмѣсто ихъ другихъ, которыхъ онѣ дѣлаютъ изъ соломы или изъ прутьевъ и чудодѣйственно сообщаютъ имъ жизнь. Подложенныя такимъ образомъ, вмѣсто настоящихъ, дѣти никакъ не могутъ достигнуть полнаго развитія человѣческой жизни. Однажды въ домѣ работника подсмотрѣлъ, какъ двѣ лаймы украли у хозяйки новорожденнаго ребенка и унесли его въ кухню; тамъ сдѣлали изъ помела другаго ребенка и заспорили: кому изъ нихъ нести его, и положить подлѣ матери въ колыбели; не согласившись никакъ, рѣшились они нести его обѣ, и оставили настоящаго ребенка на столѣ. Работникъ взялъ его. Лаймы, воротившись въ кухню, не нашли своей покражи и стали между собою ссориться; вдругъ запѣлъ пѣтухъ и онѣ исчезли. На силу растолкалъ послѣ того хозяйку работникъ, такъ глубокъ былъ сонъ, насланный на нее лаймами. Вставши, хозяйка благодарила работника, что онъ ее разбудилъ, и разсказывала, что въ это время ей снился сонъ, будто бы на нее навалилась ужасная тяжесть. Увидѣли двухъ младенцевъ— одинъ на другаго похожихъ, но тотъ, котораго оставили лаймы, былъ какъ будто полуживъ, и какъ бы недотвореиъ. Работникъ сказалъ объ этомъ священнику. Заставивши присягнуть въ истинѣ разсказа, священникъ велѣлъ дитяти лаймы отрубить голову, но не иначе, какъ до окончанія сутокъ со времени, когда лаймы его сдѣлали: иначе онъ будетъ уже совершенно живъ и нельзя будетъ умертвить живое существо. Работникъ, однако, подождалъ возврата хозяина, ѣздившаго въ городъ, и когда вдвоемъ они стали рубить голову лаймину сыну, то изъ жилъ его потекла кровь, но еще кое-гдѣ въ организмѣ были соломенные стебли, не успѣвшіе превратиться въ жилы. Впрочемъ, не всегда подмѣненныя дѣти творятся изъ соломы или прутьевъ; ихъ считаютъ также и дѣйствительными дѣтьми лаймъ, но все таки они остаются какими-то недоносками и съ огромною, несоразмѣрною головою. У одной женщины было подобное дитя, которое достигло двѣнадцатилѣтняго возраста, не говорило и было до того слабо, что его надобно было водить и даже носить. По наученію какого-то знахаря, мать развела огонь, взяла

куриное яйцо и выпустила въ чашку съ водой, повѣсила два маленькихъ котелка и хотѣла варить алусъ (родъ домашняго пива). Вдругъ дитя отозвалось: «мама! что ты хочешь дѣлать?» — Алусъ варить! — «Я такъ старъ, что помню, какъ выходилъ изъ земли большой лѣсъ, который теперь уже усохъ, а такого дива не видывалъ!» Сказавши это, онъ захворалъ и умеръ. Лаймы шатаются между людьми и дѣлаютъ свои проказы по вечерамъ въ четвергъ, и тогда-то матери должны особенно беречь своихъ новорожденныхъ дѣтей; тогда женщины держатъ всю ночь огонь въ домѣ; въ эти вечера также остерегаются прясть, ибо иначе можетъ явиться лайма, немного понрядетъ сама и унесетъ съ собой всю чужую пряжу. Иногда онѣ, если и не унесутъ съ собой ребенка, то сдѣлаютъ ему вредъ; однажды мать купала свое дитя и вышла изъ дому; лайма это видѣла и вбѣжавъ въ избу, налила кипятку и положила въ него ребенка; отъ этого у него облѣзла вся кожа и онъ умеръ.

Но о лаймахъ остались не однѣ дурныя вѣсти; иногда онѣ и теперь еще являются добрыми существами. Напримѣръ, одной бѣдняжкѣ-сиротѣ лайма носила полотно и пестрыя ткани на бѣлье и на наряды, но съ уговоромъ: не мѣрять этого. Сирота не послушалась и въ одинъ мигъ исчезло все, подаренное лаймою.

Лаймы представляются красавицами. Въ одинъ домъ являлась лайма и душила во снѣ молодаго человѣка. По совѣту знахарей, онъ отправился въ лѣсъ, срубилъ въ непроходимой чащѣ дубокъ, сдѣлалъ изъ него колотушку, заостренную кверху на подобіе клина, обдѣлалъ ее топоромъ, составленнымъ изъ девяти кусковъ желѣза, съ липовымъ обухомъ. Этой колотушкой слѣдовало забить дыру въ стѣнѣ, куда пролѣзала лайма. Ночью, услышавши, что лайма въ избѣ, онъ всталъ и заткнулъ щель. Цѣлую ночь до разсвѣта слышалъ онъ, какъ въ углу что-то возилось и царапало, будто кошка. Утромъ онъ увидѣлъ предъ собою прекраснѣйшую дѣвушку. Онъ женился на ней. Она была чрезвычайно кротка и послушна, но очень странна: не могла ничего ни начать, ни кончить; надобно, чтобъ кто-нибудь началъ дѣло — она работаетъ по указанію, но кончить должен кто-нибудь иной. Какъ ни старался мужъ, — никакъ не могъ ее измѣнить. Ототкни щель, сказала она: — можетъ быть, тогда я съумѣю и начать и кончить дѣло! Мужъ долго не хотѣлъ, догадываясь, что она улизнетъ отъ него; но наконецъ она какъ-то упросила его. Онъ ототкнулъ — и лайма въ первую же ночь исчезла отъ него; послѣ того каждый четвергъ вечеромъ она приносила своимъ дѣткамъ бѣленькую рубашку, но уже не показывалась мужу.



Въ числѣ многихъ разсказовъ о лаймахъ чрезвычайно замѣчательна по своей древности одна сказка такого склада: Лицо, называемое въ сказкѣ плотникомъ, пошло по свѣту и встрѣтилось сначала съ Перкунасомъ — духомъ грома и молніи, потомъ съ вѣтромъ, который въ сказкѣ называется дьяволомъ. Они вмѣстѣ исторгали съ корнемъ вѣковѣчные лѣса, плотникъ сдѣлалъ плугъ и борону, посѣялъ хлѣба и всякихъ овощей и домъ состроили. Вдругъ ночью у нихъ изъ огорода стала пропадать рѣпа. Надобно было подкараулить вора. Сначала отправился дьяволъ (вѣтеръ), хотѣлъ схватить вора, но воръ такъ его ударилъ, что тотъ едва не умеръ; потомъ отправился на караулъ Перкунасъ, и его также поколотилъ воръ. Наконецъ, когда пришло время идти третьему — плотнику, караулить огородъ — онъ взялъ съ собой скрипку и началъ играть. Воръ явился и похлопывая бичемъ, кричалъ: пичъ! пачъ! желѣзная телѣжка, проволочная плеть! Плотникъ заигралъ; воръ заслушался: это была лайма, дѣва дикая, жившая въ лѣсу: никто ее одолѣть не могъ. Ей такъ понравилась музыка, что она подошла и стала просить выучить ее играть. Плотникъ замѣтилъ, что у ней пальцы слишкомъ толсты и надобно ихъ обстругать. Онъ разсѣкъ дерево и лайма, по его приказанію, вложила туда пальцы обѣихъ рукъ. Плотникъ прижалъ ихъ деревомъ такъ, что изъ пальцевъ выступила кровь, а самъ отмѣрилъ ей по спинѣ нѣсколько тяжеловѣсныхъ ударовъ тѣмъ самымъ проволочнымъ бичемъ, которымъ она угостила его товарищей. По усильной просьбѣ, онъ однако освободилъ ее. Она исчезла и оставила у него свою желѣзную телѣжку и проволочную плеть.

Съ-тѣхъ-поръ трое товарищей жили спокойно и продол-

жали обработывать поля и никто уже не мѣшалъ имъ и не кралъ у нихъ плодовъ и овощей. Но потомъ наскучило имъ общинное житье; пусть, сказали они,— владѣетъ одинъ изъ насъ всѣмъ. Рѣшили, что каждый по очереди долженъ пугать двухъ другихъ и кто не испугается, а, напротивъ, самъ больше прочихъ надѣлаетъ другимъ страха, тотъ получитъ во владѣніе домъ. Началъ сперва пугать товарищей вѣтеръ: подулъ такъ, что стѣны дома задрожали и Перкунасъ выскочилъ въ окно, а плотникъ развернулъ свой молитвенникъ и вѣтеръ не могъ его привести въ ужасъ. Потомъ Перкунасъ загремѣлъ и заблисталъ молніею такъ, что казалось не только домъ, но весь окрестный лѣсъ провалится сквозь землю, а молнія блистала такъ, что, казалось, вотъ все сожжетъ — и вѣтеръ въ окно улетѣлъ, а плотникъ не испугался, потому что занялся своимъ молитвенникомъ. Когда же по очереди на третью ночь пришлось пугать плотнику своихъ товарищей, то онъ взялъ желѣзную телѣжку и проволочную плеть, что отнялъ у лаймы, хлопаетъ бичемъ, телѣжку катитъ, а самъ кричитъ: пичъ! пачъ! желѣзная телѣжка, проволочная плеть! Перкунасъ и вѣтеръ какъ услышали — подумали, что это та самая лайма, что ихъ такъ сильно поколотила и убѣжали! И такимъ образомъ плотникъ сталъ обладателемъ всего хозяйства, подсмѣиваясь надъ своими товарищами, которые не могли его испугать ни бурею, ни грозою, а онъ ихъ испугалъ телѣжкою и бичемъ.

Въ этой сказкѣ видно древнее сознаніе побѣды человѣческаго ума надъ силами природы. Плотникъ здѣсь вѣроятно странствующая свѣтоносная божественная сила, водворяющая образованность на землѣ — Аполлонъ, Тезей, Геркулесъ Греціи, Свантовитъ славянскій, Бальдуръ скандинавскій. Что касается до лаймы, то едва ли не замѣнено здѣсь лаймою впослѣдствіи, по ошибкѣ, другое миѳологическое имя — можетъ быть, лѣсная Рагана — то же, что сербская вила, дикое, сильное и воинственное существо, но уступающее мудрости человѣческой болѣе, чѣмъ всякой богатырской силѣ.

Изъ другихъ миѳологическихъ существъ парстуки, если не въ пѣсняхъ, то въ сказкахъ играютъ до-сихъ-поръ не-



маловажную роль. Эти подземные божки являются хитрецами, дѣлающими проказы человѣку.

Въ одной сказкѣ трое охотниковъ отправились на охоту; двое должны были каждый день ходить по лѣсу за добычею, а третій, по очереди, готовить имъ обѣдъ къ ихъ приходу. Но когда, такимъ образомъ, оставался въ избѣ одинъ, исправлявшій должность повара, явился маленькій человѣчекъ, ростомъ не больше ступни, съ бородой, длиной въ сажень, и жалобно плакалъ, и просилъ дать поѣсть. Его просьбы казались такъ трогательны, что невозможно было отказать ему, но коль скоро ему давали кусокъ мяса, проказникъ ронялъ его и просилъ поднять, увѣряя, что самъ не въ силахъ отъ болѣзни ни приподняться, ни нагнуться. Когда растроганный поваръ подалъ ему кусокъ, парстукъ вскакивалъ ему на плеча и начиналъ тузить кулаками. Измучивши его до тѣхъ поръ, что онъ падалъ въ изнеможеніе, парстукъ исчезалъ изъ избы. Такимъ образомъ шалунъ успѣлъ измучить двоихъ, одного за другимъ, но когда пришла очередь столкнуться съ нимъ третьему — этотъ третій не дался въ обманъ, но поймалъ самого карлика за огромную бороду и расщепивъ колоду, всадилъ туда его бородою. Парстукъ освободился изъ такого непріятнаго положенія, оставивши въ разсѣлинѣ половину своей бороды.

Вода у древнихъ литовцевъ имѣла религіозное значеніе, и до-сихъ-поръ это ярко выказывается въ памятникахъ народной поэзіи. Въ пѣсняхъ безпрестанно является вода въ разныхъ видахъ, какъ любимая обстановка того, къ чему обращается чувство. Свиданіе молодца съ дѣвицею происходитъ всегда у воды, у источника, который обыкновенно течетъ изъ подъ дерева, чаще кленоваго. Къ ручью ходитъ дѣвица выплакивать свое тайное горе и ея слезы сравниваются со струями ручья. Чрезвычайно часто является въ народныхъ пѣсняхъ море; оно символъ далекости; колышутся волны моря, стоитъ на берегу его старая родимая матушка, а на другомъ берегу ея дочь. Посылаетъ дочь къ матушкѣ поклонъ, зазываетъ къ себѣ матушку, да той нельзя прибыть. Изъ за моря пріѣзжаетъ молодой человѣкъ сватать дѣвицу. Поплыть на море — на поэтическомъ языкѣ

значитъ пуститься въ неизвѣстное. Дѣвица лишается дѣвства (чаще духовнаго незнанія любви) — что выражается бросаніемъ вѣнка въ море. Очень часто говорится о плавающихъ по морю корабляхъ. Всѣ такіе образы указываютъ на древнее знакомство народа съ моремъ и на священное значеніе, которое море играло въ старыхъ вѣрованіяхъ. Въ одной пѣснѣ упоминается даже о морскомъ богѣ Бангпуттисѣ, перевертывающемъ суда пловцевъ. Въ другой пѣснѣ обломокъ какой-то миѳологической исторіи объ утонувшей дѣвушкѣ: росли три липы изъ одного корня, изъ подъ нихъ вытекала быстрая рѣка; три сестрицы переходятъ черезъ рѣку, держась за вѣтви липъ; двѣ перешли, третья утонула; и понесли ее быстрыя воды въ Нѣманъ, а изъ Нѣмана въ Русь, изъ Руси въ океанъ-море и прибила ее волна къ бережку; тамъ изъ нея выросла зеленая липа съ девятью густыми вѣтвями; ѣхалъ молодецъ-братецъ, сломилъ вѣтвь и сдѣлалъ себѣ стрѣлу; пустилъ онъ стрѣлу — стрѣла поетъ жалостно; грустный отголосокъ достигаетъ до ушей матушки: «Это душа моей дочери» сказала она: мечется она надъ волнами! Эта пѣсня, чрезвычайно неясная, тѣмъ замѣчательна, что подобная, съ такими же туманными образами, есть и у славянъ; напримѣръ, у малороссіянъ, и поется на купальскомъ праздникѣ, а это уже показываетъ ея древность.

Въ народной памяти (по свидѣтельству Нарбутта) сохранилась поэтическая баснословная исторія морской богини Юраты. На днѣ моря Балтійскаго (бѣлаго отъ baltas — бѣлый) былъ когда-то янтарный чертогъ Юраты, царицы моря. Однажды узнала она, что люди начали ловить рыбу въ морѣ. Собрала Юрата своихъ совѣтницъ и прислужницъ и держала съ ними совѣтъ — что дѣлать съ рыбаками, которые стали истреблять принадлежащія ея власти рыбъ. Сама царица, прежде хоть и любила покушать рыбки, но не рѣшалась этихъ любимыхъ ея тварей лишать жизни; а только обгрызала у нихъ бока, и пускала опять на волю, отъ этого-то — говорятъ литовцы — и находятъ въ морѣ одноглазыхъ рыбъ. Рѣшено было въ совѣтѣ заманивать рыбаковъ на морское дно. Но случилось, что сама царица влюбилась въ одного рыбака и вмѣсто того, чтобъ заманить его на дно и утопить за истребленіе рыбъ, устроила съ нимъ постоянныя свиданія на берегу моря. На бѣду ихъ узналъ Перкунасъ, что богиня соединяется любовью съ смертнымъ, поразилъ рыбака и разбилъ громомъ въ дребезги янтарный чертогъ Юраты.



Прамжимасъ (судьба) опредѣлила такое наказаніе самой богинѣ: передъ трупомъ своего возлюбленнаго, она, прикованная на днѣ моря, должна вѣчно оплакивать свое паденіе; и часто балтійскіе пловцы слышатъ подводные стоны Юраты и вода выноситъ обломки янтарнаго чертога бывшей повелительницы моря.

Болото въ литовской демонологіи было жилище своего рода духовъ, которымъ придавалось вообще болѣе злое значеніе. У литовцевъ существуетъ преданіе о неизмѣримыхъ пропастяхъ посреди болотъ; въ одной изъ нихъ живетъ подземная царица, нѣкогда сидѣвшая на утесномъ тронѣ. Въ древнія времена она свела съ облаковъ воздушный корабль въ свою бездну и водворилась въ немъ, мачта этого корабля высовывалась нѣкогда наружу: прадѣды видѣли ее собственными глазами, но теперь она уже не видна и покрылась сверху островомъ. Въ старину царица выходила изъ своей бездны и жители окрестностей, пугаясь такого призрака, приглашали чернокнижниковъ выгонять ее изъ ихъ отечества. Но богиня объявила, что если она переселится отъ нихъ, то всѣ окрестные луга покроются водою, потому что главное отверзтіе, ведущее въ бездну, теперь закрыто лошадиной головой; если же она выйдетъ изъ своей пропасти, то отверзтіе останется не заткнутымъ и подземная вода хлынетъ безъ удержу. Поэтому ее и оставили въ покоѣ. Множество бѣсовъ снуетъ всегда по болоту; они дѣлаютъ людямъ разное безпокойство и вредъ.

Изъ предметовъ растительнаго царства природы многіе цвѣты и деревья имѣютъ символическія значенія и нерѣдко являются они въ олицетворенныхъ образахъ. Ничто не имѣетъ въ народныхъ пѣсняхъ такого символическаго значенія какъ рута, которая, также какъ и у славянскихъ народовъ, есть символъ дѣвственности, ни одна дѣвическая пѣсня не обходится безъ руты. Состояніе дѣвичества выра-

жается символомъ рутянаго огорода. Дѣвица цвѣтетъ своимъ дѣвствомъ, бережетъ свое дѣвство. Это выражается образомъ, что дѣвица ходитъ въ рутяномъ огородѣ и поливаетъ руту; цвѣтеніе руты символизуетъ разцвѣтъ дѣвической красоты. Молодежъ знакомится съ дѣвицею въ рутяномъ саду и женихъ, пріѣзжая къ невѣстѣ, застаетъ ее въ рутяномъ садикѣ, среди зеленѣющей руты. Бросить рутяной вѣнокъ въ воду — значитъ прекращеніе дѣвства. Ухаживаніе молодца за дѣвицею выражается образомъ, что молодецъ поѣхалъ конемъ въ рутяной огородъ дѣвицы и потопталъ въ немъ руту. Рута всегда растетъ при водѣ, а вода — священный символъ чистоты. Вмѣстѣ съ рутою нерѣдко упоминается и лилія, символизующая также красоту и цѣломудріе; но лилія служила для выраженія и любовнаго чувства, чѣмъ никогда не бываетъ рута; ибо молодецъ сравниваетъ благосклонную къ себѣ красавицу съ лиліею, но никогда съ рутою. Лилія и роза значатъ дѣвицу, а біунъ (піонъ) — молодца: эти цвѣты въ пѣсняхъ символизуютъ любовную чету. Майоранъ, — цвѣтокъ, очень употребительный въ пѣсняхъ — всегда символъ дружелюбія, гостепріимства, учтивости, точно какъ василекъ въ малороссійскихъ пѣсняхъ. Знакомство дѣвицы съ чувствомъ любви выражается такими обрядами: дѣвица рветъ майоранъ, или дѣвицы идутъ покупать майоранъ, дѣвицы приглашаютъ благосклонно жениха и дарятъ ему майоранъ. Майоранъ символъ отдачи замужъ и согласія на бракъ: «о майоранъ зеленый, — говоритъ къ нему въ пѣснѣ невѣста, — кто садилъ тебя? кто поливалъ, кто обрѣзывалъ тебѣ вѣтви? Сестры садили тебя и поливали, и вѣтви съ тебя обрѣзывали, а вдовецъ тебя изсушитъ.» Когда молодецъ пріѣзжаетъ къ дѣвицѣ съ предложеніемъ, то дѣвица приходитъ къ нему съ пучкомъ майорана.

Хлѣбныя растенія упоминаются въ пѣсняхъ, и въ народныхъ повѣріяхъ имѣютъ священное значеніе. По свидѣтельству Нарбутта, въ народѣ до-сихъ-поръ существуетъ древнее миѳологическое повѣріе о Крумине — богинѣ, которое похоже на исторію греческой Цереры. Была у этой богини дочь; вышла она изъ своихъ палатъ на берегъ рѣки



Руса и увидѣла по срединѣ ея русла пышный цвѣтокъ; она поплыла къ нему и только что достигла до него, какъ провалилась въ жилище подземнаго божества Поклюса и должна была сдѣлаться его женою. Мать долго не знала гдѣ она, и пошла въ міру искать ее; проходя по литовской землѣ, она научила жителей земледѣлію. Въ старину хлѣбные зерна пользовались религіознымъ уваженіемъ и предавались освященію, ибо и теперь сохранился въ Литвѣ, подобно какъ въ Малороссіи на новый годъ, обычай посыпать хлѣбными зернами на рождество, но съ такой обстановкой, которая указываетъ, что этотъ обычай имѣлъ религіозное значеніе: прежде чѣмъ начнутъ посыпать хлѣбными зернами, слѣдуетъ продержать ихъ въ рукѣ во все время обѣдни.

Изъ деревьевъ и кустарниковъ народная поэзія любитъ слѣдующіе: розовый кустъ, клёнъ, липу, вербу, дубъ, сосну и березу. О розовомъ кустѣ сохранилось нѣсколько пѣсенъ, ясно обличающихъ въ себѣ обломки какихъ-то миѳологическихъ разсказовъ. «Мать земля цвѣтопроизводительница — говорится въ одной пѣснѣ — куда мнѣ посадить розовый кустъ? На высокой горѣ посажу его, на берегу близъ моря. Гдѣ я найду отца-мать? Найдешь ихъ на высокой горѣ, на берегу близъ моря! Вотъ выросло розовое дерево, вершина его въ облакахъ; подъ нимъ я нашла молодца на божіемъ конѣ. О милая дѣва, о пышная дѣва! Воротися назадъ домой: отецъ и мать справляютъ свадьбу сестры твоей. Здравствуй мой батюшка, здравствуй моя матушка! Зачѣмъ вы меня отвергнули, въ море бросили? Я выросла, стала большая дѣвушка и нашла колыбель, гдѣ играла я, будучи дитятею.» — Въ другой пѣснѣ въ розовое деревцо превращается душа молодца, умершаго отъ тоски; оно выросло на его могилѣ; приходили молодыя дѣвицы рвать цвѣточки розовые. Не рвите, дѣвицы, не рвите. Приходила молодая сестра и сорвала пучочку, а матушка заплакала и молвила: не рвите, не рвите цвѣточикъ съ этого дерева; этотъ цвѣточекъ душа молодца, что скончался отъ тоски. Кленъ и липа въ пѣсняхъ символизируетъ любовную чету: молодецъ изображается въ образѣ клена, дѣвица въ образѣ липы. Древнее миѳологическое значеніе липы высказывается въ пѣсняхъ,

хотя темными мѣстами. Дѣвица говорила, что когда ея маленькіе братья выростутъ, то сдѣлаютъ себѣ дворъ и посадятъ по липѣ на каждомъ изъ восьми угловъ двора; на липѣ куковать будетъ кукушечка сладкимъ голосомъ. Въ другой пѣснѣ женщина, удаленная отъ своего рода, говоритъ: липовые листья будутъ мнѣ подушками; липовые листья будутъ мнѣ вмѣсто материнхъ рукъ; листья съ липы упадутъ на меня вмѣсто материнхъ ласковыхъ словъ. Липа имѣла въ древности вѣроятно и значеніе для отжившихъ, потому что сажалась на могилахъ женщинъ; такъ въ одной пѣснѣ сирота дѣвица говоритъ, что на могилѣ ея матушки стоитъ липа. На могилѣ отца представляется посаженнымъ дубъ. Это дерево изображается олицетвореннымъ и разговариваетъ съ вѣтромъ. Пѣсня о разсѣченіи дуба Перкунасомъ и о вытекающей изъ подъ его коры крови показываетъ древнее вѣрованіе въ одушевленіе деревьевъ.

Изъ птицъ въ народной жизни представляется болѣе всѣхъ, въ знаменательныхъ образахъ кукушка (geźulìce) возвѣстница правды и будущаго. Кукушка, говорится въ одной пѣснѣ, сидя на липѣ, предвѣщаетъ разлуку дѣвицы съ отцемъ и матерью, то есть выходъ замужъ; это намекаетъ на древнее гаданье по кукованью кукушекъ; слѣды его видны и теперь въ суевѣрныхъ вопросахъ кукушкамъ, сколько жить лѣтъ и пр., которые литвины и латыши задаютъ кукушкамъ, точно также какъ и наши поселяне. Кукушка помѣщается на деревѣ, на которомъ девять вѣтвей; это число вѣтвей, священное въ литовской миѳологіи, подтверждаетъ древнее религіозное значеніе этой птицы: любимое дерево, на которомъ по народному поэтическому представленію сидитъ чаще всего кукушка — липа, но иногда помѣщалась она въ пѣсняхъ и на соснѣ и рѣдко на кленѣ. Кукованье кукушки имѣетъ часто грустное значеніе: съ нимъ сравнивается плачь дочери, увезенной отъ матери въ чужую сторону въ замужество. Есть пѣснь о превращеніи женщины въ кукушку въ томъ же точно родѣ, какъ у великороссіянъ и малороссіянъ. Дѣвица въ видѣ кукушки посѣщаетъ своего милаго молодца. «О сонъ дремота! мнѣ сказать хочется! усну я, усну, и стану кукушечкой, и буду я куковать утромъ и вечеромъ. Отдала меня мать за горы высокія, за рѣки глубокія; ворочусь я къ моей матушкѣ въ садочикъ къ старой отцовской хатѣ. Займу я пестрыя крылышки у кукушечки, полечу пестрою кукушкою по лѣсу, сяду въ вишневомъ садикѣ на зеленую рутяную грядку; буду я качаться, буду куковать, чтобъ услышала моя матушка. Какъ она услышала, матушка, мой голосокъ: что это, не дочка ли моя молодая; узнаю я мою дочку по кукованью грустному, по полету тихому. Узнаю мою молодую, въ чужую сторону отданную замужъ: прилетѣла свою матушку провѣдать. У ней коса русая, щеки румяныя, она моя дочка, мое милое дитятко! Вышла матушка изъ старой хаты. Плачетъ горькими слезами, обнимаетъ дочку; вышелъ изъ высокаго терема батюшка, привѣтъ даетъ доченькѣ; выходитъ сестрица изъ рутянаго садика, принимаетъ къ сердцу сестрицу свою молоденькую, выходитъ братецъ изъ новой конюшни, ведетъ въ рукѣ верховаго коня, подступаетъ къ молодой сестрицѣ.» Въ другой литовской пѣснѣ идетъ молодецъ черезъ дворъ и не знаетъ, что это за птица явилась. У ней голосъ какъ у дѣвицы, а пестрыя перья какъ у птицы кукушечки. Еще въ одной пѣснѣ дѣвица, избѣгая брака съ немилымъ суженымъ вдовцемъ, превращается въ кукушку; идетъ немилый вдовецъ и хочетъ ее стрѣлять, а она ему говоритъ: «не стрѣляй меня! я не птица, я отеческая дочь.» У южноруссовъ сохранилась исторія о сестрѣ, которую хотѣли отдать насильно замужъ и она, чтобъ избѣжать горькой судьбы, превратилась въ кукушку.



Кромѣ кукушки въ пѣсняхъ встрѣчаются соколъ, голубь, ласточка, соловей, зябликъ, утка. Соколъ символъ богатаго, знатнаго молодца: прилетаетъ соколъ изъ королевскаго сада; пріѣзжаетъ молодецъ изъ далекой сторонушки. Голубь также означаетъ молодца статнаго, краснваго и влюбленнаго. Въ литовской поэзіи встрѣчается образъ, частый въ малороссійскихъ пѣсняхъ; голуби вмѣстѣ слетаются пить воду и это означаетъ наслажденіе любовнымъ чувствомъ. Голуби, напившись воды, вмѣстѣ, полетѣли и сѣли на зеленой соснѣ въ лѣсу, и весь лѣсъ застоналъ, и всѣ деревья согнули низко свои вѣтви. Ласточка имѣетъ поэтическій эпитетъ: воздушная плы-

вунья (kreyrdutele lakivnele). О соловьѣ народъ сложилъ пѣсню, гдѣ человѣкъ ведетъ разговоръ о житьѣ-бытьѣ птички. «Что ты соловушка, рѣзвая пташка, что не поешь? какъ мнѣ пѣть, пастухи разорили мое гнѣздышко, говорятъ будто я выклевалъ пшеницу, растопталъ траву на лугу, напугалъ вороныхъ коней. А это совсѣмъ неправда! меня молодцы оклеветали; я не выклевывалъ пшеницы, не вытаптывалъ травы на лугахъ, не распугивалъ вороныхъ коней. Образы природы чрезвычайно переплетаются въ пѣсняхъ, и очень разнообразны. Здѣсь упомянуты тѣ, которые особливо часто и съ любовію высказываются въ народной поэзіи.

Въ литовскихъ пѣсняхъ видна чрезвычайная сживчивость человѣческаго существа съ природою; воображеніе не представляетъ себѣ наслажденія жизнію какъ только на ея лонѣ. Дѣвица, оплакивая свое дѣвство, житье беззаботное и веселое у родимой матушки, говоритъ: «моя свѣтлица—березовая роща; постель мнѣ — мурава зеленая на лужку; на лѣсной опушкѣ подъ зелеными вѣтвями — коморка моя; вода въ студеномъ колодцѣ — вино мое.

Какъ вообще въ народныхъ пѣсняхъ, въ литовскихъ любовь играетъ главную роль, но едва ли гдѣ-нибудь выраженіе любви болѣе деликатно, болѣе дѣвственно, болѣе трезво, какъ въ литовской поэзіи. Литовская дѣвица не страстна, и не только не порывается къ любви, но принимая ее, сохраняетъ стыдливость; муза литовская не допускаетъ сладострастныхъ образовъ и выраженій: это отличительный характеръ эротической поэзіи литовской. Для каждаго положенія въ исторіи любви юноши и дѣвицы есть свои символическія черты и образы: обыкновенно, дѣвица знакомится съ молодцомъ у воды, куда она идетъ мыть бѣлье; молодецъ къ ней пріѣзжаетъ на ворономъ конѣ. У дѣвицы спадаетъ вѣнокъ въ воду, а молодецъ досталъ его: спадающій вѣнокъ всегда означаетъ знакомство съ любовью Молодецъ, чтобы свидѣться съ дѣвицею, выбираетъ случай, чтобъ встрѣтиться у воды.

«Молю Бога — поетъ онъ — чтобъ завтра былъ ясный день; выйдетъ моя мергеле (дѣвица) мыть бѣлье на прудъ; я бы ей сказалъ утренній привѣтъ, подарилъ бы ей золотое колечко на пальчикъ. У моей дѣвицы очи черные, ясные; какъ пойдетъ она въ погребъ, такъ и свѣчь ей не надобно, да еще отъ кольца искры выскакиваютъ.» Кольцо тоже принадлежность дѣвицы, какъ и вѣнокъ. Вѣнокъ покрытъ розою, а кольцо ржавчиною, — это признакъ, что дѣвица уже созналась съ молодцемъ. Древній обычай умыканія дѣвицъ у воды — ясно слышится въ пѣсняхъ. Молодецъ увидѣлъ дѣвицу у воды, схватилъ ее и увезъ въ свой пестрый дворъ. Мать посылаетъ за нею въ погоню сыновей, ея братьевъ, но обыкновенно братья ея не догоняютъ, а зять присылаетъ тещѣ сѣно. Одна пѣсня довольно подробно разсказываетъ такое умыканье. Посылаетъ мать дѣвицу по воду къ Дунаю (Dunaselis) — у нея серебряное ведро, золотое коромысло, жемчужный вѣнокъ; вдругъ на встрѣчу ѣдетъ королевскій сынъ и проситъ напоить коня. Если дѣвица соглашается напоить коня — это означаетъ согласіе на любовь. Но дѣвица не хочетъ поить коня, молодецъ разбиваетъ у ней ведра и увозитъ ее къ себѣ. Она плачетъ, точно кукушка жалобно кукуетъ утромъ и вечеромъ, молодецъ ее утѣшаетъ; похищенная тоскуетъ по матери, по роднымъ и проситъ помостить черезъ море мостъ, чтобы можно ей каждое воскресенье ходить къ родимой матушкѣ. Цѣль любви всегда существенная — семейная жизнь; молодецъ съ дѣвицею бесѣдуютъ о томъ, какъ они, сдѣлавшись супругами, срубятъ дерево и сдѣлаютъ изъ него колыбель для своихъ дѣтей. Страсти кипучей, пламеннаго увлеченія, довольнаго настоящимъ положеніемъ, забывающаго будущее — мало въ литовской поэзіи. Молодецъ пріѣзжаетъ къ дѣвицѣ свататься на ворономъ конѣ или же на лодкѣ по водѣ: «стройте корабликъ, утверждайте на немъ парусъ, поплывемъ за дѣвицею въ чужую землю. Приставай, кормчій, къ рутяному садику, привязывай корабликъ къ тещевымъ воротамъ. Здравствуйте тестюшка и теценька! гдѣ моя дѣвица? гдѣ моя гвоздичка?— Садись, сыночекъ, за бѣлый столъ; дѣвица сей часъ выйдетъ изъ рутянаго садика! Другой образъ прибытія молодца таковъ: молодецъ пріѣзжаетъ къ двору, окруженному символическими деревьями: кленами и липами; дѣвица гуляетъ въ рутяномъ садикѣ между лиліями, въ рутяномъ вѣнкѣ

на головѣ; вѣтеръ срываетъ съ нея вѣнокъ, раскидываетъ ей волосы, — послѣдній образъ символизуетъ ея согласіе.

По народному литовскому понятію трудолюбіе есть главное достоинство женщины; по извѣстіямъ изъ XVI вѣка литовки не должны были выходить замужъ, прежде чѣмъ не покажутъ работу своего рукодѣлья; и теперь въ литовскихъ пѣсняхъ выхваляется дѣвица за то, что хорошо прядетъ, шьетъ, бѣлье моетъ. «Отъ чего ты дѣвица не ходила въ хороводъ? Сидѣла дѣвица за столикомъ, ткала красно, матери угождала, отъ того и въ хороводъ не ходила». — «Хорошая дѣвица — говоритъ другая пѣсня — въ хороводъ идетъ изъ за станка вставши, а изъ хоровода придетъ — за красно берется.» Точно тоже и доброму молодцу честь и хвала за трудъ: хорошій молодецъ въ хороводъ идетъ плугъ приснаряднвши, изъ хоровода придетъ — пашетъ. Восхваляя свою возлюбленную, молодецъ говоритъ, что онъ узнаетъ ее между всѣми дѣвицами по чистой одеждѣ, по тонкой ткани, по новому ткацкому лотку. То и честь дѣвицѣ, что она пряха, да тчетъ хорошо, да сѣно грести умѣетъ, да бѣлье въ пруду моетъ.

Свадебныя пѣсни грустнаго содержанія, и причиною грусти не страхъ тягости супружескаго деспотизма, а болѣе сожалѣніе о незамѣнимыхъ лѣтахъ дѣтства, разлука съ родною семьею. Дѣвица переходитъ въ другой домъ; это выражается на поэтическомъ языкѣ — за море; сама ея мать груститъ съ нею. «Пойди моя доченька, моя молодая — говоритъ мать — пойди въ рутяной садочикъ! Что-то твоя рута, твоя зеленая, такая пышная? Наклонились ея вѣточки до земли. Сорви, моя дочка, сорви моя молодая, цвѣточекъ въ саду. Вотъ уже цѣлый дворъ нарядныхъ гостей, засядутъ они за бѣлые столы, а съ ними женихови сестры. Ты уѣдешь моя доченька, моя молодая, съ гостьми въ чужую сторону; не услышишь какъ загруститъ твой батюшка, какъ вздыхать станетъ твоя родная матушка, какъ будутъ пѣть твои братцы; не увидишь какъ будутъ танцовать твои сестрицы; только и услышишь, какъ станутъ куковать кукушечки, да синее море будетъ шумѣть у берега!... Помостила бы я мосты изъ чистаго серебра; чтобы можно было воротиться къ матушкѣ, къ моей молодости; зазеленѣетъ рута, зацвѣтутъ розы, а молодости своей я никогда не увижу!— Какъ вы хотите, чтобъ я весела была? — обращается невѣста къ сестрамъ; — я никогда не ворочусь къ матушкѣ; кто мнѣ руки-ноги согрѣетъ, кто меня ласковымъ словомъ приголубитъ? — Свекоръ согрѣетъ и руки, и ноги; милый заговоритъ ласковымъ словомъ.» Прощаясь съ матерью, невѣста съ любовью и грустью вспоминаетъ про свои прежніе домашніе труды: «Нѣкому будетъ для тебя прясть и ткать, моя родная матушка; не буду я перебрасывать изъ рукъ въ руки легкій ткацкій лотокъ, не буду я стирать бѣлые столы, не мести мнѣ муравы на дворѣ, не ходить въ поле сѣно грести и не носить новыхъ граблей; не станетъ у меня на головѣ зеленѣть рутяной вѣнокъ; не будетъ моихъ волосъ развѣвать вѣтеръ; не въ вѣнкѣ, а въ чепцѣ приду я къ матушкѣ!»



Вотъ въ какихъ образахъ представляется пріѣздъ невѣсты къ свекру. Невѣста ѣдетъ съ своими братьями и сестрами: «Мы ѣдемъ, поется въ пѣснѣ, по полю, по свекровому полю: съ нами ѣдутъ братья и сестры и мужья, и пріѣхали мы къ свекровымъ воротамъ и увидѣла я свое горе на свекровыхъ воротахъ. Спѣши, братецъ, бери мечъ свой, выруби мое горе изъ свекровыхъ воротъ. Беретъ братецъ мечъ, ударяетъ по воротамъ, разрубливаетъ доску, а моего горя ему не вырубить.» Отъѣздъ невѣсты въ домъ жениха, какъ и пріѣздъ жениха къ невѣстѣ, изображается также путешествіемъ по водѣ. «Вотъ ворочается назадъ корабликъ по морскимъ волнамъ; серебряныя снасти, златые паруса; а на этомъ корабликѣ, а на этомъ черномъ, сидитъ молодецъ, бѣлъ и румянъ, сидитъ съ дѣвицею; плывутъ по Нѣману; дѣвица держитъ свой зеленый вѣнокъ.

Полная глубокаго чувства, литовская народная поэзія создала особый разрядъ пѣсенъ похоронныхъ, гдѣ плачутъ о мертвыхъ сродникахъ, о родителяхъ, дѣтяхъ. Вотъ сестры-сироты плачутъ на материнской могилѣ и ведутъ съ мертвою разговоръ: «Ахъ, вы мои дѣточки, мои сироточки! говоритъ имъ изъ могилы матушка. Что вы тутъ сидите, вы ѣсть, пить захотите! Будемъ ѣсть зелену траву, а пить

тельная по своему подобію съ такою же пѣснію, существующею почти у всѣхъ славянъ. Это плачъ надъ тѣломъ убитаго ратнаго мужа родныхъ ему женщинъ, изображаемыхъ въ видѣ кукушекъ. Мертвый воинъ представляется говорящимъ: «конь наступаетъ мнѣ на руки, на ноги и на лицо. Струится кровь красная, какъ піонъ — цвѣтъ. Прилетѣли три кукушечки въ ночной тьмѣ, кукуютъ кукушечки надъ моимъ тѣломъ — одна въ ногахъ, другая въ головахъ, третья надъ самымъ сердцемъ: кукуетъ пестрая кукушечка! Въ ногахъ невѣста, въ головахъ сестра, у сердца родная матушка. Гудутъ колокола, жалобно заводитъ органъ, плачетъ моя старая матушка. Не разбудятъ меня ни колокола, ни органъ, ни старая матушка; разбудитъ меня черная земля, бѣлая гробовая доска. Скроюсь я въ землѣ; тамъ не будетъ мнѣ горя. Невѣстѣ отдамъ я воронаго коня, сестрѣ мои хорошія платья, а любезной матушкѣ, моей кормилицѣ — ласковое словечко. Невѣста провожаетъ меня до воротъ, сестра до половины пути, а матушка, которая меня воспитала, до самой зеленой могилы. Невѣста будетъ плакать три недѣли, сестра три года, любезная моя матушка, моя кормилица, — всю жизнь!

НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВЪ.